

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный областной гуманитарный институт

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО**

*Научный журнал
№1 (2013)*

Орехово-Зуево
2013

ISSN 2227-8931

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный областной гуманитарный институт

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ: История, философия, политология, право

**Научный журнал
№ 1 (2013)**

Доктор философских наук, профессор, академик РАЕН **А.М. Юнусов**

Зам. главного редактора:

Кандидат юридических наук, доцент **М.В. Измайлов**

Ответственный редактор:

Кандидат филологических наук, доцент **К.В. Булавкин**

Ответственный секретарь: И.Е. Баранова

Члены редакционной коллегии:

Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации
Ю.И. Авдеев

Доктор философских наук, профессор, академик РАЕН. Заслуженный деятель науки
Российской Федерации Э.А. Баграмов

Зав. редакцией, младший редактор журнала «Социологические исследования» РАН
Э.К. Бийжанова

Доктор философских наук, профессор Д.В. Джохадзе

Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации
М.П. Киреев

Доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН В.Ф. Марухин

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Т.Г. Насриддинов

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник А.В. Роговая

Кандидат исторических наук, доцент А.В. Рябцев

Кандидат философских наук, доцент А.Н. Самарин

Доктор философских наук, профессор, академик РАЕН В.А. Чудинов

Доктор философских наук, профессор, академик РАЕН Г.А. Югай

© ГОУ ВПО Московский
государственный областной
гуманитарный институт, 2013

© Оформление.
Редакционно-издательский отдел
ГОУ ВПО Московский
государственный областной
гуманитарный институт, 2013

Редакционно-издательский отдел Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.

**E-mail: vestnikmgogi@gmail.com
www.mgogi.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1 ФИЛОСОФИЯ

Юнусов А.М.

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В ФОРМИРОВАНИИ
ИНОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ
В РАЗВИТИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО
ПОЗНАНИЯ.....5

Кадырова З.Р., Шарипов А.Д., Алиева В.Р.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....15

Махмудова Г.М.

АКТИВНЫЙ ИДЕАЛ В ЭТИКЕ ЗОРОАСТРИЗМА
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУХОВНОСТИ.....20

РАЗДЕЛ 2 ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Булавкин К.В.

КУЛЬТУРА ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА....28

Сокольская Л.В.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
И АККУЛЬТУРАЦИЯ.....37

Утепова Т. Б.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВОПРОСЫ
ЭКСТРЕМИЗМА.....51

Алексеев В.Н.

ЮЖНАЯ «ССЫЛКА» А.С. ПУШКИНА:
ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ.....56

Роман С.Н.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
НЕМЕЦКИХ ЭКСПРЕССИОНИСТОВ.....71

РАЗДЕЛ 3 СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Авдеев Ю.И.

ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.....76

Петрищев В.Е.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМИЗМА СРЕДИ
МОЛОДЕЖИ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ...97

Колпашников В.М.

О ВЛИЯНИИ РАДИКАЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЙ
ИСЛАМА НА МУСУЛЬМАНСКУЮ
МОЛОДЕЖЬ РОССИИ.....106

Кадырова Г.Г.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В БОРЬБЕ С
ПЫТКАМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....126

Комаров В.В.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
АКЦИЙ НА ОБЪЕКТАХ ВОЗДУШНОГО
ТРАНСПОРТА.....134

Каменских Н.А.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА.....141

И.П. Коцюбинский

ВЛАСТЬ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ.....146

РАЗДЕЛ 4 ЭКОНОМИКА. ПРАВО

Бутяйкин И.А.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДА-
ТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО
УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ
ДОКУМЕНТОВ, ДОКУМЕНТОВ
РЕФЕРЕНДУМА И ИТОГОВ
ГОЛОСОВАНИЯ.....154

Мухортова М.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ
ПРОБЛЕМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....158

Петрушенко А.Д.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ США.....164

Суворов В.В.

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ
НЕГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА
ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....170

CONTENTS

SECTION 1. PHILOSOPHY

- Junusov A.M.**
PHILOSOPHY AND SCIENCE IN
THE FORMATION OF INNOVATIVE
APPROACHES IN THE DEVELOPMENT
OF SOCIO-HUMANITARIAN
KNOWLEDGE.....5
- Kadyrov Z.R., Sharipov A.D.,
Aliyev V.R.**
INTERPRETATION OF THE PROBLEMS
OF TOLERANCE.....15
- Makhmudova G.T.**
ACTIVE IDEAL IN THE ETHICS
OF ZOROASTRIANISM IN THE
CONTEXT OF THE NATIONAL
HUMAN SPIRITUALITY.....20

SECTION 2. HISTORY. CULTURE SCIENCE

- Bulavkin K.V.**
CULTURE OF PRIMITIVE SOCIETY.....28
- Sokol'skaya L.V.**
CULTURAL-HISTORICAL PROCESS
AND ACCULTURATION.....37
- Utepova T.B.**
INTERRELATION OF CULTURES
IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION
AND THE ISSUES OF EXTREMISM.....51
- Nikolayevich A.V.**
SOUTH LINK A.S. PUSHKIN:
CAUSE AND EFFECT.....56
- Roman S.N.**
LIFE AND DEATH IN THE
INTERPRETATION
OF GERMAN EXPRESSIONISTS.....71

SECTION 3. SOCIOLOGY. AND POLITICAL SCIENCE

- Avdeev U.I.**
EXTREMISM IN MODERN RUSSIA:
MAIN TRENDS AND PROBLEMS
OF COMBATING.....76
- Petrishchev V.E.**
THE SPREAD OF ISLAM AMONG YOUNG
PEOPLE AS A THREAT TO SECURITY.....97

- Kolpachnikov V.M.**
ON THE INFLUENCE OF RADICAL
ISLAMIC MOVEMENTS ON THE
MUSLIM YOUTH OF RUSSIA.....106

- Kadyrova G.G.**
PRACTICAL ASPECTS OF ITS
IMPLEMENTATION INTERNATIONAL
NORMS IN COMBATING TORTURE
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....126

- Komarov V.V.**
WAYS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS
OF PREVENTION AND SUPPRESSION OF
EXTREMIST AND TERRORIST ACTIONS
THE AIR TRANSPORT OBJECTS.....134

- Kamenskikh N.A.**
LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE CONTEXT OF BUILDING
THE INFORMATION S OCIETY.....141

- Kotsiubynsky I.P.**
POWER AND STRATEGY DEVELOPMENT...146

SECTION 4. ECONOMY. LAW

- Butyakin I.A.**
THE EVOLUTION OF RUSSIAN LEGISLATION
PROVIDING FOR CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR FALSIFICATION OF ELECTION
DOCUMENTS, DOCUMENTS OF THE
REFERENDUM AND OF THE VOTING
RESULTS.....154

- Mukhortova M.V.**
SOCIAL DETERMINISM PROBLEMS
OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
OF MINORS.....158

- Petrushenko A.D.**
STATE POLICY FOR THE DEVELOPMENT
OF EDUCATION IN RURAL AMERICA.....164

- Suvorov V.V.**
THE MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES
OF THE PRIVATE SECTOR PRESCHOOL
EDUCATION IN THE MOSCOW REGION.....170

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В ФОРМИРОВАНИИ ИНОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ В РАЗВИТИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Юнусов А.М.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты проблемы соотношения философии и науки, а также их роль в формировании современного социогуманитарного познания.

Ключевые слова: философия; наука; познание; культура; инновации.

Для правильного определения роли философии и науки в формировании новых подходов в развитии социогуманитарного познания большое значение имеет учёт, по крайней мере, три важных аспекта:

- является ли философия наукой;
- как взаимодействует философия и частные (конкретные) науки;
- каково соотношение философии и вненаучного знания.

Актуальность вопроса выражается в том, что в научной литературе существовали и существуют до сих пор мнения о том, что философия не только не наука, но и в принципе чужда науке. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Первый аспект. По нашему мнению, нельзя отрицать научного характера философии вообще как одного из мощных потоков развития человеческого знания и культуры. И если к ней подходить не только со стороны конкретных концепций, а рассмотреть с позиции истории, то можно обнаружить преемственность в развитии философского знания, его проблематики, общность категориального аппарата и логики исследования. Не случайно Гегель рассматривал философию, прежде всего, с точки зрения «науки логики».

Выводы, полученные в рамках философии, служат не только средством получения научного знания, но и сами входят в содержание науки. Не случайно многие крупные ученые в области конкретных наук являются и виднейшими представителями философии. У философии имеется свой специфический язык и свой категориальный аппарат. Она осуществляет научный поиск и уже поэтому имеет научный характер (к этому надо, пожалуй, добавить лишь одно уточнение – если она опирается на систему научного знания). Философия выражает свои идеи не только в понятиях, но организует понятийное знание в систему философских теорий. Все это позволяет признавать за философией статус научного знания.

Второй аспект – взаимодействие философии и частных (конкретных) наук. Естественно, что современная философия уже не может, как прежде, претендовать на роль науки наук, включать в себя все знания. Конкретные науки имеют собственный предмет исследования, свои законы и методы, свой уровень обобщения знания. Философия же делает предметом анализа обобщения частных наук, то есть она имеет дело с более высоким, вторичным уровнем обобщения. Если первичный уровень обобщения приводит к формулированию законов конкретных наук, то задача второго уровня – выявление более общих закономерностей и тенденций. Основным методом философии при этом выступает теоретическое мышление, опирающееся на достижения частных наук, конечно, в том случае, если сама философия претендует на научность. Крупнейшие открытия в конкретных науках способствовали и интенсивному развитию философии. Достаточно указать на огромное влияние, которое оказали успехи естествознания в Новое время или в конце XIX – начале XX вв. на развитие философского знания. При этом надо иметь в виду, что новые открытия в области частных наук могут приводить к утверждению как научно-философских выводов, так и той философской ветви, которая представляет иррационалистические спекуляции.

Однако философия не только испытывает влияние со стороны частных наук, но и сама оказывает воздействие на их развитие, причем опять-таки как положительное, так и отрицательное. Философия, конечно, не призвана делать какие-либо открытия естественнонаучного характера. Ее влияние осуществляется через философское мировоззрение, методологию и ценностные ориентации, которые так или иначе воздействуют на первоначальные позиции ученого, его отношение к миру и познанию, а также на его отношение к необходимости развития той или иной конкретной области знания (например, ядерной физики, евгеники, генной инженерии и тому подобное).

Взаимозависимость философии и частных наук хорошо выразил И.В. Гёте: «От физика, – писал он, – нельзя требовать, чтобы он был философом; но <...> он должен быть знаком с работой философа, чтобы доводить феномены вплоть до философской области. От философа нельзя требовать, чтобы он был физиком, и, тем не менее, его воздействие на область физики и необходимо, и желательно. Для этого ему не нужны частности, нужно лишь понимание тех конечных пунктов, где эти частности сходятся»¹.

Наконец, третий аспект – взаимоотношение философии и вненаучного знания. Вненаучное знание можно разделить (с известной долей условности) на заблуждения, связанные с исследованиями людей, убежденных, что они создают подлинную науку, и паранауку (антинауку, псевдонауку, «альтернативную науку»), куда входят такие «науки», как астрология, оккультные «науки», магия, колдовство и так далее.

Говоря о соотношении философии и «заблуждающегося разума», следует, на наш взгляд, рассматривать последний в качестве момента развития научного

¹Гёте И.В. Избранные философские произведения. – М., 1964. – С. 369.

знания и философии. Причем с исторической точки зрения этот момент необходим в силу самого характера процесса познания. Он свойствен любой науке. Философия также не может быть гарантирована от заблуждений.

Весьма интересные суждения в рассматриваемом контексте мы находим в работах выдающегося современного немецкого философа Курта Хюбнера. В частности он отмечает, что «с развитием науки и техники метафизика утратила своё господствующее положение. Философия в значительной мере превратилась в теорию научно-эмпирического мышления, развивающегося в форме естественных и гуманитарных наук»¹.

Какова же взаимодействие философии и науки в формировании социогуманитарного знания? На наш взгляд, и философия, и наука, с учётом имеющихся особенностей, вносят свой вклад в понимание специфики гуманитарного знания.

В этой связи следует подчеркнуть, что философская рефлексия социогуманитарного знания в наше время имеет уже не только академический интерес: она жизненно необходима для самоопределения и отдельной личности, и коллективных субъектов при выборе способов и характера социальных действий, она нужна также для выстраивания тактики и стратегии культурно-цивилизационного развития общества в столь сложных условиях современности. Причём особое место среди социогуманитарных наук занимает философия. Она осуществляет мировоззренческий синтез не только материала частных наук, но и вненаучных форм знания (обыденного опыта, религии, искусства). Это делает ее интегральной формой социогуманитарного знания, обеспечивая единство человеческого опыта. Конкретные социально-гуманитарные науки разрабатывают знание об отдельных сторонах бытия человека в обществе, рассматривая человека, то как экономическое, то как политическое, то как креативное, то как воспитуемое и так далее существо. Между тем философия стремится к теоретическому воспроизведению человека как целостной личности в многообразии ее свойств, которая необходимым образом включена в систему общественных связей и отношений, формируемых самими же людьми.

Зададимся вопросом. Какое же практическое значение имеют философия?

Её значение огромно. Философия воспитывает в человеке широкий, правильный взгляд на мир, умение видеть большое даже в самом малом. Она развивает мышление, делает его гибким, пронизательным, враждебным застою и рутине. Изучение философии призвано помочь преобразовать стихийно сложившиеся у человека взгляды в более тщательно продуманное, обоснованное миропонимание.

Специфика философской мудрости состоит в ее целенаправленности на смыслы максимально всеохватной (общей, предельной, целостной) и вместе с тем фундаментальной значимости. В таком понимании философия есть поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы своего бытия (наиболее

¹ Курт Хюбнер. Философия науки и теология // Эпистемология и философия науки Т.Х, №4. Научно-теоретический журнал по общей методологии наук, теории познания и когнитивным наукам. «КАНОН+». – М., 2006. – С. 17.

существенные, фундаментальные, всеохватные, не знающие исключений, объединяющие жизнь людей в единое целое, в поле действия которых попадает каждый человек).

Подлинная философия – это всегда углубленный поиск добра, сотворение нравственного человека. Высокие моральные черты людей не возникают сами по себе, они довольно часто являются непосредственным результатом плодотворной деятельности философов. Большая заслуга философии как науки в том, что она выявляет и вырабатывает смыслы человеческих деяний, поступков, формирует стратегические цели. Здесь-то как раз и реализуются практические потенциалы философии.

Философия формирует интеллект, развивает у человека способность к теоретическому мышлению и формированию собственного мировоззрения. Философия учит мыслить свободно и критически. Философия – искусство мышления, призванного помочь человеку обрести мудрость, или «добрый разум» как важную интеллектуальную характеристику.

Философия – это наука об универсальных законах бытия. И как любая наука она отвечает требованиям научности.

Во-первых, философское знание – это не простая сумма информации, а система. Это значит, что философское знание – это взаимосвязь определенных истин, их упорядоченность, а не хаотическое нагромождение. Это определенная логика изложения, последовательность, непротиворечивость, доказательность (относительная).

Во-вторых, как каждая наука, философия имеет свой предмет, то есть свой круг проблем. Исторически он меняется, но основные направления философского интереса остаются. Философия – это учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру.

В-третьих, философия отвечает такому принципу научности как наличие законов. Каждая наука обнаруживает необходимые и существенные связи между явлениями, объектами. Физика – в природном мире, социология – в общественном. Философия также имеет дело с рядом законов, которые не исследуются никакой иной сферой знания. Это законы диалектики.

В-четвертых, статус науки определяется наличием категориального аппарата. Каждая наука имеет свои понятия, свой язык. Философские категории – специфичны. И даже если какое-то философское понятие нам кажется знакомым, например, «материя», «движение», «закон» – то это не значит, что мы знаем его философское толкование. Нам известно его обыденное значение.

В-пятых, философия, как всякая наука, имеет свой метод познания, свой способ нахождения истины. Таким методом является диалектика.

Итак, системность, наличие предмета, законов, категорий и метода определяет философию как науку. Однако не все так просто. Можно встретить суждения, в которых научный статус философии отрицается.

Однако имеющиеся материалы научных дискуссий о методах социогуманитарных наук убедительно показывает, что философия – это наука.

Философия в ее онтологической основе родственна естественным наукам, ибо (как и все естественные науки) она изучает характеристики объективного мира. Поэтому категории философии и естественных наук во многом совпадают, являются зачастую общими (движение, пространство, время, причинность, свойство, отношение, элементы, система, изменчивость, прогресс и тому подобное). Не случайно также в русле философии зародилась натурфилософия как учение, органически сочетающее философское и естественнонаучное знание.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы: философия является чисто гуманитарной наукой, философия наиболее близка к техническим наукам. Следовательно, спецификой философии является ее способность быть одновременно естественной, гуманитарной и технической наукой, что делает философию (и только философию!) «своей» для каждой из двух с половиной тысяч существующих ныне наук. Общий вывод: философия – наука о наиболее общих законах природы, общества, мышления.

В истории науки существует много вариантов понимания научности.

Логический позитивизм разграничил научное и ненаучное знание, используя принцип верификации, то есть подтверждение на истинность. Затем К. Поппер создал свой образ науки: водораздел между ней и ненаучным знанием прошел по особой – демаркации. Здесь действует принцип фальсификации, то есть принципиальная опровержимость любого утверждения, относимого к науке. Своего рода подтверждение на неистинность. И этом случае главным отличием науки является то, что только в ней есть рациональные способы проверки опытных суждений. Поэтому, например, астрологию, К. Поппер называл псевдонаукой, поскольку астрологи разрушили проверяемость, чтобы избежать фальсификации.

Следующий этап развития научной теории – концепция Г. Куна. Он продолжил поиск демаркации между наукой и ненаукой, но в ином направлении. Для него определяющим началом развития науки был единый стиль мышления, признание сообществом ученых каких-то фундаментальных теорий, оснований, которые он назвал парадигмой. Для него решающим стал парадигмальный принцип.

Суммируя сказанное, можно следующим образом представить себе взаимосвязь между наукой, философией и вненаучным знанием. Для этого используем все обозначенные выше модели. За исходное рассуждение возьмем тезис К. Поппера о том, что «философские концепции органически вплетены в тело науки».

Если использовать образ «тело науки», то, на наш взгляд, философия, хотя и входит органично в это «тело», все-таки имеет особенность своего бытия.

Как это представить? Обозначим два круга, которые частично наложены друг на друга. Один как бы показывает территорию научного знания, другой – философского. Совпадающие части отражают общие черты науки и философии, а несовпадающие – единичные. Сказанное наиболее наглядно можно видеть в следующем. Например, научное мышление (наука) предметно,

а философское мышление межпредметно, научное мышление строго занормировано конкретной нормой, а философское – занормировано слабее. Далее следует отметить, наука оперирует понятиями, а философское мышление оперирует категориями. Наука отвечает на вопросы почему? Философия – как? зачем? для чего? как изучать? и так далее. Философия ставит задачи, но не решает их. Категоричности в гуманистических знаниях не может быть. Её здесь нет. Следует также подчеркнуть, что философия всегда экзистенциально личностна. В ней сильно развита саморефлексия. Философия всегда стремится к трансцендентности, и она ориентирована на любовь.

Однако общим для научного и философского знания является системность, наличие предмета, законов, категорий, метода (у каждого – свои). В качестве единичных черт для наук можно назвать принципы верификации, фальсификации и парадигмальный. Что касается философии, то здесь разговор особый.

Мы убедились, что философия – особенная наука: у нее особый предмет (универсум), человек является центральной проблемой, особенность законов: их универсальность, то есть проявление в природе, обществе, познании.

И еще одна особенность, связанная с научным статусом. Философская теория стала методом для других наук в силу специфики своих универсальных законов и универсального метода (диалектики).

В то же время (как отмечают некоторые теоретики) философии иногда недостает принципов, свойственных классическим наукам (точным): верификационного, фальсификационного, парадигмального. Действительно, как на опыте доказать первичность материи или сознания? И можно ли найти общее основание (парадигму) для всей философии?

Мы все время говорим о философии как науке. Однако ее существенная особенность состоит в том, что она является не только наукой. Философия – еще и форма общественного сознания. Причем (что очень важно) она связана именно с теоретическим уровнем общественного сознания. Что это значит? А то, что она рационально обосновывает свои принципы. Этим философия отличается от мифологии и религии, которые основываются на вере и апеллируют не столько к разуму, сколько к чувствам.

Итак, мы выявили особенности философского знания. Они определяют следующие функции философии. Назовем наиболее важные из них.

1. Поскольку философия – это система знания, то здесь проявляется ее гносеологическая (познавательная) функция.

2. Та как человек является центральной проблемой, и все проблемное поле сфокусировано на целостном постижении человека, во всем многообразии его связей с Универсумом, то формируется ещё одна функция – оценочная, аксиологическая (аксиология учение о ценностях). И это прерогатива философии: ни одна наука не ставит себе таких задач. Только философия рассматривает жизнь сквозь призму оценочных суждений: что есть истина, добро, красота, справедливость и другие.

3. Философия обладает методологической функцией, поисковой, помогая другим наукам в отыскании их истин на основе своей теории.

4. Являясь формой общественного сознания, философия формирует мировоззрение. Мировоззренческая функция философии – это её фундаментальная цель. В других научных сферах она выступает как сопутствующая.

Задача философии состоит в том, чтобы, анализируя жизнь, сформировать мировоззрение, предложив методологию и аксиологию. Мировоззрение отвечает на вопрос, что собой представляет действительность. Методология призвана научить человека, как он должен искать истину. Аксиология обозначает выбор цели: для чего?

Таким образом, философия – это общая теория мира и бытия человека в нем.

Теперь, говоря о науке необходимо подчеркнуть, что возросшая роль науки в современном мире поставила перед философией задачу изучения сущности науки, ее роли в жизни общества, анализа ее методов. Так, например, неопозитивисты (логические позитивисты), как мы уже отмечали, отрицали за философией статус науки. Они считали, что это особый способ теоретизирования. Философия должна дать логический анализ языка науки. Философия не должна с точки зрения неопозитивистов систематизировать и обобщать данные конкретных наук, а должна анализировать языковые формы знания. Основной функцией философии должна стать интеллектуальная цензура за наукой.

Следует отметить, что с новых позиций был подвергнут критике возвышенный образ философии одним из крупнейших мыслителей XX века Людвигом Витгенштейном. Он доказывал, что философские проблемы обычно представляют собой смесь логической путаницы, языковых ошибок и расстройств мышления. Поэтому, решая ту или иную проблему, философ должен с помощью скрупулезного анализа выявить истоки ошибок и путаницы и вернуться к здравому смыслу.

Дадим определение науке. Наука есть постижение мира, в котором мы живем. Постижение это закрепляется в форме знания как мысленного моделирования действительности. Соответственно этому, науку принято определять как высокоорганизованную и высокоспециализированную деятельность по производству объективных знаний о мире, включая и самого человека. Вместе с тем производство знаний в обществе не самодостаточно, оно необходимо для поддержания и развития жизнедеятельности человека. Становление опытной науки в XVII веке привело к коренным преобразованиям всего образа жизни человека. Как отмечал Б. Рассел: «Почти все, чем отличается новый мир от более ранних веков, обусловлено наукой, которая достигла поразительных успехов в XVII веке»¹.

Новый мир, насколько это касается духовных ценностей, начинается с XVII века. Современное развитие науки ведет к дальнейшим преобразованиям

¹Рассел Б. История западной философии. – М., 1959. – С. 545.

всей системы жизнедеятельности человека. Особо впечатляюще ее воздействие на развитие техники и новейших технологий, а научно-технического прогресса (НТП) – на жизнь людей. Наука создает новую среду бытия человека. «Как и искусство, – пишет М. Хайдеггер, – наука не есть просто культурное занятие человека. Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть»¹.

Таким образом, наука как инновационная деятельность один из важнейших аспектов общей структуры современной науки, связанный с систематическим использованием научных знаний в развитии экономики, для производства новых наукоемких товаров и услуг и высокотехнологичной продукции. Наука является фундаментом современной инновационной системы общества. Вклад науки в общий объем инноваций современного общества является решающим. И более того перспективы развития и будущего науки в интеграции естественнонаучного и социогуманитарного знания.

При этом важно подчеркнуть, что наука как подсистема культуры – одно из важнейших измерений общей структуры науки и ее функций в развитии общества. Будучи органической частью культуры, наука всегда отражает в своем состоянии и развитии как общие цели и ценности наличной культуры в целом, так и результаты своего взаимодействия с другими подсистемами культуры (экономикой, политикой, философией, правом, религией, искусством и другими).

Наука в своем существовании и развитии утверждает, прежде всего, такие универсальные ценности культуры, как Разум, Истина, Творчество, Польза, Свобода, Развитие и другие. С другой стороны, наука сама оказывает существенное влияние на развитие как культуры в целом, так и всех ее подсистем, особенно на экономику, образование и мировоззрение. Среди наиболее важных функций науки в обществе необходимо выделить такие ее общекультурные функции, как мировоззренческая, информационная и образовательная. Существенная взаимосвязь между наукой и культурой результируется в определенных культурно-исторических типах науки, смена которых составляет одну из главных общих закономерностей развития науки. Следовательно,

- наука – основа социального прогресса;
- наука – главный источник истинного знания;
- наука должна быть свободной и не зависеть от политики, идеологии и государственного вмешательства.

В связи со сказанным, следует отметить, что обсуждение проблематики соотношения философии и науки в развитии социогуманитарного познания в научной и философской литературе имеет давнюю традицию. Одно время оно было весьма интенсивным, потом накал этой проблематики несколько спал. Между тем интерес к этой тематике не только не угас, он стал весьма широким и даже вышел за пределы науки и философии.

¹Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 239.

Особенностью современной науки является осмысление философских аспектов до культурологических. В этой связи возникает ряд философско-методологических вопросов, в частности, рассмотрение разных трактовок философии и науки, уточнения методологии гуманитарного знания. В современных условиях налицо усиление рефлексивности научных открытий, взаимодействия науки и культуры. При всем этом наблюдается некорректное отношение к ценностным мировоззренческим установкам, забывается важный принцип, что знания вне человека не существуют. Современная наука включает в себя человеческие и социальные взаимодействия, в которые вступают люди по поводу научных знаний. Между тем строгие научные выводы, обращенные к разуму и совести личности, мало кому приносят счастье и душевное спокойствие, ибо возлагают ответственность за поступки на самого человека. В литературе справедливо отмечается, что «работа человека по осознанию самого себя представляет собой творческий процесс, и как всякий творческий процесс он весьма значим для самого человека. В ходе этого самоосознания, саморефлексирования человек и сам поднимается, как поднимается всякий делающий новый шаг в любом познании. Это тем более важно, что в ходе этого самопознания не только открывается новая истина, но может очищаться сама человеческая душа»¹.

Нам представляется, что практическая реализация приведённой выше установки, требует от представителей научной философии более активного распространения научного миропонимания. Здесь важно отметить следующее: от того, каким будет человек, на каких основах будет развиваться общество, во многом зависят судьба и сам тип науки. Если наука в целом служит не только усилению материального могущества человечества, но и развитию самого человека, его способностей и дарований, духовного мира, то в этом особенно важна миссия философии. Глубокая теоретическая работа переплетается здесь с проблемой воспитания и развития личности. Нужно чтобы знания превращались в убеждения, а убеждения – в норму поведения.

Подводя итоги сказанному, важно подчеркнуть, что современное социально-гуманитарное знание обогащается не только за счет процессов интеграции научного знания и усиления их междисциплинарных связей, но и благодаря содержательному взаимодействию со сферами культуры, ранее резко отделенными от нее. Указанное взаимодействие многократно возрастает на современном этапе развития науки, когда процесс теоретических исследований осуществляется особенно интенсивно, когда человек познает такие глубокие, такие сложные явления и закономерности действительности, которые требуют инновационно-гибкого, высокоразвитого, творческого мышления. Сегодня выяснилась одна из очевидных истин: если мы хотим понять человека и общество, мы должны понять, что человек – это, прежде всего, мыслящее существо. Понять это возможно, лишь в контексте культуры, способствующей раскрытию гуманистических и потенциальных возможностей человека.

¹ Барулин В.С. Экзистенциально-индивидуальный человек: грани духовности // Философия и современность. – М.: Профиздат, 2009. – С. 27.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С. А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков Л.В. Введение в историю и философию наук /под ред. проф. С.А. Лебедева: учебн. пособие для вузов. – М.: Академический проспект, 2005.
2. Методологические проблемы дисциплинарных и междисциплинарных исследований в социально-гуманитарных науках: коллективная монография. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010.
3. Микешина Л.А. Философия науки: эпистемология. Методология. Культура. – М., 2006.
4. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

Summary

PHILOSOPHY AND SCIENCE IN THE FORMATION OF INNOVATIVE APPROACHES IN THE DEVELOPMENT OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

A.M. Junusov

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article discusses various aspects of the problem of the correlation of philosophy and science, as well as their role in the formation of modern socio-humanitarian knowledge.

Key words: philosophy; science; knowledge; culture; innovation.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юнусов Адхамжон Мамадалиевич – доктор философских наук, профессор Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: dll99@mail.ru

Junusov Adhamjon Mamadalievich – doctor of philosophical Sciences, Professor of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: dll99@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Кадырова З.Р., Шарипов А.Д., Алиева В.Р.

Национальный университет Узбекистана

Аннотация: В статье делается попытка философского анализа термина «толерантность», рассматриваются различные аспекты данного понятия, выделяются разновидности толерантности, подчёркивается её значение в современном мире.

Ключевые слова: толерантность; интолерантность; глобализация; культура; экстремизм.

Широкие глобализационные процессы, взаимовлияние и взаимопроникновение культур, диалог мировоззрений и другие важные феномены в современном обществе с неизбежностью ставят человечество перед проблемой формирования и развития толерантности. Следует отметить, что эффективность реализации принципов толерантности во многом зависит от правильности её реализации в современных условиях, прежде всего связанных с глобализацией этого феномена. Происходя от латинского *tolerantia*, сам термин переводится как «переносить, выдерживать, терпеть». Множественность переводов обуславливает неоднозначность толкования данного понятия. Кроме того, объяснением неоднозначности толкования толерантности служат и исторические аспекты возникновения и развития её дефиниции.

В научной литературе выделяют ряд основных моделей толерантности: религиозную, медицинскую, общеантропологическую, психологическую.

Пережитые человечеством события начала и середины XX века (чередa бесконечных войн, конфликтов на этнической и религиозной почве и так далее) привели к появлению модели толерантности, на наш взгляд, обобщающей все её конкретные виды и проявления. Международным сообществом 1995-й год был объявлен Годом толерантности. 16 ноября 1995 г. в Париже резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО была утверждена «Декларация принципов толерантности». В ней представлены три основные значения этого понятия. Первое – это уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности, это гармония в многообразии¹. Второе – это не пассивное смирение и не отказ от своих убеждений, а, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод другого человека, признания того, что люди различаются по внешнему виду, поведению, ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою инди-

¹Назаров Р.Р. Исторические традиции межэтнической и межконфессиональной толерантности Ташкента// Узбекистон тарихи. 2008. № 3. - С.46-53.

видуальность. И третье – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. С нашей точки зрения, в приведенных определениях явно просматриваются основные условия формирования толерантности: знакомство с разнообразием культур мира и проявлений индивидуальности, знание прав и свобод, предпочтение неконфликтных форм поведения. Таким образом, данная модель толерантности провозглашает всестороннее равенство всех людей¹.

Как многоаспектное понятие, **толерантность** используется для характеристики ситуаций диалога культур, достижения консенсуса, рационального обоснования приоритетности поиска путей мирного и стабильного сосуществования в условиях многообразия. Термин «**интолерантность**» (нетерпимость) используется для описания ситуаций проявления насилия, дискриминации, нарушения прав человека, нагнетания социальной нестабильности, стремления к жесткому единообразию, которые также находят широкое проявление в современном мире. Можно ли к ним относиться толерантно?

Все эти современные реалии, которые оказались совмещенными с фактом глобализации толерантности, а именно: глобализация экстремизма и терроризма, различных видов насилия, антигуманизма и так далее, на наш взгляд, вызывают необходимость некоторых уточнений в концептуально-прагматических подходах к проблеме толерантности.

В исследованиях толерантности, прежде всего, выделяется спорный вопрос ее соотношения с терпимостью. Использование принципа синонимической замены позволяет сделать вывод о том, что отождествление в данном случае некорректно в силу следующих причин. Прежде всего, проявляя терпимость по отношению к кому или чему-либо, субъект остается бездейственным: подобное отношение не является поиском взаимодействия с «другим».

С нашей точки зрения, фактором формирования толерантности является наличие оптимистического мироощущения, искреннего доброжелательного интереса к непохожему «другому». В целом, толерантность – это сложный, многоаспектный, многокомпонентный и неоднородный феномен, который невозможно с достаточной полнотой описать только в одном измерении.²

Отсутствие единого общепринятого определения толерантности приводит к тому, что и в теоретических подходах, и в ее диагностике в настоящее время активно используется уже упомянутый ранее принцип сопоставления противоположностей: толерантность и интолерантность зачастую исследуются в дихотимическом контексте.

Стремление осмыслить проблему толерантности в контексте её психологических аспектов привело нас к разработке концептуальной модели формиро-

¹Кадырова З.Р. Толерантность и ее место в современной жизни// Архитектура - курилишфанивадавр.- Ташкент, 2006. – С. 146-148.

²См. Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика (социально-экономическая и духовная интеграция различных этнических групп в современное узбекистанское общество). Отв. ред. А.С. Ачилдиев. - Ташкент: РИКЦ, 2004.

вания толерантности в структуре социально-нравственных отношений. Рассмотрим её основные положения:

Толерантность – система внутренних ресурсов личности, отражающая готовность и способность личности позитивно и продуктивно решать сложные задачи взаимодействия с самой собой и «другим», отличающимся по внешности, мыслям, чувствам, ценностям, поведению, способствующая невосприимчивости к провоцирующим факторам среды. Ресурс – запас, источник, средство, к которому обращаются в необходимом случае. Толерантность может:

1) реализоваться в разных системах: «я», «я – другой».

2) находиться в актуальном или потенциальном состоянии.

3) проявляться в разных видах: как межличностная, межэтническая, межконфессиональная, гендерная и тому подобные, основываясь при этом на единой готовности и способности личности позитивно и продуктивно решать сложные задачи взаимодействия. В целом, толерантность представляет собой не некое терпеливо-пассивное, а позитивное активно-деятельностное отношение человека, общества, к нечто иному, другому, непривычному им.

В структурном отношении все виды толерантности предполагают когнитивную и операциональную составляющие.

Первая включает в себя:

а) знания о толерантности и толерантном поведении, его преимуществах;

б) представления о приемах, способах, стратегиях толерантного взаимодействия;

в) осознанное желание соответствовать представленным образцам (мотивированность).

Вторая представляет собой совокупность опыта воплощения соответствующих знаний и представлений в конкретных ситуациях. Этот опыт включает в себе как эмпирические обобщения о ситуациях взаимодействия, так и специальные знания, усвоенные в процессе намеренно организованной деятельности. Толерантность формируется целенаправленно и поэтапно¹.

Далее в вышеотмеченной «Декларации принципов толерантности», толерантность определяется как «ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, в уважении к разнообразию культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми различающимися между собой по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям».

Целиком присоединяясь к этому определению, в то же время, исходя из вышеизложенного, считаем необходимым внести некоторые важные уточнения в такое понимание толерантности. С нашей точки зрения, его следует допол-

¹Гребенникова И.А. Инкультурация и межкультурное общение как феномен толерантности и адаптации к новой культуре // Педагогическое образование и наука. - 2009. - №7. - С.31-33.

нить следующим положением: «если они не посягают на права и интересы других людей, не направлены на их насильственное нарушение, в целом не противоречат принципам гуманизма, международного и соответствующего ему национального права».

Особая важность и значимость данной конкретизации определения толерантности проявляется в контексте её общественно-политических аспектов. Всё это определяет правомерность исходить не из некоторых абстрактных истолкований толерантности, а из того, что происходит в современном мире, прежде всего, из необходимости последовательно противостоять посягательствам на права других людей, проявлениям антигуманизма, нарушениям действующих международных и национальных законов, их идеологическим истолкованиям, более эффективно бороться против различного рода экстремизма и терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенникова И.А. Инкультурация и межкультурное общение как феномен толерантности и адаптации к новой культуре // Педагогическое образование и наука. – 2009. - №7. – С. 31–33.

2. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. // Доклад Президента Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената ОлийМажлиса Республики Узбекистан. 12 ноября 2010 г.

3. Кадырова З.Р., Шарипов А.Д., Каримов Б.Р., Алиева В.Р. Толерантность, глобализация и социальное развитие. – Т., 2011. – 160 с.

4. Кадырова З.Р. Толерантность и ее место в современной жизни // Архитектура-курилишфанивадавр. – Ташкент, 2006. – С. 146–148.

5. Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика (социально-экономическая и духовная интеграция различных этнических групп в современное узбекистанское общество). Отв. ред. А.С.Ачилдиев. – Ташкент: РИКЦ, 2004.

6. Назаров Р.Р. Исторические традиции межэтнической и межконфессиональной толерантности Ташкента // Узбекистон тарихи. – 2008. - № 3. – С. 46–53.

Summary

INTERPRETATION OF THE PROBLEMS OF TOLERANCE

Z.R. Kadyrov, A.D. Sharipov, V.R. Aliyev

National University of Uzbekistan

Abstract. In the article an attempt is made to the philosophical analysis of the term «tolerance», discusses the various aspects of this concept are allocated varieties of tolerance, underlines its importance in the modern world.

Key words: tolerance; intolerance; globalization; culture; extremism.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кадырова Зухра Рашидовна – доктор философских наук, профессор Национального университета Узбекистана; E-mail: zuhrakadirova@mail.ru

Kadyrov Zohra Rashidovna – doctor of philosophical Sciences, Professor, National University of Uzbekistan; E-mail: zuhrakadirova@mail.ru

Шарипов Анвар Джуманиязович – кандидат философских наук, доцент Национального университета Узбекистана; E-mail: zuhrakadirova@mail.ru

Sharipov Anwar Dzhumaniyazovich – candidate of philosophical Sciences, associate Professor, National University of Uzbekistan; E-mail: zuhrakadirova@mail.ru

Алиева Вилоят Ренатовна. – кандидат философских наук, доцент Национального университета Узбекистана; E-mail: Viloyat@rambler.ru

Aliyev Viloyat Renatovna – candidate of philosophical Sciences, associate Professor, National University of Uzbekistan; E-mail: Viloyat@rambler.ru

АКТИВНЫЙ ИДЕАЛ В ЭТИКЕ ЗОРОАСТРИЗМА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Махмудова Г.М.

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Аннотация: В статье рассматриваются этические принципы древнего зороастризма, воплощённые в Авесте, – памятнике древнеиранской религиозно-философской мысли, и подчёркивается их непреходящее значение для всего человечества.

Ключевые слова: зороастризм; Авеста; этика; нравственность.

В раскрытии религиозно-философской, социально-нравственной сущности того или иного исторического феномена большое значение имеют не только события, факты и явления, изложенные в самом тексте, но и социально-историческая почва, способствовавшая функционированию и изменению его содержания и направленности.

В любой историко-философской системе проблема человека, его мировоззрение и нравственный мир занимают центральное место как признак совершенствования духовного взаимоотношения, так и организации социально-политической структуры общества.

2010 год в Республике Узбекистан был объявлен «Годом гармонично развитой молодежи». С этой позиции изучение исторического наследия и, в частности, Авесты, и внедрение его в современные процессы образования и воспитания молодёжи очень актуально.

В «Авесте» мы наблюдаем не только процессы, связанные с постепенным переходом человеческой духовности к наиболее высокому цивилизованному взаимоотношению, продолжения в народной памяти различных исторических традиций, но и выражение нравственно-эстетических принципов, которые определяли образ жизни людей, что заметно почти во всех сохранившихся и заново сфабрикованных частях Авесты, начиная с ранних «Гаты», «Ясны», «Яшт», «Видевдате» и вплоть до «Динкард» и «Бундахишн».

Исторические, археологические и этнографические исследования показывают, что истоки этической мысли, нормы поведения людей наших далеких предков первоначально формировались и бытовали как свод мудрости, как практические правила для праведной жизни и взаимоотношения людей. Такое взаимоотношение создавало в обществе социальную атмосферу взаимопонимания и доверия не только друг к другу, но укрепляло социальное значение этических норм и правил. Такому всеобщему доверительному этическому взаимоотношению были чужды такие нравственные пороки, как ложь, насилие, зависть, воровство, грабеж и так далее.

Приспособление к жизни, жажда выживания и потребность в добыче пищи, создание орудий труда, превосходство совместного труда и совместная борьба со стихиями природы и так далее исключали появление и бытование социальных пороков. Первоначально этические нормы были обязанностями для всех и каждого. По мере расширения форм и способов взаимоотношений человека с обществом, человека с человеком:

– во-первых, формируется мораль как духовно-религиозное, философское и социальное бытие человека;

– во-вторых, расширяются сущность и границы моральных принципов. Таким путем в результате исторического процесса образуется нравственный климат в жизни тех или иных племен и народов, некоторые черты которого и до сих пор составляют неотъемлемую часть морального кодекса современного человечества.

В результате различных социально-исторических катаклизмов происходили не только диффузионные изменения, но и возникали новые интеграционные процессы в религиозно-философском и в нравственном сознании людей. В этом отношении Авеста является своеобразной энциклопедией, отражающей различные периоды и этапы человеческой жизни и ее духовного возмужания. Поэтому в Авесте жизнь мифологизирована, а мифология пропитана соками жизни. Так, например, очень понятная и близкая к современному мирозерцанию и мышлению идея о единстве мысли, слова и деяния в Авесте преподносится через мифологические образы:

Оба Духа, которые уже изначально в сравнении
Были подобны близнецам,
И поныне пребывают во всех мыслях, словах и делах,
Суть Добро и Зло.
Из них обоих благомыслящие
Правильный выбор сделали, но не зломыслящие.
Когда же встретились оба Духа, они положили начало
Жизни и тленности и тому, чтобы к скончанию веков
Было бы уделом лживых – наихудшее,
А праведных – наилучшее. [1: с. 43]

Вместе с тем в этике зороастризма постепенно мифологический пласт переходит на второй план и жизнеутверждающие нравственные нормы берут верх в утверждении мысли о том, что человек является главной фигурой в шахматной игре сознания и морали.

Этика зороастризма имеет дуалистический характер. Но бог Ахура Мазда не имеет природных признаков. Он – святейший дух, олицетворяет идею добра, правды и благородства. Поэтому слова «Мазда» этимологически означает «Мудрость». Его вечный враг – Анхра-Майнью также дух, но он дух зла, лжи и всевозможных пороков.

В лабиринте нравственно-философского мышления зороастризма сущность человека подразумевается как результат праведного труда во имя человеческого общества. Чем и характеризуется высокий гуманистический пафос зо-

роастрийской этики. Гуманизм зороастризма – земной гуманизм. Он не просто идеал, но идеал, пропитанный жизненными потребностями и социальными условиями справедливости. В Ясне больше говорится о труде скотовода, а в Видевдате воспевается гуманистическая сущность труда земледельца, что свидетельствует об эволюции гуманистических идей зороастрийцев в соответствии с развитием и изменением социально-исторических условий.

Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидов, Е.В. Абдуллаев верно отмечают, что «наряду спанегириком земледельцу, обычно приводится как подтверждение гедонистического, жизнеутверждающего характера зороастризма, а также осуждение тех религий (христианства, манихейства, буддизма), которые проповедуют аскетизм и воздержание» [2: с. 107].

В какой бы форме не выражались и с какими бы явлениями не были связаны гуманистические идеи в Авесте, их основная особенность (направленность на физическую и духовную субстанцию человека) проходит через утверждения идеи справедливости.

Так Ахура Мазда обрадовал святого Заратуштру:

Чистота для человека, как и жизнь, – наибольшее благо!

Чистота, о Заратуштра, что есть в религии Мазды,
для того, кто очищает самого себя

добрыми помыслами, словами и делами. [2: с. 118]

В этом заключается Закон Заратуштры, построенный на принципах добродетельности и справедливости. В Авесте впервые в истории религиозно-философской мысли с гуманистическим пафосом ставится вопрос о терпимости и возможности равноправных взаимоотношений между людьми, придерживающимися различных верований. «Человек любого вероучения может стать праведным – так праведными стали народы туирья и дахья» (кочевые племена, принявшие зороастризм, отождествляются стуранцами и дахами) [2: с. 122].

Это свидетельствует о том, что, несмотря на дуалистический характер философии зороастризма, их ориентированность на практическое бытие, жизнь человека и общества была сердцевинной идеи справедливости зороастризма. В этом стихийном лабиринте нравственно-философского мышления сущность человека подразумевается как результат праведного труда во имя человеческого общества. Чем и характеризуется высокий гуманистический пафос зороастрийской этики. Добродетельность становится не только зеркалом праведности, но и проявления созидательной деятельности сознания и рук человека.

Человек всегда воспринимал мир в соответствии с влиянием, которому он подвергается со стороны мира, при этом его мысли, слова и деяния возникают и изменяются в зависимости от этого воздействия. Под влиянием духа Ахура Мазды возникают добрые мысли, добрые слова, которые выражаются в добрых деяниях, под влиянием Анхра Майнью мысли, слова умножаются со злом и проявляются в дурных поступках.

Понятие «Добрая мысль» несет глубокое содержание, связанное с внутренним чистым и прозрачным намерением, благожелательностью человека. Это означало (по мнению зороастрийцев) быть внимательным и заботливым к лю-

ням, природе и обществу, заботиться об умножении благосостояния не только своей семьи, но и племени, общества, стремиться жить мирно со всеми. В своих помыслах не допускать непристойных желаний, необузданного гнева, не забывать о долге перед семьей и племенем, стремиться к справедливости. Быть умеренным и сдержанным, изгонять из своего сознания гордыню и зависть, быть далеким от жестокости и беззакония – вот те грани, которые выражают сущность «доброй мысли».

Принцип «Добрые слова» означал не оскорблять как ближнего, так и любого члена племени и общества, быть порядочным и честным в обещаниях и договорах, не клеветать и не распространять злые слова и мысли о других людях и так далее. Исторически постепенно у людей были канонизированы и распространены такие моральные принципы, как не воровать, не посягать на чужую собственность, не совершать преступления, унижающие достоинство как самого себя, так и другого человека и так далее.

Следовательно, для свершения благих поступков необходимо иметь чистое сердце с озаряющим лучом нравственного долга. От греха и от злонамерений спасает не «шлюха без детей», «не шлюха, что ребенка родит с другим мужчиной и мужу принесет», а женщина, обладающая высокой нравственностью. Ибо чистота мыслей произносится добрыми словами, а добрые слова порождают добрые деяния. Вот почему прекрасное, великолепное, блестящее и светозарное счастье, одаряющее благами Хварно, благовонием наполнит тот дом, в который благостное Счастье вступит могучею ногою, внося согласие к прочному содружеству. Счастье там, где царит содружество между мужем и женою, между детьми и родителями, между человеком и обществом. Счастье преподносится хотя и в абстрактной форме, но оно входит как неотъемлемая часть нравственного сознания, способствующего созданию нравственного климата между людьми.

Роль и значение Счастья для людей заключается в соединении доброго дела с высокой нравственностью. Счастье женщин – в их думах о главе дома, о наслаждении, которое возникает при встрече с любимым человеком, когда, прильнув к его телу, женщина чувствует мгновения радости. Именно в такой семье, в такой атмосфере счастливы их дочери, прекрасные телом, с длинными пальцами, обладающие красивым станом, очаровывающие смотрящих. Таким образом, Счастье мыслится в «Авесте» как причина и одновременно следствие праведной жизни каждого и для всех.

Моральный мир по Заратуштре охватывает весь мировой порядок. Радость, добро и счастье, печаль, зло и несчастье не являются капризом богов, они связаны с внутренним миром человека, выражая духовное состояние и, главное, свободу желания человека.

Для того чтобы добиться своего счастья, человек сам должен творить это счастье, быть активным в проявлении этой добродетели. Пассивный человек, который не заботится о добрых мыслях, добрых словах и добрых деяниях, помышляющий и сеющий зерно зла на земле, в душу других получает соответствующую кару в день суда возмездия. На этом суде каждый получит либо вознаграждение, либо кару, соответствующую своим поступкам. Следовательно,

зерна добродетели и порока находятся в самом человеке и каждый человек в ответе за свои поступки и деяния. Этический идеал в Авесте связан с реальными делами и жизнью людей. Зороастрийская этика не загораживала людей от жизни, не тянула к аскетизму и мистике, наоборот, укрепляла связь человека с жизнью, призывала наслаждаться всеми земными благами, с целью достичь счастья в жизни.

В Авесте добро и прекрасное, ложь и безобразное представляют собой единство противоположной субстанции человеческой жизни. По Авесте, что нравственно – то прекрасно, что прекрасно – то нравственно. Там, где расходуется это единство, начинается царство лжи, уродства и неверности. Ибо конечная цель нравственности, проявляющейся в прекрасном, – это не отторжимое единство Правды, Добра и Праведности, олицетворяющего образа Ахура Мазды.

Наставление Ахура Мазды можно квалифицировать как основные нравственно-эстетические идеи Авесты:

– во-первых, эти идеи берут за основу развивать и укреплять на земле все, что есть «величайшие, «лучшие» и «прекраснейшие»;

– во-вторых, понятия «величайшие» и «лучшие» обязательно связываются с «прекраснейшими». Это – свидетельство отношения к плотскому миру с точки зрения неосторожности Добра и Прекрасного и Прекрасного от Добра;

– в-третьих, с логикой зороастрийского дуализма связано указание на противоположность Добра, Красоты к Злу и Безобразию. Это видно из того, что где царствует Красота и Добро, там не должно быть места ни горбатому, ни помешанному, ни порочным, ни больными прокаженным;

– в-четвертых, эти телесные пороки не являются пороками отдельных людей, а представляют собой проделки и порождения Анхра-Майнью. Тем самым утверждением всего нравственно-полезного подчеркивается сила и обаяние прекрасного как источника радости и покоя.

Нравственный идеал Авесты настолько связан с действительностью, что о чём бы ни шла речь (о правде или неправде, о прекрасном или безобразном, наконец, даже о вере и религии) – все мысли направлены к украшению земли богатством и благоденствием.

Таким образом, этика Авесты является высокой духовной ценностью древних народов Средней Азии и Ирана, где были канонизированы ряд основных принципов нравственности человека;

– любовь к земле как олицетворение любви к родине;

– забота о земле, воде, огне воздухе как выражение нравственно-духовной обязанности человека;

– особое отношение к женщине и потомству как продолжателям праведной жизни;

– представление труда как источника нравственности и Прекрасного;

– культивирование чистоты и очищения не только материального мира, но и нравственно-духовной жизни человека.

Нравственно-эстетические идеи Авесты представлены в дуалистической форме как борьба Добра и Зла, Прекрасного и Безобразного. Они нераздельны

друг от друга. Высокие нравственные поступки увенчиваются прекрасными результатами, а прекрасные деяния и цели выражают нравственно-духовную сущность человека.

Несмотря на то, что (согласно концепции зороастризма) Святой дух создал материальный мир и (в том числе, человека) управляет миром Ахура Мазда, пребывающий в борьбе со злым Духом, но в центре мироздания находится человек, и главной целью Святого Духа является защита и забота о нём. При этом Ахура Мазда выступает одновременно объектом и субъектом в социально-духовной структуре материального мира.

Регламентированность прав и свобод человека, забота об удовлетворении его земных и духовных потребностей, стремление к наслаждению и счастью, праведному образу жизни характеризует гуманистическую направленность мирозерцания героев Авесты, выражающих единство благой мысли, благого слова и благих действий.

Эти принципы, сформулированные и иллюстрированные на жизненных примерах в Авесте, в дальнейшем складываются в нравственно-философскую систему, где осмысление сущности человека как продукта социально-исторической эволюции, как биосоциального существа становится главным стержнем категории гуманизма.

Философский анализ Авесты свидетельствует о том, что идеи справедливости Авесты охватывают все перипетии жизни человека. «В ней заключены первобытные представления людей о целостности мироздания, их мысли и отчаяния, мифы, суждения о благополучной счастливой жизни, справедливом общественном управлении, о безопасном и спокойном существовании, о телесном здоровье и духовном совершенстве, глубоком, трезвом уме, о частных и обогащенных знаниями благоразумных поколениях, о рассудительных женах и дружной, мирной семье, о зеленых благоуханных бескрайних пастбищах, о сытом и тучном скоте, о напитанных влагой бескрайних посевных просторах и так далее» [4: с. 63].

Следовательно, основная цель Авесты была

– во-первых, провозглашение монотеистического взгляда на мир, что также было величайшим событием в истории религиозного сознания;

– во-вторых, книга была задумана как духовный инструмент для объединения различных племен под лозунгом гуманистических идей Ахуры Мазды в деле справедливого управления миром, воспитания у людей чувства любви к родине, земле и праведной нравственности.

Анализ Авесты показывает, что гуманистические представления зороастрийцев не ограничивались только выполнением предписаний и закона Ахура Мазды, скорее, имели земное материально-практическое предназначение. Они вытекали из материальных и духовных интересов племен, служили укреплению человеческого в человеке в борьбе с несправедливостью, мешающей торжеству Добра и земного счастья.

Верно замечают Х. Бобоев и С. Хасанов, что некоторые назидания, наставления и призывы из Авесты, до сих пор не утратили своего значения: «Мы принимаем путь добродетели потому, что добродетель – ключ к знаниям и ре-

меслам». «Я желаю свободы людям, которые трудятся ради увеличения поголовья скота в этой стране, и призываю их жить в согласии». «Пусть исчезнут недоверие между людьми, вражда между родными: пусть избавятся единомышленники от клеветников и подстрекателей. Пусть мир избавится от дурных правителей». «Мы желаем спокойствия, мира нашему краю, пусть в нашем доме воцарится спокойствие!» «Добрыми можно назвать таких людей, которые напутствуют других на добрые дела и поступки». «Мы желаем, чтобы в этой стране искоренилось неподчинение законности». «Пусть всегда над скандалом одерживают верх мир, правдивость – над лживостью, справедливость – над насилием, энергичность – над ленью» [3: с. 71].

Одной из главных ветвей гуманистического взгляда на жизнь в Авесте было отношение к молодому поколению и его воспитанию. Для того чтобы достичь счастливого будущего, необходимо правильно (на основе гуманистических принципов, человечности) воспитывать молодежь. Это означает создание материальных благ, высокой нравственности, преданности, чувства долга, любви к труду и Матери – земле, обеспечивающей счастливую будущую жизнь. Поэтому в гуманистическом представлении зороастрийцев центральное место занимает

– во-первых, становление самого человека как разумного существа, то есть формирование «человеческого» в человеке;

– во-вторых, отношение человека к материальному и духовному миру, то есть развитие «человечности» в человеке.

Эти две стороны биосоциальной структуры человеческой сущности в Авесте существуют одновременно, определяя роль и значение каждого в обществе. Совершенствование человека проходило в зависимости от социально-исторических ситуаций, норм и способов социального воздействия, а социально-исторические и религиозно-философские условия и нормы способствовали выявлению и материализации духовных и гуманистических возможностей человека и общества. В этом плане в течение многих веков для народов Среднего и Ближнего Востока «Авеста» служила учебником жизни на пути утверждения гуманистических идей.

Процесс формирования и воспитания в человеке человечности отражен в Авесте в виде систематизированной формы наставлений и воспитания, излагаемые устами Ахура Мазды и Заратуштры. Методы и способы воспитания были сосредоточены на развитии «человеческого» и «человечности» у молодежи, которые в конечном счете формировали и укрепляли гуманистические представления – это полноценное, физическое, умственное и религиозно-нравственное воспитание. Единство этих форм и способов воспитания способствовало достижению «человечности» в человеке, формировало в нем гуманистическое отношение к миру. Там, где нарушался этот порядок, человек, терял ориентир совершенствования и попадал в плен к силам Злого Духа.

Идеи справедливости у людей формировались на основе осознания того, насколько полезны и нравственны те или иные явления и поступки людей в переходящем мире. Такие представления воплощались в образ жизни людей, од-

новременно становясь духовным принципом утверждения Истины, Добра и Справедливости.

Ибо:

Истина – лучшее благо,

Благо будет, благо тому,

Чье Истине лучшей благой (Яшт, 33).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861–1996). – СПб., 1998.
2. Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат). - адаптированный перевод, исследование и комментарии Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008.
3. Бобоев Х., Хасанов С., Вопросы национальной государственности и законности в Авесте. «Авесто» и его место в истории развития человечества. – Ташкент-Ургенч, 2001.
4. Исхаков М. Авесто и его место в истории развития человечества. – Т.-Ургенч, 2001.

Summary

ACTIVE IDEAL IN THE ETHICS OF ZOROASTRIANISM IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL HUMAN SPIRITUALITY

G.T. Makhmudova

National University of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek

Abstract. The article deals with the ethical principles of ancient Zoroastrianism, embodied in the Avesta, a monument of ancient Iranian religious and philosophical thought, and highlights their enduring significance for all mankind.

Key words: Zoroastrianism; Avesta; ethics; morality.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Махмудова Гули Тиллябовна – руководитель Учебно-научного комплекса философских исследований Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека; E-mail: ms.makhmudova@inbox.ru

Makhmudova Guli Tillyabovna – head of Educational-scientific complex philosophical research National University of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek; E-mail: ms.makhmudova@inbox.ru

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 902/904

КУЛЬТУРА ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Булавкин К.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье даётся определение понятия «первобытная культура», обозначаются её наиболее характерные черты и рассматриваются отдельные аспекты духовной жизни первобытного общества.

Ключевые слова: культура; археология; мифология; фольклор; этнография; анимизм; тотемизм; фетишизм; магия; шаманизм; искусство.

1. Определение первобытной культуры

Термин «первобытная культура» был введён английским атропологом **Эдвардом Тэйлором** (1832–1917). Тэйлор впервые дал развёрнутую характеристику данного типа культуры в своём монументальном труде «*Primitive Culture*» (1871), посвящённом верованиям и обрядам примитивных племён. Активная колониальная политика Британской империи того времени давала обширный материал для этнографических исследований быта и традиций дикарей, книга Тэйлора заставила европейцев по-новому взглянуть на происхождение религиозных представлений в первобытном обществе и на их пережитки в современной культуре.

Согласно принятой в науке точке зрения, *первобытной культурой* называют наиболее ранний этап развития человеческого общества, характерными чертами которого являются:

1) родоплеменной образ жизни (люди живут племенами, каждое из которых включает в себя несколько родов – больших семей, представители одного племени связаны кровным родством).

2) отсутствие государства и письменности (равенство всех членов племени, управление осуществляется советом старейшин или вождём, социальный опыт передаётся устно – от старших к младшим).

3) господство натурального хозяйства (основными занятиями людей являются собирательство и охота, в более развитых обществах – скотоводство и земледелие).

4) коллективное мышление (отсутствие ярко выраженного индивидуального начала, подчинённость личности родовому коллективу).

5) мифологическая картина мира и строгое следование традициям (вера в сверхъестественные силы, поклонение им, тщательное соблюдение ритуалов, передаваемых из поколения в поколение).

Подобные примитивные общества существовали в далёком прошлом (исследованием таких культур занимается археология), однако во многих регионах Земли (центральная Африка, бассейн Амазонки в Южной Америке, Австралия и Океания) они сохранились до наших дней, являясь объектом изучения этнографии и культурной антропологии. Вопрос о происхождении, эволюции или инволюции таких обществ остаётся открытым. Согласно научной точке зрения, они в силу тех или иных объективных причин (например, чересчур суровых или, наоборот, слишком мягких климатических условий) остановились в своём развитии на стадии первобытности и представляют собой заповедники древней традиционной культуры. Сторонники альтернативных взглядов полагают, что некоторые из этих племён являются деградировавшими потомками уцелевших представителей более древних человеческих рас, уничтоженных планетарными катастрофами в далёком прошлом.

Как бы то ни было, но примитивные общества существовали и существуют на Земле. Причём вне зависимости от их географического расположения культура таких обществ отличается целым рядом общих характерных особенностей, что позволяет говорить о ней как о едином феномене. Для реконструкции картины мира первобытного человека и понимания специфики архаичного мышления, присущего примитивным традиционным обществам, исследователи используют данные, полученные из нескольких источников:

1. *Археология* – предполагает изучение древних поселений и артефактов, обнаруженных на стоянках первобытного человека, позволяет установить основные занятия древних людей, уровень развития их материальной культуры, значение символики, которой они пользовались для передачи своих знаний о мире.

2. *Мифология и фольклор* – исследование традиционных сказаний и памятников устного народного творчества народов мира помогает воссоздать картину мира древнего человека, систему верований и обрядов, присущих традиционной культуре.

3. *Этнография* – описание быта и ритуальных практик существующих ныне примитивных племён способствует лучшему пониманию механизмов функционирования традиционной культуры.

2. Характерные черты первобытной культуры

Рассмотрим ключевые понятия, которыми обозначаются наиболее характерные черты и явления первобытной культуры.

Анимизм (от лат. *anima* – душа) – вера в существование души и духов, в одушевлённость предметов и явлений окружающего мира. Представление о душе как незримой сущности, оживляющей тело и покидающей его после смерти, стоит у истоков всех религиозных систем. Первобытный человек был склонен к очеловечиванию природы, он верил в наличие души у животных, растений, небесных светил, камней и водных источников. По представлениям дикарей, природа населена разумными невидимыми существами – духами, которых необходимо почитать и задабривать, принося им жертвы.

С идеей посмертной жизни души связано появление во всех традиционных культурах **культу предков** – почитания умерших. У многих примитивных племён Африки и Океании этот культ включает в себя не только погребальные церемонии, но и последующее поклонение черепакам умерших родственников или даже изготовление масок из их черепов для проведения особых ритуалов встреч с предками. Во время такого обряда старейшины племени надевают маски и, приходя в селение, изображают умерших, отвечают на вопросы, обещают живым свою помощь и покровительство.

Представления о мире мёртвых в традиционной культуре основаны на возможности взаимодействия с ним. Путешествие в иной мир, где обитают души умерших, необходимо совершить каждому юноше, достигшему совершеннолетия. Данный ритуал, играющий очень важную роль в первобытном обществе, известен по всему миру как **обряд посвящения**, или *инициации*. Обычно он проводится в специально отведённом для этого ритуала священном месте за пределами селения. Руководят обрядом старейшины племени, которые подвергают подростков суровым испытаниям (нанесение ритуальных увечий, рубцов, татуировок и тому подобное), цель этих действий – заставить испытуемого поверить в собственную смерть и временный переход в иной мир. Для достижения нужного эффекта нередко посвящаемых подвергают не только истязаниям, но и воздействию психоактивных веществ, изменяющих сознание. Обряд носит театрализованный характер и оказывает мощное воздействие на психику. Пройдя испытание и вернувшись в мир живых, юноша получает новое имя и становится взрослым – отныне он может ходить на охоту наравне со всеми мужчинами племени и обзавестись собственной семьёй.

Одно из наиболее значимых явлений первобытной культуры, известное по всему миру, – **тотемизм**. Данное понятие включает в себя целый комплекс представлений. Так, в первую очередь, тотемизм предполагает культ *тотема* – священного животного, реже – растения или природного явления, которое почитается в качестве родоначальника племени или большой семьи. Тотем выступает и как первопредок, связанный со всеми членами родового коллектива кровными узами, и как символ данного рода. В роли тотемов, как правило, выступают наиболее крупные или доминирующие животные региона, где проживает племя. Многие племена верят не только в свою родственную связь с тотемными животными, но и в свою способность перевоплощаться в них (*оборотничество*).

Известные у большинства народов Земли предания о людях, способных принимать облик животного, возникли в глубокой древности, когда охотники устраивали особые ритуалы – пляски с переодеванием в тотемных животных. Охотничья маскировка предполагала умение, надев шкуру того или иного зверя и имитируя его повадки, подкрадываться к группе диких животных для успешной охоты на них.

С тотемизмом связаны также обряды поедания мяса священного животного или, напротив, запрет на употребление его в пищу, обряды захоронения костей таких животных, отголоски подобных ритуалов сохраняются в фольклоре. Например, героиня известной русской народной сказки «Крошечка-

Хаврошечка» закапывает в саду кости убитой по приказу злой мачехи коровы, отказываясь есть её мясо.

Пережитки тотемизма до сих пор сохраняются в культуре разных народов мира в форме почитания священных животных, запрета на употребление их мяса в пищу, в символике и геральдике.

Для первобытной культуры характерно также такое явление, как **фетишизм** – вера в сверхъестественную, магическую силу предметов (амулетов-оберегов, фигурок животных, идолов), служащих вместилищем или изображением какого-либо духа или божества. В качестве фетиша мог использоваться любой предмет, поразивший воображение человека: камень необычной формы, кусок дерева, части тела животного (зубы, клыки, кусочки шкуры, высушенные лапки, кости и так далее). Позднее появились изготовленные из камня, кости, дерева, металла фигурки. У некоторых народов существовал обычай благодарить, а иногда и наказывать фетиши, если они не помогали их владельцу.

Фетишизм является частью более широкого явления – *первобытной магии*. **Магия** в традиционной культуре – это способ повлиять на окружающий мир путём совершения действий символического характера – *ритуалов* или *обрядов*. В основе магии лежит представление о сверхъестественных силах, которые могут быть использованы человеком для достижения тех или иных целей. Вера в возможности магии основана на представлении о взаимосвязи всего сущего и убеждении в том, что действие, произведённое магом (шаманом, колдуном) символически, приведёт к такому же процессу в реальном мире (согласно закону аналогии: подобное порождает подобное).

Анализируя магические практики, которые используются в традиционных культурах мира, можно выделить несколько разновидностей первобытной магии по сфере её применения:

- 1) *охотничья*, примером которой могут служить ритуалы австралийских аборигенов – перед началом охоты мужчины племени рисуют на песке контур животного, затем поражают этот рисунок копьями.
- 2) *земледельческая* – например, обряд вызывания дождя, известный у многих народов.
- 3) *вредоносная*, цель которой – причинить зло (болезнь, увечье, смерть) человеку.
- 4) *целительная* – предполагает лечение заболеваний, заживление ран с помощью магических действий.

В самых примитивных обществах магическими приёмами в той или иной степени владеют почти все взрослые члены племени, но чем более развито традиционное общество, тем большую роль в нём играют профессиональные маги – колдуны, знахари или шаманы. На стадии разложения родового строя, когда происходит расслоение общества, роль *шамана* – посредника между миром людей и миром духов, хранителя мистических традиций предков – возрастает и пользуется большим авторитетом. Во многих примитивных обществах функции вождя и колдуна племени совпадают и исполняются одним человеком.

Шаманизм является древнейшей религиозной системой, присущей большинству традиционных культур мира. Шаман – центральная фигура такой

религии, в его задачи входит общение с миром духов (в том числе, и духами предков), предсказания будущего, управление погодой, лечение больных, защита племени от природных и социальных бедствий. Для достижения своих целей шаман должен входить в экстатическое состояние с помощью *камлания* – особого ритуала, во время которого шаман впадает в транс, а его душа оказывается в потустороннем мире, где получает знание, помогающее ему решить поставленную задачу.

3. Первобытное искусство

Искусство – особый вид человеческой деятельности, предполагающий творческое отражение действительности в художественных образах – зародилось в глубокой древности как важнейший элемент первобытной магии. Ритуальная практика первобытного человека включала в себя зачатки практически всех известных видов искусства:

- изобразительного (раскраска тела, создание наскальных изображений и фигурок-фетишей);
- поэтического (магические заклинания и обрядовые песни);
- музыкального, танцевального и драматического (большинство коллективных ритуалов – это, по сути, театрализованные представления с переодеванием в маски и специальные костюмы, с танцами и музыкой).

В традиционной культуре магия и искусство неразрывно связаны, создание любого образа первобытным художником имело вполне конкретные практические цели: искусственно создавая тот или иной образ, человек приобретал магическую власть над ним (вспомним, как первобытные охотники поражают копьём рисунок животного, чтобы охота была удачной). Только в контексте древних магических верований можно понять язык и задачи первобытного искусства. Его памятники представлены следующими наиболее характерными формами:

1. **Наскальные рисунки** или **пещерная живопись** – такие изображения, обнаруженные на стенах пещер или на каменных поверхностях, встречаются по всему миру, самые древние из них датируются эпохой верхнего палеолита (35–25 тыс. лет назад). Наиболее известные пещеры, стены и потолки которых были расписаны в глубокой древности, находятся на территории Испании и Франции (пещеры *Альтамира* и *Ласко*), существуют они и в России (например, *Капова пещера* на Южном Урале). Рисунки были нанесены в основном чёрной, красной и жёлтой краской (в качестве красителей использовались такие вещества, как сажа и охра) или выполнены в технике рельефа. Изображения, наиболее часто встречающиеся в пещерной живописи, можно разделить на несколько типов:

1) образы животных (скорее всего, они связаны с тотемистическими представлениями и охотничьей магией), иногда рисунки отличаются удивительным натурализмом и точной передачей анатомии животного, в других случаях образы носят схематичный и почти абстрактный характер.

2) образы полулюдей-полуживотных, или *териантропов* (греч. «зверолюди») – по мнению большинства исследователей первобытного искусства, это изображения шаманов в их профессиональном облачении.

3) разнообразные геометрические или беспорядочные узоры, решётки, ряды точек и линии (их интерпретация остаётся предметом споров).

4) отпечатки человеческих ладоней (возможно, их появление в пещерах связано с желанием людей оставить след своего пребывания в сакральном месте).

Рассматривая весь комплекс изображений, можно с большой долей уверенности предположить, что данные пещеры служили в качестве древних святилищ, где на протяжении многих тысяч лет проводились обряды инициации. Во многих традиционных культурах мира пещера воспринимается как вход в потусторонний мир, поэтому нет ничего удивительного, что если на территории проживания племени имелись подходящие пещеры, первобытные люди использовали их для подобных ритуалов. Выступающие из тьмы при свете факела яркие таинственные образы на потолках и стенах отдалённых подземных галерей наверняка производили немалый эффект на участников обряда.

2. Мелкая пластика – фигурки животных и статуэтки людей, сделанные из кости, камня, глины или дерева – широко распространённый тип произведений архаичного искусства, связанных с первобытным фетишизмом.

Особую группу таких находок составляют древнейшие изображения человека – «*венеры палеолита*» – миниатюрные статуэтки женщин с подчеркнутыми атрибутами материнства. Фигурки такого типа обнаружены на многих стоянках древнего человека от Западной Европы до Сибири, их происхождение, по-видимому, связано с культом Великой Богини-Матери, известным почти у всех народов, и матриархальными отношениями, характерными для первобытного общества на определённом этапе его развития. Мужские фигурки появляются позднее и встречаются гораздо реже.

3. Керамика – сосуды и другие предметы, сделанные из обожженной глины и нередко украшенные орнаментом. Самые древние образцы керамики, обнаруженные археологами, относятся к эпохе верхнего палеолита (30–20 тыс. до н.э.), а наиболее широкое распространение она получает в развитых земледельческих культурах мезолита и неолита (10–2 тыс. до н.э.). Знаки орнамента, покрывавшего древние сосуды, имели глубокое символическое значение.

4. Мегалитическая архитектура (от греч. *mega* – большой, *litos* – камень) – сохранившиеся по всему миру доисторические сооружения из больших каменных блоков, соединённых без применения цемента или известкового раствора. Происхождение этих памятников вызывает множество вопросов и споров в науке. Археологи относят их возведение к эпохе неолита или бронзовому веку (5–2 тыс. до н.э.). Возможно, некоторые из этих сооружений (например, менгиры или некоторые дольмены) действительно были созданы в указанную эпоху, но их назначение до конца не выяснено. И технология возведения подобных конструкций тоже не всегда объяснима в контексте современных научных представлений о возможностях первобытных людей. Сторонники альтернативных взглядов на историю человечества усматривают в мегалитических постройках прямое доказательство существования на Земле доисторической высокоразвитой цивилизации, обладавшей технологиями, которые позволяли

перемещать огромные каменные блоки весом в несколько десятков и даже сотен тонн.

Выделяется несколько типов мегалитических сооружений:

1) *менгир* (от бретонского *men* – камень и *hir* – длинный) – простейший мегалит в виде установленного человеком грубо обработанного дикого камня, у которого вертикальные размеры заметно превышают горизонтальные. Менгиры устанавливались как одиночно, так и группами: овальными и прямоугольными «оградами», полуовалами, линиями, в том числе многокилометровыми, и аллеями. Размеры менгиров значительно варьируются – от 1,5 до 5 метров в высоту и более (крупнейший, найденный во Франции, имел высоту 20 метров и вес 300 тонн). Форма менгиров, как правило, неровная, часто сужающаяся кверху, иногда близкая к прямоугольной. Есть мнения о том, что менгиры могли использоваться в качестве культовых сооружений, астрономических ориентиров, межевых столбов, мемориальных стел.

2) *дольмены* (от бретонского *taol taen* – каменный стол) – сооружения, составленные из трёх или более массивных каменных плит, образующих небольшое помещение.

Дольмен мог устраиваться на поверхности земли, и над ним насыпался курган. Иногда дольмены имеют более сложную форму: например, соединяются с более узким подземным коридором из плит, или дольмен превращается в ряд продольных, расположенных одна за другою камер. Материал, из которого складывались дольмены, меняется в зависимости от местности: гранит, песчаник, известняк. В некоторых дольменах были обнаружены человеческие останки, это позволяет предположить, что они служили в качестве склепов для одного или нескольких людей. Иногда поверхность плит в таких сооружениях покрыта орнаментом. В фольклоре Британских островов с подземными мегалитическими галереями связаны предания о таинственном и могущественном народе холмов – существах из потустороннего мира.

3) *кромлехи* – сооружения, представляющие собой несколько поставленных вертикально обработанных или необработанных продолговатых камней, образующих одну или несколько концентрических окружностей. Наиболее известной постройкой такого рода является *Стоунхендж* (Англия).

По мнению большинства исследователей, кромлехи представляли собой храмы под открытым небом, которые использовались в качестве обсерваторий для наблюдения за годовым ходом Солнца и Луны и календарём. Следы подобных сооружений обнаружены археологами не только на территории Англии, но и во многих других регионах Евразии.

4) *сейды* – тип мегалитов, распространённых на русском Севере (Карелия, Кольский полуостров, Мурманская область) и в Скандинавии. Они представляют собой массивные валуны весом до нескольких десятков тонн, которые лежат на нескольких камнях меньшего размера, образуя причудливые конструкции явно искусственного, а не природного происхождения. Принятой в официальной науке версией происхождения сейдов является ледник, который при таянии мягко опустил эти валуны, образовав тем самым необычную структуру. Однако вызывает сомнение факт вкрапления подобных мегалитов в тол-

щу льда на достаточную высоту от грунта. Сейды часто сгруппированы в большие скопления, насчитывающие десятки и даже сотни сооружений. У местного населения эти гигантские камни имеют статус культовых объектов и овеяны фантастическими сказаниями (некоторым из них приносятся жертвы, к другим запрещено приближаться и тому подобное). Пока в науке нет точных сведений ни о времени их создания, ни о тех, кто мог установить камни таким образом.

Древние мегалитические постройки, особенно те, что свидетельствуют о высоких астрономических знаниях и уникальных технических решениях их создателей, вызывают множество вопросов и заставляют по-новому взглянуть на историю культуры, лишней раз подтверждая идею нелинейного развития человеческого общества и очевидной утраты знаний, которые были доступны древним людям.

Первобытная культура оставила нам немало загадок, её изучение позволяет понять истоки современной цивилизации и оценить путь развития, пройденный человечеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тэйлор Э. Первобытная культура. – М., 1989.
2. Фрезер Дж. Золотая ветвь. – М., 1986.
3. Пропп В.Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М., 1998.
4. Авдеев А.Д. Происхождение театра. – М.; Л., 1959.
5. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М., 1985.
6. Померанцева Н.А. Первобытное искусство. От древнейших культур к ранним цивилизациям. – М., 2006.
7. Семёнов В.А. Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. – СПб., 2008.

Summary

CULTURE OF PRIMITIVE SOCIETY

K. V. Bulavkin

Abstract. In the article the definition of the concept of «primitive culture», marked its most characteristic features and considers some aspects of spiritual life of primitive society.

Key words: culture; archaeology; mythology; folklore; Ethnography; animism; totemism; fetishism; magic; shamanism; art.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Булавкин Клим Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: bklim@bk.ru

Bulavkin Klim Valerievich – candidate of Philology science, Associate professor of historical-legal and humanitarian sciences chair of Moscow State Regional Institute of Humanities; E-mail: bklim@bk.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И АККУЛЬТУРАЦИЯ

Сокольская Л.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация: В статье рассматривается понятие аккультурации как исторического процесса длительного межкультурного контакта, в результате которого формируется единое культурное пространство

Ключевые слова: культура; общество; аккультурация; контакт; цивилизация; ассимиляция; интеграция; традиция.

Проблемы понимания исторического процесса, выявление связей между событиями и фактами, их объяснения и толкования издревле волновали лучшие умы человечества. В научной литературе сформировалось несколько подходов к историческому процессу. Так, в начале XX века преобладал формационный подход к истории, разработанный К. Марксом и Ф.Энгельсом. Исторический процесс представлялся как линейный процесс смены общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и коммунистической. Движущими силами исторического процесса выступали социально-экономические отношения, «борьба антагонистических классов».

Экономический детерминизм формационного подхода упрощал многомерность реальной действительности, поэтому стали появляться работы, в которых модифицировался диалектико-материалистический подход к историческому процессу. В частности, в работе А.В. Маликова мировая история предстает как процесс смены общественных (а не общественно-экономических) формаций – доэкономической, экономической и постэкономической. По мнению автора, формационный подход должен дополняться цивилизационным, который находится пока еще в стадии формирования. Он предлагает выделить самостоятельные, структурно непохожие пути развития общества – западный и восточный, обуславливающие деление государств на аналогичные типы.

Представители цивилизационного подхода (в отличие от марксистов) провозгласили тезис, что «экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая, во всей своей целостности, история, которая является социальной в силу самой своей природы» [43: с. 16]. Каждое человеческое общество в своем развитии проходит через стадии дикости, варварства и цивилизации. Критерием такого деления исторического процесса являются «различные виды средств существования» [33: с. 5]. В знаменитой работе О. Шпенглера «Закат Европы» сформулирован новый подход к пониманию исторического процесса. Шпенглер рассматривал историю как совокупность сменяющих друг друга (но не связанных) культур, каждая из которых проходит определенный цикл развития от зарождения до гибели. Цивилизация же – этап

существования культуры, которая уже прошла пик своего развития и формы которой застывают, костенеют. Цивилизация – «завершение и исход культуры», она следует «за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение» [47: с. 163-164]. В русле предложенной Шпенглером парадигмы был создан ряд позднейших теорий исторического процесса (в частности, концепция П.А. Сорокина).

Наиболее значительным из «учеников» автора «Заката Европы» был А.Дж. Тойнби. Его концепция, хотя и восходит к О. Шпенглеру, но принципиально отлична. Сущность исторического процесса усматривается обоими авторами в полицикличности, то есть зарождении, расцвете и упадке последовательно сменяющих друг друга общественных организмов, которые обособлены в культурном плане. Однако, если Шпенглер понимает под цивилизацией лишь нисходящую ступень эволюции такого организма, период его упадка, то А. Дж. Тойнби пользуется понятием «цивилизация» для обозначения относительно автономной культурной общности в целом. Английский исследователь ясно осознает отличие цивилизационного этапа от предшествующих. «Цивилизации <...> проявляются во множестве попыток <...> преодолеть примитивный образ существования, в котором человечество с момента своего возникновения в оцепенелом состоянии провело несколько сот тысячелетий, а частично находится в том же состоянии и сегодня» [40: с. 24].

В отличие от О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби никогда не отрицал определенной преемственности цивилизаций, а в более поздних своих трудах он, на наш взгляд, прямо признает единство мировой истории. «Под цивилизацией, – пишет он, – я понимаю наименьший блок исторического материала, к которому обращается тот, кто пытается изучать историю собственной страны» [40: с. 133]. Взятая сама по себе, история, скажем, США, может быть понята только в широком пространственном и временном контексте, который и является соответствующей цивилизацией. Она предстает некоей мысленной конструкцией (разумеется, отражающей объективную историческую реальность) и имеет определенную практическую цель – понять и использовать исторический опыт той или иной страны. Это вовсе не исключает ее связь (и зависимость) с другими цивилизациями. Итак, цивилизация – особый этап в развитии общества, характеризующийся качественным своеобразием. Он также является преходящим. «Как первобытный тип социума уступил место его типу, известному под названием «цивилизация» <...>, так и этот второй тип локальных и недолговечных обществ может <...> уступить место в свою очередь третьему виду, воплощенному в едином, всемирном и устойчивом представителе – христианской церкви» [40: с. 143]. Нельзя не отметить формальное сходство взглядов А. Дж. Тойнби и Ф. Энгельса. Исходя из различных парадигм, они создали очень похожие схемы: первобытное общество – цивилизация как некий переходный период – коммунизм (у Энгельса) или всемирная церковь (у Тойнби).

Тем не менее ядром историко-философской концепции А. Дж. Тойнби остается фактическое отождествление цивилизации и культуры. Данный подход является общим для английской школы исследований проблем цивилизации. Он нашел свое отражение даже в «Британской энциклопедии», где мы читаем:

«Эта энциклопедия сама по себе есть описание цивилизации, – так как она содержит историю человеческих достижений во всех ее поразительных направлениях» [6: с. 5].

К сожалению, в науке до сих пор не сформировалось единое понимание категории «цивилизация». Понятие цивилизации на всем протяжении развития философско-правовой мысли претерпевало метаморфозы, обогащаясь и конкретизируясь. Разделяя мнение ученых (О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, П.А. Сорокина, М.А. Супатаева, С.Ф. Ударцева и других), сформулируем авторское определение данного понятия: цивилизация – это определенный этап развития общества, в котором уровень экономического и общественного развития, материальной и духовной культуры зависит от религиозных, национальных, географических и других признаков [36: с. 69-70]. Исторический процесс, таким образом, предстает как история развития отдельных цивилизаций (культур).

Обоснование категории «цивилизация» (культура) позволило исследователям связать объективные и субъективные факторы движения истории, изучать не только объективные процессы общественного развития, но и субъективную человеческую деятельность. Историческая реальность, заключенная в определенные пространственные и временные границы, изучается теперь как сложная структурная целостность, которая определяется взаимодействием множества культурных явлений и процессов. История, как верно отмечает политолог М.В. Сухарев, есть постоянное движение культур в социальной материи, в результате которого возникают новые комбинации идеальных комплексов, образующих новые культуры [39: с. 76]. Исторический процесс по своей сути есть культурно-исторический процесс возникновения, развития, взаимодействия, упадка и отмирания различных культур. Само понятие «культура» характеризуется многозначностью и неопределенностью, поэтому число его определений исчисляется сотнями. В своей монографии «Культурологические основы современных концепций права» [37: с. 16] автор данной статьи подробно проанализировала существующие подходы к данному понятию и пришла к выводу, что концепция доктора философии Ю.В. Ананьева наиболее приемлема для философско-правовых исследований. Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных в результате человеческой деятельности [16: с. 5], включая и способ их передачи от поколения к поколению, и выражающих степень и уровень прогрессивного развития общества. Эта дефиниция указывает на взаимосвязь духовной и материальной форм культуры и определяет культуру как диалектически развивающийся, противоречивый, и нелинейный процесс, в котором обозначаются три принципиальные дихотомии: традиции – инновации, прогресс – регресс, всеобщность – уникальность.

Введение в научный оборот такого понятия как культурно-исторический процесс потребовало пересмотра всего исследовательского инструментария. Именно культура является универсальным показателем той или иной эпохи, ее духовного, интеллектуального и технологического развития. Культура – это совокупность самых различных способов адаптации и организации жизнедеятельности людей в определенной среде. Опыт и результат этой адаптации и ор-

ганизации в различных формах и видах передается из поколения в поколение и обеспечивает связь времен, прошлого, настоящего и будущего [31].

Осмысление исторического процесса как развитие различных культур (цивилизаций), культурных изменений широким кругом специалистов стала рассматриваться относительно недавно. Так, Н.Я. Данилевский полагал, что действительное содержание стадий истории возможно раскрыть лишь при исследовании их на уровне культурно-исторических типов. Культурно-исторический тип, по мнению ученого, – это племя или семейство народов, характеризующихся отдельным языком или группой близких языков и обладающих политической независимостью. Подобно живому организму, они проходят определенные стадии развития: от зарождения до возмужания и, наконец, гибели. Ход истории состоит в смене культурно-исторических типов, которые различаются религиозными, культурными, политическими и общественно-экономическими признаками. И действительное содержание истории, по мнению Н.Я. Данилевского, возможно раскрыть лишь при исследовании их на уровне культурно-исторических типов. Ученый различал такие типы, как: египетский, китайский, древнесемитский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (аравийский), романо-германский (европейский), мексиканский и перуанский. Два последних типа погибли насильственной смертью и не успели завершить ход своего естественного развития [23].

Н.А. Бердяев также различал периодичность в развитии культур. «Если взять судьбы народов, судьбы общества, судьбы культур человеческих в истории, – писал он, – то мы видим, что все культуры, все эти общества и все народы переживают в судьбе своей разные периоды – период зарождения, детства, возмужания, высшего расцвета и, наконец, период старости, дряхлости, отцветания и смерти. Все великие национальные культуры и все общества подвергались этому процессу одряхления и умирания» [18]. История человечества, таким образом, трактуется как процесс развития различных типов культур, как культурно-исторический процесс, который предположительно распадается на определенные последовательные этапы (фазы, срезы).

К. Ясперс («Истоки истории и ее цель», 1948) выделяет четыре «среза» культурно-исторического процесса:

1) возникновение языков, изобретение орудий, начало использования огня.

2) возникновение высоких культур в Египте, Месопотамии и позже в Китае в 3 тыс. до н.э.

3) духовное основоположение человечества, происшедшее в VIII–II вв. до н.э. в Китае, Индии, Персии, Палестине, Греции.

4) подготовленное в Европе с конца средневековья рождение научно-технической эры, которая духовно конституируется в XVII в., приобретает всеохватывающий характер с конца XVIII в. и получает чрезвычайно быстрое развитие в XX веке.

По мнению ученого именно на третьем этапе происходит становление истории человечества как мировой истории, тогда как до этого времени имели ме-

сто лишь истории локальных культур. Через этот этап проходит «ось мирового времени», разделяющая мир архаики от мира культурной истории.

Весьма интересной в этом плане является работа И.М. Дьяконова «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней», в которой смена фаз культурно-исторического процесса разделяется переходными периодами (фазовый переход) различной длительности. Он выделяет восемь фаз культурно-исторического процесса: первобытная, первобытно-общинная, ранняя древность, имперская древность, средневековье, стабильно-абсолютистское постсредневековье, капиталистическая, посткапиталистическая. Девятая фаза исторического процесса имеет несколько вариантов: либо уничтожение человеческого рода, либо гармонизация отношений человека с природой.

В работах российского философа И.И. Докучаева культурно-исторический процесс представлен как смена исторических типов культуры традиционной, креативной (индустриальной) и сетевой (постиндустриальной). [24]. Как видно из вышеизложенного культурно-исторический процесс в научной литературе в основном трактуется как линейный процесс последовательных стадий социального прогресса или смены культурно-исторических типов.

Концепция отечественного исследователя А.Е. Чучина-Русова принципиально отличается от предшествующих взглядов. Он обосновывает многолинейность, зигзагообразность, спиралевидность культурно-исторического процесса. Развитие культуры, по мнению автора, можно сравнить с молекулой ДНК, которая «построена из двух похожих, но в то же время как бы и противостоящих друг другу по свойствам и геометрическому расположению спиралей, несущих исчерпывающую наследственно-генетическую информацию о родителях как с женской (W), так и с мужской (A) стороны» [44: с. 4]. Отсюда он формулирует вывод о том, что культурно-исторические процессы подчиняются биологическим законам наследственности. По мнению автора, «мир состоит из нескончаемого рода коловращений» [45: с. 6]. При этом существует определенный детерминизм в чередовании культурных эпох, которые условно он обозначает как эпохи W (эпохи «инь» – смутные, романтические, неустроенные) и эпохи A (эпохи «янь» – ясные, классические, рациональные). Далее он подчеркивает удивительное единство, которое демонстрируют представители разных культурных эпох, живущих в разных странах, говорящих на разных языках и подчас даже не догадывающихся о существовании друг друга. Отсюда культурно-исторический процесс представляет собой винтовую лестницу, ведущую вперед и возвращающуюся вспять. «Возвращаются мысли, чувства, идеи, этические, эстетические представления, характер политических структур, эпох, стилей» [46: с. 132]. Причины динамики культуры А. Чучин-Русов видит в бинарном, «двухспиральном» характере «геометрии» движения и в синергетике (сотрудничество). Явление синергизма, по мнению автора, лежит в основе не только химических и физических процессов, но и культурных.

Опираясь на концепцию А. Чучина-Русова о спиралевидности, зигзагообразности, многолинейности культурно-исторического процесса можно обнаружить две закономерности в истории человечества. Одну из них можно обозначить как «генетическая», другую – как «историческая». Суть состоит в том, что

культура каждой эпохи представляет собой два пласта, первый «генетический» порожден природой данного общества, не зависит от пространственно-временных реалий, второй («исторический») воспринят от иных культур прошлого и настоящего, то есть полностью зависит от конкретных исторических реалий. Отсюда можно сформулировать обязывающий вывод о том, что неизменное содержание культурно-исторического процесса составляет взаимосвязь, взаимовлияние, взаимодействие культур. Сама культура образуется в результате продолжительного контакта различных культур друг с другом. Межкультурный контакт различных социумов принципиально неисчерпаем. Он может осуществляться как бесконечное разворачивание и формирование все новых смыслов каждого, вступающего в контакт представителя культуры. По В. Библеру, культура – это особая форма общения и одновременного бытия людей прошлых, настоящих и будущих культур [20]. Межкультурное общение позволяет проникнуть в систему ценностей иной культуры, ведет к культурному взаимообогащению и преодолению стереотипов. Определяя сущность общения, М.С. Коган подчеркивал, что общение не может быть сведено к простой передаче сообщений. «Общение – утверждал он, – это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающей степень этой общности)». [28: с. 149]. Культура не просто формирует и реализует сущностные силы человека, но реализует их в общении, в обмене информацией, знаниями, эмоциями. Не случайно М.С. Коган называл общение самым реальным бытием культуры, ее имманентной сущностью [29: с. 130]. Культуры рождаются, развиваются, совершенствуются в постоянном контакте, общении друг с другом. Даже некогда автохтонные культуры отдельных народов не избежали контактов с соседями. Контакт (общение) между представителями различных культур, между различными культурами как системами в научной литературе принято называть аккультурацией.

Термин «аккультурация» является английским неологизмом (acculturation – возделывание, образование, развитие), и впервые был предложен в 1880 году американским ученым-этнологом Дж. Пауэллом, который понимал под ней культурное сходство, возникающее при культурных контактах различных этнических групп [32: с. 163]. Американский этнограф Ф. Боас и австрийский ученый Р. Турнвальд первыми попытались теоретически обосновать данный феномен [5: с. 557]. Сначала Ф. Боас исследовал аккультурацию и рассеяние как исторические методы (1895 г.) затем в 1920 г. он признал, что феномен аккультурации Испании на туземную культуру племени зуньи вызвал сопутствующие изменения. Турнвальд изучал аккультурацию как процесс адаптации к новым условиям жизни, который имеет различные стадии. Он утверждал, что «облик общества определяют люди, его составляющие, но не их расовые (наследственные) особенности, не средства, а взаимодействия людей» [26: с. 165]. Е. Парсонс посвятила свою работу аккультурации, то есть тому, что индейская культура переняла от испанской культуры. Для нее аккультурация означала случаи синкретизации и очевидного заимствования у испанцев [11: с. 615]. В статье Р. Билза под аккультурацией понимается целый комплекс процессов, происхо-

дящих при заимствовании или отторжении новых культурных элементов реорганизации старой культуры. Порой он не разграничивал аккультурацию и диффузию, так как полагал, что оба эти понятия представляют культурные изменения, происходящие в результате передачи культуры из одной группы в другую [3: с. 35].

Однако обобщающее теоретическое определение было дано американскими учеными Р. Редфилдом, Р. Линтоном и М. Херсковичем. В «Меморандуме для изучения аккультурации», опубликованном в 1936 году в журнале «American Anthropologist», они сформулировали общее определение аккультурации и разработали типовую модель ее исследования. Под аккультурацией они понимали «совокупность явлений, возникающих вследствие того, что группы индивидов, обладающие разными культурами, входят в перманентный непосредственный контакт, вследствие чего изменяются первоначальные культурные модели одной или обеих групп» [12: с.150]. Изначальная культурная модель группы-реципиента, по мнению этнологов, претерпевает изменения под влиянием культуры группы-донора. Реципиент по-разному реагирует на социокультурный контакт. Он может полностью принять культуру донора, отказавшись от своей первоначальной культурной модели (принятие). Может частично изменить свою культуру, сохранив ее традиции и обычаи (адаптация). Или полностью отторгнуть культурную модель донора, сохранив свою исконную модель без изменений (негативная реакция). В результате межкультурного контакта могут появляться принципиально новые культурные модели. Например, при исследовании синкретизма религиозных культов американских негров М. Херскович [8, 9] отмечал появление новых синкретических религиозных культов у негритянского населения Нового Света. Подобная трактовка межкультурного контакта получила дальнейшую научную разработку. В 1940 году была опубликована работа Р. Линтона, в которой исследовались два типа аккультурации, в частности:

1) свободное заимствование контактирующими культурами элементов друг друга, протекающее при отсутствии военно-политического господства одной группы над другой;

2) направляемое культурное изменение, при котором доминирующая в военном или политическом отношении группа проводит политику насильственной культурной ассимиляции подчиненной группы [1].

В 1948 году американский антрополог А. Крёбер высказывает идею, что процесс аккультурации является постепенным, взаимным и завершается культурным поглощением одного народа другим, особенно если культурное воздействие сопровождается экономическим или политическим давлением. По мнению ученого, механизмом аккультурации выступает диффузия – стихийное взаимопроникновение культур двух этносов. И именно диффузия отвечает на вопрос, что стало с первоначальными элементами, а аккультурация – какому процессу подверглась культура в целом [10: с. 425].

До 50-х годов изучение аккультурации осуществлялось американскими антропологами в связи с исследованием процессов изменения в традиционных культурах североамериканских индейцев и афроамериканцев. В 1954 году по-

является второй Меморандум по изучению аккультурации, в котором определение аккультурации было скорректировано и под ней понимались изменения, происходящие при контакте двух или более автономных культурных систем. Были выведены многосторонняя, двусторонняя и односторонняя модели аккультурации. Далее оговаривалось, что непосредственный контакт не обязателен, воздействие может быть осуществлено и опосредованно. Да и сам контакт может быть не продолжительным и необязательно групповым. Допускалась возможность аккультурации отдельной личности [2]. Справедливости ради необходимо заметить, что еще в 30 годах XX века исследовалась проблема личности на рубеже культур. В работах Р. Парка, Р. Бенедикта, М. Мид, Э. Стоунквиста обосновывался тезис о том, что поскольку основным носителем культуры является личность, то и контакты между людьми становятся первопричиной культурных изменений. Под аккультурацией личности они понимали изменение культурных паттернов индивида, вызванное контактом с другой культурой. Р. Парк в предисловии к книге Э. Стоунквиста «Маргинальный человек: исследование о личности и конфликте культур» писал: «Личность на рубеже культур <...> предназначена судьбой для жизни в двух обществах и в двух не просто различных, но антагонистических культурах» [14: с. 4].

В 50–60-х годах произошло расширение исследовательской базы. Появляются работы, посвященные взаимодействию различных социокультурных систем. Например, влияние японской, китайской, испанской культур на культуру других социумов [7]. Все больше внимания уделялось обратному влиянию культуры социума-реципиента на культуру социума-донора. Термин «Аккультурация» не только стал чаще употребляться в научных дискуссиях, но и появился в заглавиях целого ряда сочинений (например, М. Херскович 1938, Р. Линтон 1940, Д. Джонсон 1943, Д. Ли 1943, А. Халлоуэл 1945 и 1949, Р. Билз 1951 и других) входит в научный оборот социологов, культурологов, этнопсихологов, лингвистов. В 1955 году публикуется тематический сборник, который так и называется «Аккультурация», в котором делается обзор 39 книг и 55 научных статей, посвященных данной проблеме.

Процесс аккультурации стали отличать от других форм культурного обмена. Немецкий исследователь В. Рудольф подчеркивал, что аккультурация всегда связана с определенными трудностями взаимопонимания этносов, участвующих в культурных контактах. Этот динамичный и сложный процесс приводит к комплексу культурных изменений, происходящих вследствие прямых или косвенных (например, при передаче информации) культурных контактов. Поэтому аккультурация не может сводиться к «культурному заимствованию», потому что она не просто свершившийся факт, а передача культур в самом ее процессе. Такое явление, как «культурное влияние», также не отражает всю сложность комплексной динамики рассматриваемого процесса [32: с. 164]. Аккультурация включает в себя явления, происходящие от длительных контактов социумов с другой культурой, в результате которых в исходной культуре происходят значительные изменения. Причем это целенаправленные изменения, осуществляемые внешними факторами. Подводя итог вышеизложенному можно сформулировать вывод о том, что американские этнологи ввели в научный

оборот новый термин «Аккультурация», под которым они понимали процесс взаимодействия этнических культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения разных культурных традиций принципиально нового культурного синтеза.

В 60–70-х годах проблема аккультурации активно исследуется немецкими учеными В. Рудольфом и В. Мюльманом. Первый исследовал проблемы влияния европейской культуры на страны третьего мира, а второй предложил концепцию соподчинения этносов в процессе аккультурации: культура менее многочисленного этноса поглощается культурой более развитого и крупного социума [13: с. 5].

Советские ученые, исследуя процессы культурного обмена, культурной и этнической ассимиляции и консолидации, обращаются к работам зарубежных этнологов. Появляются сразу несколько монографий, в которых анализируются концепции американских, британских и западногерманских исследователей. Так, В.М. Вахта подчеркивал, что аккультурация – это процесс непосредственного контакта представителей двух различных по культуре этносов. В результате этого взаимодействия происходит избирательное усвоение каждой из этих групп материальных и духовных благ и культурных ценностей друг друга. Вследствие этого культуры контактируемых этносов претерпевают определенные изменения. Степень этих изменений зависит от демографических, географических, экономических, исторических, политических, психологических и других факторов [22: с. 188].

Изучение теории аккультурации было приостановлено с середины 60-х по конец 70-х годов XX в. Это было обусловлено тем, что в этот период происходит процесс распада колониальных систем. Бывшие колонии становились суверенными государствами и старались подчеркнуть свою независимость от культуры метрополий. Кроме того исследователи, придерживаясь «классических» и в определенной мере консервативных подходов к изучению и пониманию данных процессов, как бы исчерпали «запас» предметов своих исследований (И.А. Ушанова). В конце 70-х годов советский ученый С.А. Токарев, анализируя концепции американских этнологов, уточняет их определение и понимает под аккультурацией «процесс изменения культуры одного народа под воздействием культуры другого, обычно соседнего» [41: с. 16]. Причем это взаимный процесс, так как оба соседних народа оказывают влияние друг на друга, что-то заимствуют, что-то теряют или изменяют свой культурный багаж. Исследователь С.А. Арутюнов полагал, что аккультурация это лишь первый этап интеграционных процессов, происходящих в обществе. А заключительной стадией интеграции выступает культурная ассимиляция, то есть полная или практически полная утрата исконной культуры социумом-реципиентом и столь же полное усвоение культуры социума-донора [17: с. 3]. Нам трудно согласиться с подобной точкой зрения, так как мы полагаем, что ассимиляция – это одна из исторических форм аккультурации.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что вначале этнографы, антропологи и культурологи рассматривали аккультурацию как результат длительного контакта различных культур, который выражался в изменении исход-

ных культурных моделей у контактируемых групп. Считалось, что эти процессы происходят автоматически, при этом исконные культуры смешиваются, и достигается состояние культурной и этнической однородности. Разумеется, реально менее развитая культура изменяется намного больше, чем развитая. Также результат аккультурации ставился в зависимость от относительного веса (количества участников) взаимодействующих групп. Именно в рамках этих теорий возникла знаменитая концепция Соединенных Штатов Америки как плавильного котла культур, согласно которой культуры народов, приезжающих в США, смешиваются в этом котле и в результате данного процесса, образовалась новая однородная американская культура. Нечто подобное можно было наблюдать и в СССР, где в результате длительного культурного обмена и советской системы образования появилась «новая историческая общность людей – советский народ». По этому поводу было написано достаточное количество псевдонаучных работ советского периода, в которых доказывался постулат, что за годы советской власти более 120 этносов, проживающих на территории СССР, аккумулировались в единую культурную общность. Но история доказала обратное, что после падения советского политического режима перестала существовать и единая этнокультурная система.

Постепенно исследователи ушли от понимания аккультурации только как группового феномена и стали рассматривать ее на уровне личности. При этом появились новые представления об этом процессе, который стал пониматься как изменение ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок личности. Сегодня термин «аккультурация» используется для обозначения процесса и результата взаимного культурного влияния различных социумов и личностей, при котором все или часть представителей (личность) одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (донора).

В конце XX века в связи с процессами глобальной экономической, политической и культурной интеграции вопрос расширения культурных контактов и его последствий получил новый стимул. Появляются работы по изучению теории аккультурации в эпоху глобализации [42, 34]. В условиях новой социальной реальности проблемы межкультурного взаимодействия стали предметом изучения почти всех гуманитарных наук. К теории аккультурации проявили интерес антропологи (Р. Линтон, Р. Редфилд, М. Херсковиц), психологи (Н.М. Лебедева, Дж. Бери, М. Мид, Т. Г. Стефаненко), культурологи (И.Я. Левяш, Е.Л. Сытых), философы (М.Г. Антонова, Е. И. Ефремова, И.М. Ильинский, Л.С. Клейн, И.А. Мальковская, В.И. Пантин, Б.М.Сужикова, М.В. Тлостанова, И.В. Татаренко И.А.Ушанова, Р.Д. Ушканова, Е.В. Хлыщева), педагоги (М.А. Абрамова, Т.В. Бахуташвили, Н.С. Гончарова), историки (О.Н. Корочкова, Н.Л. Щурик и другие), политологи (А.Н. Савельев, Н.К. Радица), лингвисты (Д. Ли, Дж. Баркер, Л.И. Гришаева), социологи (Ю.В. Арутюнян, К.Д. Гарибян, И.А. Кузьмин, Ю. Хабермас, А. Щюц), экономисты (В.Н. Лексин), праведы (А.Е. Абрамов, А.Г. Гузнов, И.А. Кузьмин, Л.В. Сокольская, С.А. Софронова, В.Л. Перунова, Е.А. Тверякова, В.И. Фатхи).

В современной научной литературе нет однозначного толкования термина «аккультурация». Одни ученые полагают, что это процесс взаимодействия

культур различных социумов [21: с. 239], другие трактуют как результат культурного взаимодействия [27]. По нашему мнению аккультурация не может быть сведена к простому процессу взаимодействия. Хотя понятие аккультурация близко по содержанию к понятию взаимодействие, однако есть существенное различие. В философской литературе не сложилось единого подхода к трактовке понятия «взаимодействие». Некоторые авторы полагают, что взаимодействие осуществляется путем «наложения» и «пронизывания» одной системы другой. Другие полагают, что взаимодействие – это такая всеобщая форма связи, в процессе которой стороны той или иной системы не только меняются местами, но и непрерывно изменяются сами, вызывая изменения всего единого взаимодействующего целого [25, 38]. Поэтому, если взаимодействие – это процесс взаимного влияния культур различных социумов, то аккультурация – это еще и результат данного взаимодействия. В результате взаимодействия происходит:

- во-первых, возникновение взаимодействующей системы связей;
- во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого;
- в-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых систем связей между частями [48: с. 110].

Данное положение в известной мере объясняет, как в результате взаимодействия культурных систем происходит возникновение качественно новых систем связей, явлений и процессов, в которых формируются новые закономерности и свойства, отсутствующие на уровне элементов. Эти свойства обусловлены как свойствами основных частей, так и возникающими на их основе новыми системами связей между частями. Как видим, под процессом взаимодействия понимается процесс взаимного влияния культур, а аккультурация – это еще и результат данного взаимодействия. Иными словами аккультурация это результативное взаимодействие культур контактируемых социумов и подобный результативный процесс лишь подчеркивает сложность и многогранность данного феномена. Кроме того, процесс взаимодействия подразумевает взаимное воздействие друг на друга, а аккультурация может характеризоваться и процессом одностороннего воздействия одной культуры на другую.

Кроме того, в связи со слабой теоретической разработкой понятия под аккультурацией понимают другие, отличные от нее процессы. Например, канадский психолог Дж. В. Бери изучая гипотетическую итальянскую семью в канадском обществе [19] и российский историк В.Г. Соболев, исследуя проблему появления и деятельности мусульманских общин на территории Западной Европы, выделяют четыре модели аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию [35]. Нам трудно согласиться с авторами, что сепарация (культуры сосуществуют обособленно друг от друга, не вступая в контакт, что, естественно, не может привести к изменению одной из культур, или отрицание личностью чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой), и маргинализация (отказ от двух культур) приводит к поиску некой третьей культуры, или потеря личностью идентичности с собственной культурой и отсутствие идентификации с культурой большинства) соответствуют по-

нятию аккультурация. Н.В. Янкина, рассматривая проблему толерантности в аспекте межкультурного взаимодействия, дает следующее определение аккультурации – как «процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры-донора)» [49: с. 84]. И абсолютно верно подчеркивает, что при аккультурации очень важно сохранить свою культурную идентичность и включиться в чужую культуру. Но вот при рассмотрении основных «стратегий аккультурации», автор, на наш взгляд, допускает существенную ошибку, включая наряду с ассимиляцией и интеграцией еще и сепарацию и маргинализацию. Причем сама же себе и противоречит. Под сепарацией она понимает отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой, иными словами, – это изоляция от доминантной культуры. А под маргинализацией трактуется, с одной стороны, потеря идентичности с собственной культурой, с другой, – отсутствие идентификации с культурой большинства. И в том и другом случае отрицается контакт, процесс «взаимного влияния» различных культур. Таким образом, мы видим, что отсутствует один из существенных признаков аккультурации. Также нам трудно согласиться с мнением автора, что такой феномен, как аккомодация (приспособление людей к жизни в новой культурной среде или прилаживание этой среды к ним для взаимного сосуществования и взаимодействия) являются результатом процесса аккультурации. Этот термин заимствован из биологических наук и с успехом используются в психологии и социологии как достижение психологической удовлетворенности в рамках новой культуры. В историко-правовых исследованиях целесообразно, по нашему мнению, применять более устоявшийся термин – адаптация (усвоение элементов культуры-донора).

Итак, аккультурация – это длительный межкультурный контакт различных социумов, при котором контактируемые культурные системы воспринимают свойства друг друга, в результате чего формируется некая «одинаковость» обеих культур и возникает новая целостность, обладающая качественно новыми характеристиками. Аккультурация – это исторический процесс длительного межкультурного контакта, в результате которого формируется единое (общее) культурное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Acculturation in seven American Indian tribes, ed. R. Linton, N. Y.–L., 1940.
2. Acculturation: An exploratory formulation. N.Y., 1954.
3. Beals R. L. Aboriginal Survivals in Mayo Culture // American Anthropologist. V. XXXIV, 1932, 28-39.
4. Boas F. Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Kuste Americas. Berlin, 1895.
5. Boas F. The Methods of Ethnology//American Anthropologist. 1920. N.S. Vol. 22, P. 311-322.
6. Encyclopedia Britannica. – Chicago, L., Toronto, 1946. – Vol. 5.
7. Foster G.M. Culture and Conquest. America's Spanish Heritage. NY., 1960.
8. Herskovits J.M. Acculturation: the study of culture contact. N.Y., 1938.

9. Herskovits M.J. African Gods and Catholic Saints in New World Negro Belief // American Anthropologist. New Series. Menasha, 1937. Vol. 39. № 4.
10. Kroeber A.L. Anthropology: Race, Language, Culture, Psychology, Prehistory. N.Y.; Burlingame, 1948.
11. Parsons E. C. Some Aztec and Pueblo Parallels // American Anthropologist. V. XXXV, 1933, p. 611-631.
12. Redfield R., Linton R., Herskovits M., Memorandum for the study of acculturation // American Anthropologist. 1936, Vol. 38. №1.
13. Rudolf W. Der kulturelle Relativismus: Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie. Berlin, 1968.
14. Stonequist E. The Marginal Man: A study in personality and conflict. N.Y., 1937.
15. Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // American Anthropologist. 1932. V. XXXIV. P. 557–569.
16. Ананьев Ю.В. Культура как интегратор социума. – Н. Новгород, 1996. – 174 с.
17. Арутюнов С.А. Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978, № 2. – С. 3.
18. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. Режим доступа http://www.odinblago.ru/smisl_istorii
19. Бери Д.В. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Пер. с англ. – М., 2004.
20. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М., 1990.
21. Брамлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983.
22. Вахта В.М. Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США // Современная американская этнография: Теоретические направления и тенденции. – М., 1963.
23. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
24. Докучаев И.И. Сетевая культура как исторический тип. // Ученые записки К-на-А ГТУ, 2012. № 4
25. Ильенков Э., Давыдов Г., Лекторский В. Взаимодействие // Философская энциклопедия. – 1981. – Т. 1.
26. Клейн Л.С. Персонализм: Культура и личность // Развитие личности. – 2005. - № 2.
27. Ковлер А.И. Антропология права. – М., 2002.
28. Коган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М., 1988.
29. Коган М.С. Теория культуры. – Екатеринбург, 1993.
30. Культура и культурология: словарь / под ред. А.И. Кравченко. – М., 2003.
31. Мамедов Н.М. Культура, образование, экология. – М., 1996.
32. Марков Г.Е. Развитие современной германской буржуазной этнологии // Этнография за рубежом (историографические очерки). – М., 1979.
33. Морган Л. Древнее общество. – Ленинград, 1934.
34. Петручак Л.А. Правовая культура России и межкультурный диалог в условиях глобализации // Актуальные проблемы российского права. – 2011. - №4. – С. 4–15.
35. Соболев В.Г. Мусульманские общины в государствах Европейского союза: Проблемы и перспективы. – СПб., 2003.

36. Сокольская Л.В. Анализ этимологии понятия цивилизации в философско-правовой литературе // Сборник тезисов докладов международного симпозиума: «XXI век – диалог цивилизаций и устойчивое развитие». – Улан-Уде, 2001. – С. 69–70.
37. Сокольская Л.В. Культурологические основы современных концепций права. – М., 2003.
38. Спиркин А.Г. Взаимодействие // БСЭ.- 2-е изд. – М., 1983. – Т.5
39. Сухарев М.В. Движение цивилизаций: Россия и Запад // Политические исследования. – 2005. - № 1. – С. 72–93.
40. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996.
41. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. – М., 1978.
42. Ушанова И.А. Перспективы развития теории аккультурации в глобализованном мире // Вестник Новгородского университета. – 2003. - № 4. – С. 65–70.
43. Февр Л.Бои за историю. – М., 1991.
44. Чучин-Русов А.Е. Конвергенция культур. – М., 1997.
45. Чучин-Русов А.Е. Культурно-исторический процесс: формы и содержание // Вопросы философии. – 1996. - № 4.
46. Чучин-Русов А.Е. Природа культуры // Общественные науки и современность. – 1995. - №6.
47. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. – Т.1.
48. Энгельгардт В.А. Интегратализм – путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии – 1970. - № 11. – С. 108–115.
49. Янкина Н.В. Межкультурная толерантность как компонент межкультурной коммуникации // Вестник Оренбургского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. - № 1.

Summary

CULTURAL-HISTORICAL PROCESS AND ACCULTURATION

L.V. Sokol'skaya

Abstract. The article discusses the concept of acculturation as long historical process of intercultural contact, in the result of which form a common cultural space.

Key words: culture; society; acculturation; contact; civilization; assimilation; integration; tradition.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сокольская Людмила Викторовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: cokol4512@yandex.ru

Sokol'skaya Luidmila Victorovna – associate Professor of the Department of state and legal of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: cokol4512@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВОПРОСЫ ЭКСТРЕМИЗМА

Уменова Т.Б.

Учебно-научный комплекс философских исследований
Национального университета Узбекистана
им. Мирзо Улугбека

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия культур и цивилизаций на фоне процесса глобализации, который ведёт к обострению противоречий между различными культурами, росту негативных социальных явлений и различных форм экстремизма

Ключевые слова: культура, цивилизация, глобализация, экстремизм.

Усиление культурных, экономических связей между нациями, находящимися на различных ступенях развития, но шагающих в будущее единой поступью, объединение всех этнических общностей в глобальную систему, ведет, естественно, к изменению ядра национальных культур и создает основу для развития общечеловеческих стандартизированных ценностей.

«Национальная культура, подчеркивает А.Г. Агаев, – есть вся историческая совокупность материальных, общественно-политических, технологических, научных, философских, этических и прочих ценностей, полученных им в процессе взаимодействия с другими народами и активно используемых в своем процессе (в том числе и этническом) во всех сферах общественной жизни» [1: с. 34].

В современном мире процесс глобализации образуют резко усилившаяся взаимозависимость, взаимодействие различных культур, поскольку чрезвычайно трудно отделить ее непосредственные последствия от тенденций, которые представляют собой результат их внутреннего развития. Поэтому можно согласиться с мнением Г.Г. Дилигенского, по мнению которого, «в современном мире вообще невозможно анализировать социальные, культурные и иные процессы, происходящие в отдельных странах, абстрагируясь от глобального контекста» [3: с. 330].

Однако вместе с тем этот процесс характеризуется также и возникновением, точнее распространением негативных явлений. К таким негативным явлениям относятся экстремистские идеи, обладающие своеобразной притягательной силой (особенно для молодежи), которой свойственно неокрепшее сознание и мировоззрение, неустойчивые убеждения.

К разновидности экстремизма, являющегося системой определенных взглядов, идей и убеждений, относится религиозный экстремизм, обладающий определенной направленностью и проявляющийся в различных формах, а именно: от достаточно мирных и относительно демократических форм до применяющих насилие и открыто террористических форм.

Под экстремизмом можно понимать своеобразную чрезмерную активность, направленную на реализацию некоей отдельно взятой идеи, которая абсолютизируется со стороны какой-либо группы, партии, организации. Сам экстремизм в качестве политического, идеологического или духовного явления не всегда связан с преступностью, однако является направлением или течением, не лишенным проявления насилия и мошенничества, постепенно создающим основу для различных преступных разновидностей терроризма.

В настоящее время в эпоху активной интеграции ни одно государство не может воспринять только положительные стороны процесса глобализации, но, не желая этого, впитывает также негативные течения. Поэтому в настоящее время одной из широко распространенных межгосударственных проблем является формирование у молодежи иммунитета против религиозного экстремизма. Основываясь на исследованиях положительных и отрицательных сторон глобализации, исследователи делят данный процесс на следующие составные части:

Во-первых, в больших и малых взаимосвязанных между собой государствах мира происходит единовременный переход к динамичной, развивающейся ускоренными темпами экономической системе, а национальные общественные группы предстают как отдельные составные части (элементы) мирового экономического организма.

Во-вторых, в условиях глобализации трансформируется, обновляется роль национальных и общемировых экономических отношений. В национальных структурах усиливается роль финансовых и производственных систем, приобретая четкую руководящую роль в жизни наций, внутренние связи еще более усиливаются. Этот процесс охватывает не только крупные и мощные государства, но и государства со средним и низким уровнем развития, которые вынуждены приспособливаться к реалиям глобального сосуществования. Несомненно, в этих условиях широко распространяются и влияют на сознание граждан, особенно молодежи, разновидности экстремизма, облаченные в различные притягательные формы.

В-третьих, глобализация ведет к ослаблению сложившихся внутри нации структур и функций самой нации, защитный механизм нации, ранее оберегавший ее ядро и периферию от чуждых, нежелательных внешних влияний, функционирует не так активно, как прежде. В условиях усиливающейся интеграции экономических, культурных, социальных процессов в глобальном масштабе, отдельная нация или страна не в силах предотвратить изменение, «размывание» границ национальной духовности. Вместе с тем в обществе в большом количестве начинают формироваться своеобразные индивидуальные взгляды. Своеобразие экстремистских течений заключается в том, что они стремятся заполнить идейный вакуум, возникший в каком-либо государстве, своими идеями, а также абсолютизировать свои идеи, оказывая воздействие на своеобразные индивидуальные взгляды.

Э. Араб-Оглы выделяет здесь два аспекта. Первый аспект заключается в сближении существующих сейчас цивилизаций, причем это сближение будет не абсолютным во всех отношениях, так как сохранит в той или иной мере тра-

диционные, специфические черты этих цивилизаций, особенно в области культуры и образе жизни. Это в первую очередь относится к Китаю, Индии, азиатским и исламским странам. Следует отметить, что «для этих стран главным в сближении будет интенсивное вовлечение их в международные экономические отношения, международное разделение труда, обмен различными видами деятельности» [2: с. 39], заимствование передовой технологии, современных форм менеджмента и так далее. Второй аспект связан с процессом становления общепланетарной цивилизации, подразумевающий вовлечение в него самых широких слоев населения, находящихся на различных ступенях социально-экономического, научно-технического и культурного развития. В этом отношении каждое общество весьма индивидуально.

Множество авторов интерпретируют глобализацию в качестве единства двух взаимосвязанных процессов, а именно: глобализации и локализации. Глобализация выносит на повестку дня проблему размывания границ различных культур, их беспрепятственного смешивания, в то время как процесс локализации направлен на то, чтобы препятствовать проникновению и распространению иных, чуждых культур в сферу отдельной национальной культуры.

В настоящее время, когда процесс глобализации стремительно набирает темпы, необходимо создавать все условия для отлаженной работы механизма локализации, чтобы предотвратить проникновение чуждых и вредных последствий глобализации, одной разновидностью которых являются разновидности экстремизма в менталитет отдельно взятой нации. Только в этом случае будут больше проникать универсальные, положительные стороны глобализации, а отрицательные будут задерживаться механизмом локализации, не проникая в национальную культуру.

В эпоху глобализации в различных культурах мира господствуют две основные тенденции: национально-культурное возрождение и культурная интеграция. С одной стороны, возникновение локальных цивилизаций, то есть под влиянием этнического возрождения, с различной силой протекающего в разных странах, наблюдается стремление сохранить национально-культурное своеобразие и возрастание интереса к национальным ценностям. С другой стороны, возникновение глобальной цивилизации, то есть углубление международной интеграции становится причиной широкого распространения не своеобразия национальных культур, а общих, схожих черт, присущих национальным культурам, а также их недостатков. Отмечается, что необходимо обеспечить диалектическое единство этих двух тенденций. «Однако не вызывает сомнения, что, если одна из них станет господствовать над другой, то это приведет к обеднению человечества, общечеловеческой культуры» [4: с. 43]. Следовательно, чем выше становится уровень сознания, разума, проницательности, мышления народов, тем более они стремятся к объединению, установлению интеграционных связей. Это безоговорочное условие исторического и культурного развития человечества.

В связи с тем, что интернационализм и интеграционные связи, являющиеся важным фактором развития человечества, основаны на развитии общечеловеческих ценностей, взаимовлияние культур находится под защитой ООН, ЮНЕСКО и международных организаций. К примеру, 2001 год объявлен ООН «годом диалога цивилизаций».

Из вышеизложенного можно заключить, что культурологи XX–XXI в.в. создали фундамент для возникновения нового революционного взгляда на развитие, перспективы, взаимовлияние культур различных народов, локальных и глобальных культур в эпоху глобализации. Споры между сторонниками двух вышеуказанных тенденций способствуют более глубокому и широкому изучению культуры. Вопросы о том, что главной мерой предотвращения экстремизма (одного из негативных последствий глобализации) является создание своеобразного соответствия, гармонии между национальными культурами, усиление механизма локальной сферы каждого народа становятся объектом исследования различных отраслей общественных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаев А. Г. Социалистическая национальная культура. – М., 1974.
2. Араб-Оглы Э. Дискретность и неравномерность процесса глобализации // Воспоминания об Араб-Оглы Э.А. Он был частью нашей эпохи... Избранное. – М., 2003.
3. Дилигенский Г.Г. Человек перед лицом глобальных процессов // Грани глобализации. – М., 2003.
4. Шермухаммедов С., Очилдиев А. Маданият ва цивилизация. – Т.: Фарғона нашриёти, 2000.

Summary

INTERRELATION OF CULTURES IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION AND THE ISSUES OF EXTREMISM

T.B. Utepova

Educational and scientific complex of philosophical research National University
of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek.

Abstract. The Article is devoted to the problem of interaction of cultures and civilizations on the background of the process of globalization, leading to the aggravation of contradictions between different cultures, the growth of negative social phenomena and various forms of extremism.

Key words: culture; civilization; globalization; extremism.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Утепова Т. Б. – младший научный сотрудник Учебно-научного комплекса философских исследований Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека; E-mail: ms.makhmudova@inbox.ru

Uteпова T. B. – Junior researcher of the Educational and scientific complex of philosophical research National University of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek; E-mail: ms.makhmudova@inbox.ru

ЮЖНАЯ «ССЫЛКА» А.С. ПУШКИНА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Алексеев В.Н.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация: В статье на основании документальных материалов рассматриваются условия южной «ссылки» А. Пушкина 1820–1824 гг. и причины её прекращения. Показана положительная роль графа М.С. Воронцова в разрешении сложившейся ситуации с Пушкиным.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; М.С. Воронцов; ссылка.

Подробности биографии А.С. Пушкина в период его южной «ссылки»¹ 1820–1824 гг. достаточно хорошо известны. Однако документальных источников, однозначно определяющих планы государя и руководителей Коллегии иностранных дел² в отношении поэта, всё еще недостаточно. Такое положение создаёт почву для самых разных суждений, во многом зависящих от личных взглядов и знаний исследователей.

Настоящая работа посвящена обсуждению причин начала и окончания служебного перевода А.С. Пушкина на юг России, последствий этого перевода, а также отношениям между поэтом и его одесским начальником графом М.С. Воронцовым. В советской историографии роли графа Воронцова в жизни Пушкина придавалось настолько большое значение, что большинству людей Воронцов стал известен только как гонитель и один из самых заклятых врагов поэта, как виновник отставки Пушкина и направления его в Михайловское. Как справедливо замечал В. Тен, «к сожалению, из-за истории со ссылкой Пушкина в Михайловское Воронцов оказался дискредитирован, причём настолько, что его часто не включают даже в списки героев Отечественной войны 1812 года» [17; с. 3].

Между тем, даже сняв все нелестные наговоры в адрес графа М.С. Воронцова, мы всё еще не приблизимся к решению вопроса об истинных причинах прекращения южной «ссылки» Пушкина. Нет сомнений, что эти причины имеют более глубокие корни, нежели личные отношения поэта и новороссийского генерал-губернатора, и были порождены задолго до знакомства этих людей.

К сожалению, до сих пор остаются только предположительными условия, на которых граф принял поэта к себе в канцелярию, ведь до своей отставки в июле 1824 г. Пушкин продолжал состоять в штате Коллегии иностранных дел и

¹ Официально А.С. Пушкин был всего лишь переведён из Петербурга в Екатеринослав, оставаясь при этом чиновником Коллегии иностранных дел и получая положенное ему жалование. Де юре он не был ущемлён в правах, и за ним не устанавливалось никакого постороннего наблюдения.

² Далее КИД.

подчинялся её управляющему графу К.В. фон Нессельроде. Неясно, какая договоренность была достигнута между Воронцовым и Нессельроде в отношении Пушкина, и в какой мере последний был обязан подчиниться Воронцову. Более того, мы даже не знаем исходного предписания, определяющего отъезд Пушкина из Петербурга в мае 1820 г., сроков его командировки и условий возможного возвращения в Петербург.

Сложность этой ситуации верно отмечала С.Л. Абрамович, писавшая, что «о жизни Пушкина в Одессе до нас дошло гораздо больше слухов и легенд, чем достоверных фактов» и что «мы пока не можем сказать совершенно определённо о том, что послужило непосредственным поводом письма Воронцова к Нессельроде от 28 марта 1824 г.» [1; с. 191, 198]. Ещё более точно определял положение М.О. Гершензон: «Обстоятельства, результатом которых явилась высылка Пушкина из Одессы <...> остаются до сих пор не выясненными. В этой истории, несомненно, есть какое-то тёмное место. Факты, нам известные <...> объясняют не всё» [6; с. 33].

Итак, вернёмся ко времени перевода А.С. Пушкина из Петербурга на юг России и условиям этого перевода.

Как известно, свободолюбивые стихи Пушкина с нападками на императора стали причиной недовольства Александра I, намеревавшегося удалить «бунтаря» как можно дальше от Петербурга. Однако благодаря ходатайству Н.М. Карамзина, а также статс-секретаря и второго управляющего КИД графа Иоанна Каподистрии поэт был срочно командирован на юг в распоряжение генерала И.Н. Инзова. Весьма вероятно, что известный либерал граф Каподистрия (по словам Карамзина, «умнейший человек нынешнего двора»), благоволил к молодому человеку и специально придумал для него командировку, избавляющую поэта от полицейского надзора.

Эта мысль подтверждается несколькими документами, в частности, запиской графа Каподистрии от 5 мая 1820 г.: «Император приказал вчера, чтобы коллегия выдала г-ну Пушкину, *переводчику*, тысячу рублей на дорожные расходы <...> Я хочу поручить ему срочную депешу для г-на генерала Инзова. Сделайте одолжение, поговорите об этом с графом Нессельроде. Он об этом предупреждён. Мы были вместе, когда Его Императорское Величество дал мне это указание» [4; с. 44]. Отметим, что в 1820 г. КИД руководили одновременно два статс-секретаря – И.А. Каподистрия и К.В. Нессельроде, но право в решении главных вопросов первоначально принадлежало графу Каподистрии.

В личном письме, которое Пушкин повёз с собой из Петербурга генералу Инзову, Каподистрия писал, что, несмотря на серьёзный проступок молодого человека, последовавший не вследствие порока, а из-за юношеской неосторожности, Пушкин направляется не для наказания, но для воспитания, и что «его покровители полагают, что его раскаяние искренне и что, удалив его *на некоторое время* из Петербурга, доставив ему занятие и окружив его добрыми примерами, можно сделать из него прекрасного слугу государству или, по крайней мере, писателя первой величины» [8; с. 208] (здесь и далее курсив мой – В.А.).

В это же время в своих письмах к князю П.А. Вяземскому А.И.Тургенев сообщал, что «Пушкин завтра едет к Инзову. Государь велел написать всю его историю, но он будет считаться при Капод <истрии>» и что «Пушкин ускакал к Инзову курьером; пробудет с ним несколько времени и потом будет при Капод <истрии> если исправится» [21; с. 198]. По мнению Н.М. Карамзина: «Пушкин был несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым *месяцев на 5* <...> Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным» [14; с. 493].

Заметим, что в цитированном выше письме графа Каподистрии Пушкин назван «переводчиком», что можно считать указанием на его должностные обязанности в КИД. Вероятно, таковыми они и остались, когда Пушкин оказался в распоряжении генерала И.Н. Инзова, председателя Попечительского комитета об иностранных поселенцах южного края России и полномочного наместника Бессарабской области. Во всяком случае, в письме Каподистрии от 28 апреля 1821 г. Иван Никитич сообщал о Пушкине: «Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов...» [8; с. 270].

Формально коллежский секретарь А. Пушкин оказался в штате бессарабского генерал-губернаторства, что подтверждают его слова из письма к Несельроде от 13 января 1823 г.: «Будучи причислен по повелению его величества к его превосходительству бессарабскому генерал-губернатору, я не могу без особого разрешения приехать в Петербург...» [10; с. 55].

Таким образом, ближайшее окружение Пушкина предполагало, что его удаляют из Петербурга всего лишь на некоторое время, возможно, на пять месяцев, которых будет достаточно для исправления молодого человека. Более того, по словам самого Каподистрии, «впоследствии он, Каподистрия, ценя высокие дарования молодого человека, *надеется иметь его при своей особе*» [1; с. 193].

Однако косвенные данные указывают, что пребывание Пушкина в Бессарабии изначально предполагалось на срок не менее года. За это говорит тот факт, что новый начальник поэта генерал Инзов, видимо, даже не был обязан информировать своё руководство о поведении Пушкина. В Петербурге же «вспомнили» о нём как раз к истечению первого года. Только в середине апреля 1821 г. (!) граф Каподистрия обратился с письмом к И.Н. Инзову: «Несколько времени тому назад отправлен был к Вашему превосходительству молодой Пушкин. *Не имея никаких сведений о его службе и поведении*, желательно, *особливо в нынешних обстоятельствах*, узнать истинное суждение Ваше, милостивый государь мой, о сем юноше. Повинуется ли он теперь внушению от природы чистого сердца или порывам необузданного и вредного воображения» [8; с. 269–270]. Проект этого письма Каподистрии был утвержден Александром I, и это был первый и последний случай, когда Петербург по своей воле заинтересовался поэтом.

По-видимому, и Пушкин рассчитывал, что наказание продлится всего лишь год. Так, 7 мая 1821 г. он писал из Кишинёва А.И. Тургеневу: «Если получу я позволение возвратиться, не говорите ничего никому, и я упаду, как снег

на голову» [10; с. 29]. 27 июля того же года в письме к брату и сестре поэт обмолвился: «Пиши ко мне, покаместь я еще в Кишиневе» [10; с. 30].

Можно лишь предполагать, что имелось в виду под выделенными нами словами «особливо в нынешних обстоятельствах», «покаместь». Возможно, что при хороших отзывах с истечением года появлялась надежда смягчить наказание Пушкина, или у графа Каподистрии нашлись бы иные способы облегчить его судьбу. Однако и Каподистрия оказался не настолько могущественен. Весной 1821 г. у него самого возникают первые разногласия с императором. В таком положении поднимать вопрос о судьбе поэта было сложно. В течение 1821 г. граф Каподистрия постепенно терял политический вес, а в августе 1822 г. он был отправлен в отставку и навсегда выехал из России.

Ставший единственным руководителем КИД граф К. Нессельроде ничего не предпринимал в отношении Пушкина. Возможно, он считал возвращение поэта преждевременным или просто остерегался напоминать об этом императору.

Между тем, неопределённость положения А.С. Пушкина с течением времени усугублялась. По-прежнему был не определён срок, на какой коллежский секретарь Пушкин был отослан из столицы, какие конкретные служебные обязанности на него возложены, имел ли он право на отпуск и при каких условиях мог рассчитывать на возвращение в Петербург.

Такая неопределённость растянулась на четыре года: с 1820 до 1824 гг. За это время Пушкин переехал из Екатеринослава в Кишинёв, а оттуда в Одессу, но положение оставалось прежним. Он всё также был предоставленным самому себе, а служебные отношения на практике сводились лишь к получению приходящего от Коллегии жалования.

Некоторая надежда на перемены могла появиться у поэта весной 1823 г. при передаче должности бессарабского генерал-губернатора от И.Н. Инзова графу М.С. Воронцову. По крайней мере, в апреле 1823 г., Пушкин писал кн. Вяземскому: «Мои надежды не сбылись: мне нынешний год нельзя будет приехать ни в Москву, ни в С. Петербург» [10; с. 61].

С годами положение Пушкина становилось всё более сложным. Продолжавшие заботиться о судьбе поэта А.И. Тургенев и кн. П.А. Вяземский попытались смягчить ситуацию путем переподчинения Пушкина графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Бывший главным инициатором устройства поэта в Царскосельский лицей, А.И. Тургенев совершенно искренне полагал, что его политический единомышленник М.С. Воронцов будет и для Пушкина лучшим из всех возможных начальников. Но переезд поэта в Одессу не изменил его положения.

Тем временем обстановка в стране менялась очень быстро. В южной армии уже существовали управы Союза благоденствия. Это делало Юг далеко не лучшим местом для исправления политических взглядов, тем более что Пушкин был тесно знаком со многими офицерами, впоследствии привлекавшимися по делу о восстании 14 декабря. Своеобразным сигналом стало и то, что в мае 1824 г. главный заступник поэта А.И. Тургенев за противоправительственные высказывания был отстранен от службы и через два месяца покинул Россию.

Мы полагаем, что превосходный политик и администратор граф М.С. Воронцов прекрасно осознавал неопределённость положения Пушкина. Именно поэтому еще в марте 1824 г. (то есть еще до пушкинских эпиграмм и злосчастной командировки на саранчу) он изложил графу Нессельроде своё мнение о том, что пора не только вернуться к вопросу о судьбе Пушкина, но даже и перевести поэта в другую губернию. Одновременно граф подтверждал благонадёжность молодого человека, что можно было считать положительной характеристикой последнего.

Подтверждением сказанному служат первые слова письма Воронцова к Нессельроде от 28 марта 1824 г.: «Граф! Ваше сиятельство осведомлены об основаниях, по которым молодой Пушкин был послан несколько времени тому назад с письмом графа Каподистрии к генералу Инзову. При моем приезде сюда этот генерал, если можно так выразиться, вручил его мне, и он жил с тех пор постоянно в Одессе, где находился еще до моего прибытия и в то время, когда генерал Инзов был в Кишиневе. Никоим образом я не приношу жалоб на Пушкина, справедливость даже требует сказать, что *он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде*, но собственный интерес молодого человека, не лишённого дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляют меня желать, чтобы он не оставался в Одессе. Основной недостаток г. Пушкина – это его самолюбие. Он находится здесь и за купальный сезон приобретает еще множество восторженных поклонников своей поэзии, которые, полагая, что выражают ему дружбу лестию, служат этим ему злую службу, кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель <...> Удалить его отсюда – значит оказать ему истинную услугу. Возвращение к генералу Инзову не поможет, все равно он будет тогда в Одессе, но без надзора. Кишинев так близко отсюда, что ничто не мешает этим же почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество.

По всем этим причинам я прошу ваше сиятельство испросить распоряжений государя по делу Пушкина. Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий. Я повторяю, граф, *исключительно в его интересах я обращаюсь с этой просьбой. Я надеюсь, что моя просьба не будет истолкована ему во вред, и убежден, что, только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант*, удалив в то же время от того, что может ему сделать столько зла» [22; с. 404–405].

Вполне очевидно, что своим посланием граф, во-первых, напоминает о необходимости завершения процесса, начатого ещё графом Каподистрией, во-вторых, хорошими отзывами об исправлении, даёт основания для смягчения наказания (даже подчёркивает молодость поэта), и, в-третьих, советует обратиться к самому государю и подумать о том, куда лучше перевести Пушкина с юга. Причём слова «в другую губернию» не обязательно означают «поселить в глушь» или отправить в ссылку, как иногда пишут. Таким образом, граф Воронцов, действительно, предпринимал меры для перевода Пушкина с юга Рос-

сии, но, вопреки часто высказываемому мнению, генерал-губернатор отнюдь не порочил поэта, а, напротив, своими положительными отзывами пытался смягчить его положение.

Нередкие в научной литературе предположения, что добрые слова Воронцова о Пушкине были завуалированной интригой, так и остаются предположениями. В своём положении граф мог не опасаться разглашения его переписки. При желании Воронцов мог бы просто открыто обличить Пушкина в нежелании служить, в порочащем честь поведении и свободомыслии, что благотворно отразилось бы на его (графа) собственной карьере. Ничего этого сделано не было.

Напротив, Воронцов берёт на себя смелость судить о характере поэта. Утверждая, что Пушкин *«кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде»*, граф ставит себя в положение давно знавшего Пушкина человека, хотя в действительности, был знаком с ним всего семь месяцев. Как будет показано ниже, в Петербург поступали и совершенно противоположные воронцовской характеристики поэта, что давало повод заподозрить самого Воронцова в покровительстве опальному коллежскому секретарю.

Даже некоторые пушкинисты признают, что Воронцов писал Нессельроде о Пушкине абсолютно без всякой мысли об интриге или мести. Так, С.А. Абрамович писала: «Что же произошло между Пушкиным и Воронцовым в январе – марте 1824 г.? В том-то и дело, что ничего! Решительно ничего такого, что стало бы достоянием гласности. В одесских материалах, письмах, воспоминаниях, относящихся к этим месяцам, нет ни одного намёка, даже самого слабого, на какой-либо инцидент или столкновение между поэтом и графом.

У нас нет никаких сведений о том, что Пушкин в это время позволил себе какой-то враждебный выпад против Воронцова» [1; с. 193].

Можно предположить, что если бы на первое письмо Воронцова в Петербург пришёл скорый ответ, то Пушкин мог быть переведён ближе к столице с оставлением его в штате Коллегии иностранных дел. Однако задержка решения из Петербурга более чем на два месяца привела к появлению резких пушкинских эпиграмм, обострению его отношений с Воронцовым, обнаружению письма «об уроках атеизма» и в конечном счете к прошению поэта об отставке.

Положение дел проясняет письмо, полученное Воронцовым после еще двух письменных напоминаний о Пушкине летом 1824 г.: «Правительство совершенно согласно с Вашими заключениями относительно Пушкина, но, к сожалению, пришли ещё к убеждению, что последний нисколько не отказался от дурных начал, ознаменовавших первое время его публичной деятельности. Доказательством тому может служить препровождаемое при сем письмо Пушкина, которое обратило внимание московской полиции по толкам, им возбуждённым. По всем этим причинам правительство приняло решение исключить Пушкина из списка чиновников министерства иностранных дел с объяснением, что мера эта вызвана его дурным поведением, а чтоб не оставить молодого человека вовсе без присмотра и тем не подать ему средств свободно распространять свои губительные начала <...> правительство повелевает, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина в имение его родных, в Псковскую губернию, под-

чинить его там надзору местных властей и приступить к исполнению этого решения немедленно» [17; с. 5–6].

Заметим, еще раз, что слова этого письма «к сожалению, пришли еще к убеждению, что последний нисколько не отказался от дурных начал, ознаменовавших первое время его публичной деятельности», бросают тень подозрительности на Воронцова, ещё недавно сообщавшего в Петербург о том, что Пушкин стал вести себя гораздо лучше, чем прежде.

Прошение об отставке было неожиданным для самого Воронцова. 9 июля он писал по этому поводу министру Нессельроде: «Не зная, по справедливости, как поступить с этой просьбой и необходимо ли представить свидетельство о болезни, я посылаю Вам её в частном порядке и настоятельно Вас прошу либо дать ей ход, либо мне возвратить в зависимости от того, как Вы рассудите» [8; с. 425–426].

Из этого письма следует, что в соответствии с установленными правилами граф был обязан переправить прошение Пушкина его непосредственному начальнику в КИД, что он и сделал. Однако письмо об отставке было послано в частном порядке и, следовательно, Воронцов всё еще оставлял возможность не доводить дело до государя и был готов принять любое решение министра. Впрочем, можно было предположить, что сам Нессельроде ничего решать не будет. Еще 16 мая 1824 г. (до командировки Пушкина «на саранчу») он прислал М.С. Воронцову предельно ясное письмо: «Я представил императору ваше письмо о Пушкине. Он был вполне удовлетворён тем, как вы судите об этом молодом человеке, и дал мне приказание уведомить вас о том официально. Но *что касается того, что́ окончательно предпринять по отношению к нему, он оставил за собою дать своё повеление во время ближайшего моего доклада*» [8; с. 418].

Граф К.В. Нессельроде дал ход прошению Пушкина об отставке. Известно, в какой форме был сделан доклад Нессельроде, чьи письма и донесения он представил императору, но именно этот доклад определил решение государя. Иными словами, если и искать ближайшую и непосредственную причину ссылки Пушкина в Михайловское, то она, конечно, *более заключается в сути доклада Нессельроде государю, чем в личных отношениях А.С. Пушкина и М.С. Воронцова.*

Отметим, что мысль о патронаже над Пушкиным со стороны какого-либо мудрого покровителя продолжала жить в дружественном окружении поэта даже после его высылки из Одессы. И таковой человек был найден в лице генерал-губернатора Псковской и прибалтийских губерний Ф.О. Пауллуччи. Узнав об отставке и предстоящей высылке Пушкина в Михайловское, А.И. Тургенев поделился своими соображениями с П.А. Вяземским: «Граф Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина. *Желая во что бы то ни стало оставить его при нём*, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже невозможно <...>, что *надобно искать другого мецената-начальника.* Долго вчера толковал я о сем с Севериным, и мысль наша остановилась на Пауллуччи, тем более что Пушкин и псковский помещик. Виноват один Пушкин...» [8; с. 432–433].

Затронув тему взаимоотношений А.С. Пушкина с графом М.С. Воронцовым, мы считаем необходимым обсудить и некоторые нелестные характеристики последнего, до сих пор во множестве встречающиеся в учебной и научной литературе и в интернете.

Исследованием темы «Пушкин и Воронцов» занимались и занимаются преимущественно пушкинисты, по роду своей деятельности склонные к необъективности оценки каждой из указанных личностей. Практически в любой посвященной этой теме работе встречаются очень резкие и оскорбительные высказывания в отношении графа и крайне негативные оценки его моральных качеств. Например, в работе Л.М. Аринштейна, специально не занимавшегося биографией Воронцова, имеются такие фразы: «Конечно, Воронцов не был бы Воронцовым, если бы он не завуалировал донос несколькими красивыми фразами...», «Это была та высшая форма всеподданнейшего усердия, которую от Воронцова ждали...», «Воронцов идет на откровенную провокацию: он готовит Пушкину <...> командировку на саранчу», «Воронцов едва ли удивился, когда Пушкин подал ему прошение об отставке» [2; с. 286–304].

Подобным же образом отзывается о Воронцове и С.А. Абрамович: «о его истинных чувствах догадывались немногие», «со стороны Воронцова всё это было точно рассчитанным ходом», «Воронцов был достаточно проницателен, чтобы предвидеть реакцию Пушкина», «Воронцов под маской неизменной любезности затаил недоброжелательность, очень похожую на ненависть» [1; с. 191–199].

В сочетании с известной пушкинской эпиграммой на графа, без упоминания о которой не обходится ни один автор, всякое исследование одесского периода жизни Пушкина превращается в обвинительное заключение против Воронцова. Неудивительно, что при такой направленности исследований сложный и недостаточно отраженный в документах вопрос о причинах ссылки Пушкина в Михайловское неизбежно сводится к *поиску причин, по которым граф Воронцов мог бы возненавидеть поэта.*

Ещё в конце XIX в. определились две точки зрения на проблему «Пушкин и Воронцов». Согласно воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, причиной конфликта стали интимные отношения между поэтом и супругой Воронцова, графиней Е.К. Воронцовой [5]. Впоследствии эту версию всячески пыталась обосновать Т.Г. Цявловская [19; с. 12–84]. По мнению другого современника поэта И.П. Липранди, чиновник Пушкин оскорблял своего начальника сочиняемыми на него эпиграммами, чем и вызвал его гнев. [9; с. 1477–1478]. Существуют и другие версии, утверждающие, например, что Пушкин был выслан из Одессы по политическим соображениям. Все эти предположения основывались на анализе, в целом, одних и тех же документов, что свидетельствует о том, какую большую роль в решении вопроса играл субъективный фактор. Однако общий подход и, следовательно, общее заключение исследователей оставалось одинаковым: в том, что Пушкин был выслан из Одессы, был виноват, прежде всего граф М.С. Воронцов.

Новая точка зрения обозначилась в последние два десятилетия в связи с публикацией трудов некоторых исследователей дворянского рода Воронцовых, смотревших на проблему со стороны, так сказать, «защиты Воронцова» [16].

Эта защита прежде всего предполагала снятие с Воронцова ложных ярлыков и обвинений, во множестве скопившихся как в научных изданиях, так и в общественном мнении в связи с тем же «пушкинским вопросом». В результате воронцововеды стали обвинять пушкинистов в предвзятом отношении к Воронцову и преднамеренном искажении исторических фактов. Возникло негласное противостояние, при этом каждая из сторон признаёт только свои аргументы и не воспринимает (или вообще не упоминает) доводы оппонентов.

Выход из сложившейся ситуации автор видит в новом подходе к обстоятельствам одесского периода жизни А.С. Пушкина. Мы предлагаем отказаться от поисков конкретного врага поэта и рассмотреть ситуацию возможно более непредвзято, избегая оскорбительных определений в адрес кого-либо. Такой подход даст максимальную возможность для объективности суждений и позволит увидеть истоки обсуждаемой проблемы.

Посмотрим, как же развивались отношения между этими людьми. А.С. Пушкин прибыл в Одессу в самом начале июля, чуть раньше своего будущего начальника, который приехал лишь 21 июля. 25 августа 1823 г. поэт писал из Одессы брату Льву Сергеевичу: «Вот в чём дело: здоровье моё давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу – я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу. Между тем, приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе – кажется и хорошо – да новая печаль мне сжала грудь – мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишинёв на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически – и, выехав оттуда навсегда, – о Кишинёве я вздохнул. Теперь я в Одессе – и все ещё не могу привыкнуть к европейскому образу жизни – впрочем, я нигде не бываю, кроме в театре» [10; с. 67].

Пушкину было дозволено бывать в доме генерал-губернатора, пользоваться его библиотекой (именно это знаменитое книгохранилище породило у Александра Сергеевича желание создать собственную библиотеку), обедать у графа, а также присутствовать на одесских светских собраниях. Следовательно, *с самого начала ситуация развивалась по предполагаемому направлению, а обе стороны были вполне довольны друг другом.*

Что же изменилось в течение следующего года и почему с конца мая 1824 г. отношения между Воронцовым и Пушкиным стали натянутыми? В советской литературе причину видели только в графе Воронцове, которого обвиняли в притеснении Пушкина и даже в унижительной слежке за поэтом и чтении его писем. Посмотрим, что говорят документы и воспоминания очевидцев.

13 июня 1824 г. княгиня В.Ф. Вяземская писала мужу из Одессы: «Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича, поэте Пушкине. Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не сможет совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина – с

его стороны <...> Я делаю всё, что могу, чтобы успокоить его; браню его от твоего имени, уверяя его, что, разумеется, *ты первый признал бы его виноватым, так как только ветреник мог бы так набедокурить*. Он захотел выставить в смешном виде важную для него особу – и сделал это; это стало известно, и, как и следовало ожидать, *на него не могли больше смотреть благосклонно*, что меня очень огорчает, но никогда не приходилось мне встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нём...» [20; с. 479].

Через 10 дней, 24–25 июня и сам Пушкин писал П.А. Вяземскому: «...Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти, ещё не известно» [10; с. 98]. Другой современник Пушкина К.П. Зеленецкий указывал: «...живя в Одессе, Пушкин продолжал шалить <...> шалости 25-летнего поэта иногда переступали всякую меру, особенно в эпиграммах: это-то, равно как и разные знакомства, было причиною, что вскоре после своей херсонской командировки, Пушкин принужден был оставить Одессу» [18; с. 138].

Прежде чем говорить о якобы предпринятых Воронцовым действиях, вспомним, что события происходили за год до выступления декабристов. В такой обстановке генерал-губернатору ничего не стоило прямо или косвенно сообщить в Петербург о неблагонадежности Пушкина и избавиться как от него, так и от возможных упреков и подозрений в непринятии мер против инакомыслия. Хорошо известно, что граф и сам не пользовался особой благосклонностью императора, а потому покровительство сочинителю эпиграмм могла бы дорого стоить Воронцову.

Между тем, граф продолжал покрывать «шалости» поэта и писал о нём в самых добрых словах. Подтверждением этому служат два письма, отправленные Воронцовым в Петербург по поводу Пушкина:

1. «... Что касается Пушкина, то я говорю с ним не более 4 слов в две недели, — он боится меня, так как прекрасно знает, что при первом же шуме, о котором я узнаю, я отошлю его отсюда, и что *уж никто не пожелает взять его на своё попечение*; я вполне уверен, что *он ведет себя гораздо лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове*, который забавлялся тем, что вступал с ним в споры, думая исправить его логическими рассуждениями, а потом позволял ему жить одному в Одессе, между тем, как сам он находился в Кишинёве. По всему видно, что я узнаю о нем и через Гурьева (одесского градоначальника – В. А.), и через Казначеева, и через полицию, — *он очень благоразумен и сдержан*; если бы было иначе, — я бы отослал его...» [11; с. 140] (Письмо начальнику штаба 2-й армии П.Д. Киселёву от 6 марта 1824 г.).

2. «... я говорил здесь с людьми, желающими добра Пушкину, и результат тот, что я напишу Нессельроде, чтобы просить перевести Пушкина в другое место. Здесь слишком много народа, и особенно людей, которые льстят его самолюбью, поощряя его глупостям, причиняющим ему много зла. Летом будет ещё многолюднее, и *Пушкин вместо того, чтобы учиться и работать ещё более собьется с пути...* Так как мне не в чем его упрекнуть, кроме праздности, я дам о нём *хороший отзыв Нессельроде и попрошу его быть к нему благосклонным*.

Но было бы лучше для самого Пушкина, я думаю, не оставаться в Одессе» [8; с. 404] (Письмо к П.Д. Киселёву от 28 марта 1824 г.).

Читая письма М.С. Воронцова, следует всегда помнить, что воспитанный в Англии, граф отличался необыкновенной пунктуальностью и требовал от подчиненных того же в делах. Нетрудно представить, какую противоположность составлял своему начальнику Пушкин, и каких усилий стоило Воронцову быть чрезвычайно сдержанным и даже доброжелательным в отзывах о поэте. Его отзывы о Пушкине ни в коей мере не были ни клеветой, ни доносами, а представляют собой исключительно положительные характеристики. При всём этом 42-летний генерал-губернатор откровенно писал, что не является поклонником его таланта. Такая честность несколько не порочит Воронцова, тем более, что у поэта, действительно, был непростой характер.

Важно отметить, что в 1824 г. у Пушкина были очень серьезные недоброжелатели, посылавшие донесения совершенно противоположные мягким воронцовским отзывам. Так, ещё 17 января 1824 г. генерал-полицмейстер 1-й армии И.Н. Скобелев писал: «Не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядные дарования свои употребил в явное зло, запретить издавать развратные стихотворения? Не соблазн ли они для людей, к воспитанию коих приобщено спасительное попечение <...> Я не имею у себя стихов сказанного вертопраха, которые всюду ходят под именем: Мысль о свободе. Но, судя по выражениям, ко мне дошедшим (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки <...> Если б сочинитель вредных пасквилей немедленно, в награду, лишился нескольких клочков шкуры, было бы лучше. На что снисхождение к человеку, над коим общий глас благомыслящих граждан делает строгий приговор?» [8; с. 387].

Письмо Скобелева было, вероятно, не единственным донесением, отправленным в Петербург действительными врагами поэта. Напротив, граф Воронцов своими положительными отзывами всячески сглаживал атмосферу вокруг Пушкина и только ходатайствовал о его переводе из Одессы. Можно только предполагать, что ожидало бы поэта, если бы он остался на юге еще на год и встретил бы декабрь 1825 года не у себя в Михайловском.

Обвинители Воронцова обычно говорят о «слежке», которую он установил за Пушкиным. В подтверждение этому они приводят цитату из письма начальника канцелярии Воронцова А.И. Казначеева кишиневскому полицмейстеру А.Я. Радичу во время поездки Пушкина в Кишинев в марте 1824 г.:

«...Пушкин с позволения графа Михаила Семеновича отпущен на несколько дней в Кишинев. Он малый славный и благородный, но часто во вред себе лишнее говорит < > и неосторожен иногда. Граф пишет мне из Крыма, чтобы я тебя просил невидимо присмотреть за пылким молодняком: что где он вредное говорит, с кем водится и какое будет его занятие или прохождение времени <...>» [8; с. 400]. Однако за многоточием в приведенной цитате следует фраза, которую обычно не приводят: «*Если что узнаешь, намекни ему деликатно об осторожности и напиши мне о всем обстоятельнее*».

Ещё одна притча во языцех – история с саранчой. В мае 1824 г. Пушкину, как и другим чиновникам канцелярии губернатора, надлежало инспектировать

Херсонскую губернию (Херсонский, Александрийский и Елисаветградский уезды), где началось усиленное размножение саранчи. Вспышка численности этого насекомого грозила стать страшным бедствием и обернуться голодом для всего юга России. Однако никакой ловли насекомых, как обычно пишут, не требовалось, да и что мог сделать один человек против бесчисленных стай насекомых? От инспекторов требовалось лишь собрать сведения о местах бедствий и об успешности предпринимаемых мер.

Опасность размножения саранчи была, действительно, очень велика. Известно, что для борьбы с вредителями были задействованы воинские подразделения, а весной 1824 г. были временно прекращены дорожные работы, дабы освободить помещичьих и казенных крестьян для борьбы с саранчой. В одном из писем А.Я. Булгакова говорилось, что «...в тех местах саранча лежит на земле кучами в поле и даже в аршин вышины» [15; с. 75].

Впоследствии граф М.С. Воронцов так вспоминал о саранчовой напасти: «Durant cette année commencèrent en Nouvelle Russie les ravages des sauterelles, qui désolèrent les campagnes et nous firent beaucoup de mal pendant cinq ou six années depuis. Nous fîmes tous ce que nous pûmes, pour diminuer le mal en détruisant, autant que possible, ces insectes si malfaisants, ainsi que les oeufs qu'ils laissent pour l'hiver dans les champs qu'ils ont ravagés; mais ce travail n'est possible que là où il y a beaucoup d'habitants ou des troupes en cantonnement dans le voisinage»¹. [3; с. 74].

Неожиданно Пушкин вступил в переписку с начальством, приводя в свою пользу самые разные доводы. Обращаясь по поводу полученного предписания о поездке к А.И. Казначееву, поэт писал 22 мая 1824 г.: «...Семь лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. *Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель* <...>.

Повторяю здесь то, что уже известно Графу Михаилу Семеновичу: *если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме его сиятельства*; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы и от всякой надежды на дальнейшие успехи в одной <...> Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, *переменив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь...*» [12; с. 78].

Далее в записке Пушкин ссылается на свою болезнь и обещает представить даже справку от врача. Кажется очень странным, что человек прикладывает столько сил, чтобы отказаться от выполнения крайне важного и в целом не

¹ «В течение этого года в Новороссии начались бедствия саранчи, которые разоряли деревни, и доставили нам много неприятностей в следующие пять или шесть лет. Мы сделали всё, что могло бы уменьшить зло, уничтожив, насколько это возможно, этих вредных насекомых, а также их яйца, которые они оставляют на зимовку в тех краях, областях, которые обеднили; но эта работа возможна только там, где есть много жителей или расквартированных по близости военных» (перевод мой – В.А.).

очень обременительного общественного дела, в то время как другие его сослуживцы приняли командировку за обычный служебный долг.

Осмелимся предположить, что причиной отказа Пушкина от поездки могло быть приближающееся 25-летие Александра Сергеевича (Отъезд предписывался на 23 мая). Можно не сомневаться в том, что Пушкин и его друзья уже имели свои планы на это торжество, но командировка в Херсон всё нарушала. Единственным способом остаться в Одессе и отметить день рождения, стала попытка склонить начальство к отмене распоряжения графа Воронцова, что поэт и попытался сделать.

Отметим также, что, несмотря на уклонение Пушкина от поездки (он вернулся уже через неделю), никакого наказания за это не последовало.

31 июля 1824 г., будучи уже исключенным из КИД, А.С. Пушкин навсегда покинул Одессу и с графом Воронцовым больше не встречался. Правда, узнав, что граф собрался приехать в Петербург, Пушкин писал брату зимой 1825 г.: «Приехал граф Воронцов? узнай и отпиши мне, как отозвался он обо мне в свете – а о другом мне и знать не нужно» [13; № 111]. Но граф предпочел вообще не касаться своих отношений с поэтом, либо не считал их настолько серьезными, чтобы сообщать об этом в свете.

Тем не менее, многие впоследствии стали считать М.С. Воронцова главным врагом А.С. Пушкина. Барон А.А. Дельви́г предсказал эту ситуацию ещё в сентябре 1824 г. в своем письме к лицейскому товарищу: «Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шёл, то есть делай, что хочешь, но не сердися на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо льстит. Я не видал ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали...» [7; с. 286].

Таким образом, объективный подход к взаимоотношениям А.С. Пушкина и М.С. Воронцова показывает, что нет никаких оснований считать графа Воронцова врагом поэта и в этой связи приписывать ему самые неблагоприятные мысли и поступки. В течение всего времени пребывания Пушкина в Одессе М.С. Воронцов добросовестно выполнял своё обещание быть его покровителем и сыграл весьма положительную роль в судьбе поэта.

Можно утверждать, что граф М.С. Воронцов стал первым, кто попытался напомнить правительству (в лице министра К. Нессельроде) о затянувшемся пребывании А.С. Пушкина на юге России. Положительными отзывами о поведении поэта Воронцов давал основание для перевода его в другие, ближние к столицам губернии. К сожалению, у императора было своё мнение, и дело закончилось совсем не предсказуемо: вместо поощрительного перевода и прекращения южной командировки Пушкин оказался в настоящей ссылке в Михайловском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович А.С. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым // Звезда. – 1974. - № 6.

2. Аринштейн Л.М. К истории высылки Пушкина из Одессы. Легенды и факты. В кн. Пушкин. Исследования и материалы. – Т. X. – Л., 1982.
3. Архив князя Воронцова. – Кн. 37. – М., 1891.
4. Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. – М., 1976.
5. Вигель Ф.Ф. Записки. – Ч.6. – М., 1892.
6. Гершензон М.О. Образы прошлого. – М., 1912.
7. Дельвиг А.А. Сочинения. – Л., 1986.
8. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. – Л.: Наука, 1991.
9. Липранди И.П. Записки // Русский архив. – 1866. - № 10.
10. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 13. – М.: Воскресенье, 1996. – 684 с.
11. Пушкин и современники. – Вып. 37. – Л., 1928.
12. Пушкин. Письма (под ред. Б.Л.Модзалевского). – Т. 1. – М.-Л., 1926. – 540 с.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9. – № 111. – М., 1962.
14. Русский Архив, 1897. - № 7.
15. Русский Архив, 1901. – Кн. II, Ч.5. Письмо А.Я. Булгакова к его брату.
16. См., например, Удовик В.А. М.С.Воронцов в изображении пушкинистов //Труды Воронцовского общества. Вып. 4. – Петушки, 1999. – С. 131-138; Удовик В.А., Кацик В.О. Светлейший князь М.С.Воронцов. Человек, полководец, государственный деятель. – СПб., 2000; Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России». – М., 2002.
17. Тен В.В. Кто решил судьбу Пушкина в 1824 году // Московский журнал. – 2004. - № 7.
18. Цит. по Б.Л. Модзалевский. Пушкин и его современники. – СПб., 1999.
19. Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман» // Прометей. – 1974. - № 10.
20. Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. – Т. 1. – М., 1951.
21. Шибунин А.Н. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых // Пушкин: Временник пушкинской комиссии. – Т. 1. – М.-Л., 1936.
22. Щеголев П.А. А.С. Пушкин и граф М.С. Воронцов // Красный архив. – 1930. Т.1.(38).

Summary

SOUTH LINK A.S. PUSHKIN: CAUSE AND EFFECT

A.V. Nikolayevich

Abstract. The article on the basis of documentary materials deals with the conditions of the South «links» by A. Pushkin 1820–1824, and the reasons for its termination. Illustrate the positive role of count Mikhail Vorontsov in resolving the situation with Pushkin.

Key words: Pushkin; Vorontsov; link.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Владимир Николаевич – кандидат биологических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры биологии, биотехнологии и экологии Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; профессор Российской Академии Естествознания, председатель НОО «Воронцовское общество»; E-mail: inostemma@mail.ru

Alekseev Vladimir Nikolayevich – candidate of biological Sciences, candidate of historical Sciences, associate Professor, Department of biology, biotechnology and ecology, of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; Professor of the Russian Academy of natural Sciences, Chairman of the IEO Vorontsov's society»; E-mail: inostemma@mail.ru

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕМЕЦКИХ ЭКСПРЕССИОНИСТОВ

Роман С.Н.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация: В статье раскрывается специфика восприятия феномена смерти в творчестве немецких экспрессионистов. Рассматривается философское значение образа Смерти, актуальное для экспрессионизма (смерть как сущность, избавляющая людей от страданий земного мира). Анализируются принципы создания художественных образов, связанных с данной тематикой, и характер влияния художественного наследия экспрессионизма на развитие современной культуры.

Ключевые слова: экспрессионизм; искусство; философия смерти; Фриц Ланг.

Размышляя о значении экспрессионизма в истории мировой культуры, нельзя не обратить внимание на следующий факт: до сих пор словари терминов в отношении этого весьма необычного художественного течения проявляют крайнюю степень консервативности. Традиционно отмечается, что экспрессионизм «стал выражением протеста против уродств современной буржуазной цивилизации», протеста, сочетающегося с «выражением мистического ужаса перед хаосом бытия» [1]. Пляска смерти при этом рассматривается исследователями как всепобеждающая, неизменно разрушающая любые надежды на покой или счастье, трагически ощущаемая героями произведений. Подобного рода обобщения существенно расходятся с характерным для рубежа XIX–XX вв. восприятием феномена смерти.

«Милые, добрые, честные (всё это есть у вас!), куда же это вы уходите, отчего вам так мила стала эта темная, глухая могила? Смотрите, на небе яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали, не живши» [2; с. 182], – уже в мае 1876 года Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» предлагает поразительно точную формулировку для умонастроений, свойственных новому поколению. Устали, не живши – это не социальный протест и не мистический ужас. Это полное принятие смерти, а зачастую и стремление к ней. Один из первых фильмов, реализованных в эстетике экспрессионизма, «Хильда Варрен и смерть» (1917), намеренно нетороплив, а нечастые субтитры в бытовых сценах, как правило, представляют набор коротких клишированных фраз («Это самая потрясающая женщина, которую я видел», «Именем закона», «Арест зловещего кассира-убийцы», «Госпожа Рогер, мы соболезнуем вашему горю» и так далее). Жизнь банальна и предсказуема, попытки найти в ней повод для счастья являются крайне наивными: в первой сцене фильма показывается репетиция пьесы, героиня которой высказывает мысль о невыносимости «хождений по

бесконечным мукам жизни брэнной» и при этом называет себя жизнерадостной (! – С.Р.). Её собеседник характеризует смерть как «избавителя, радостно призывающего к себе», что тут же воспринимается как предложение покончить с собой, которое не вызывает никакой негативной реакции у «жизнерадостного» персонажа.

Когда Смерть появится перед самой актрисой Хильдой Варрен в первый раз, в облике «избавителя» не будет ничего торжественного. «Хильда, я пришел на твой зов. Готова ли ты идти со мной?» – произносит призрачное существо мужского пола – изможденное, лысеющее, с огромным черепом и закрытыми глазами. При помощи поцелуя оно способно открыть «дверь, ведущую к свободе» – но этого должен пожелать сам человек, причем неважно, делает ли он это осознанно или искренне, исполняя роль в плохой пьесе. Искусство властвует над человеком, определяет его судьбу, является более реальным, чем сама жизнь, – и история немецкой культуры подталкивала экспрессионистов к нахождению необычных художественных форм для демонстрации образа Смерти.

Максим Медведев, анализируя фильм Фрица Ланга «Усталая Смерть», пишет: «Крепка как смерть любовь...» – этот позаимствованный из «Песни песней» лейтмотив фильма обретает буквальное визуальное воплощение. В отличие от суетного, мельтешащего мира живых, мир Смерти строг, уравновешен и гармоничен, как готические своды. В финальных кадрах он напрямую соотносится с раем, где влюбленные наконец-то обретают друг друга – уже навсегда. «Усталая смерть» – последняя утопия Ланга, в которой смерть является залогом миропорядка [3]. Суетный мир в фильме вообще представлен скорее как пародия на приключенческие киноленты, изобилует сценами, вошедшими в массовое сознание под иронической формулировкой «Неожиданно набежали янычары». Смерть же показана с ориентацией на традиции немецкой скульптуры. Она (точнее, как и в фильме «Хильда Варрен и Смерть», – Он) в роскошном плаще и с каменным взглядом действительно страдает, выполняя Божественную волю, в результате чего становится «положительным», «гуманным» персонажем, подчиненным таинственной воле Господа. Сцена, в которой Смерть тушит свечи, символизирующие жизни людей, до сих пор поражает своей величественностью. «Отдавший жизнь, жизнь обретает» – последние слова Смерти, как и сама основа сюжета (для достижения счастья с умершим любимым девушка сама должна погибнуть), вызывают в наши дни серьезные вопросы о степени корректности подобных лозунгов. Тот факт, что девушка при этом спасает ребенка из пожара, не отменяет того, что младенец рассматривался героиней как человек, которого можно принести в жертву во имя возвращения любимого к жизни.

«Они не боятся смерти, а смельчак не может быть раз навсегда заклеямен как плохой человек. Самый верный признак бессмертия в человеке – его презрение к смерти» (*Зеленый лик*), «...так ли уж сильно отличается смерть от того чувства, с каким выходишь на свободу в настежь открытую дверь, а там, в комнате, остаётся пустая личинка, брошенная одежда – кожа, на которую мы ещё при жизни <...> смотрим с ужасом, как на нечто чуждое, как только что умерший оглядывается на свой собственный труп» (*Ангел западного крыла* [4]). Эти цитаты из австрийского писателя-экспрессиониста Г. Майринка напоминают о

том, что зачастую мотивы этого художественного течения рассматриваются нами из-за необычности формы в отрыве от христианского учения, которое, бесспорно, расценивает именно мир небесный как подлинную жизнь. Заметим, что в иудаизме Смерть иногда трактуется как ангел, присланный Богом, чтобы забрать человеческую душу. В связи с этим даже самые «неэстетичные» картины экспрессионистов, демонстрирующие разлагающееся человеческое тело, могут трактоваться как показ «личинки», способных превратиться во что-то принципиально иное, раскрыться в ином качестве. Иван Чебот в своих заметках о творчестве Эгона Шиле (*Эгон Шиле. Записки в кабинете*) обращает внимание, прежде всего на глаза его персонажей: у художника они «всегда изображены как знающие (тайну, обратную сторону) и провидящие (истину, гибель, хаос). Они нарисованы со всей невозможной отчетливостью, линия за линией. Это символ отчетливости видения; но одновременно они заключают в себе тьму или слишком яркий свет» [5]. Желание увидеть нечто большее, нежели несовершенный физический мир, внутренне присуще рубежу веков, в целом принявшему стремление Ф. Ницше к поискам Сверхчеловека, но не обратившему внимание на призывы философа, не отказываться от красот природы, постичь ценность земного существования. Показательно, что главный шедевр немецкого киноэкспрессионизма *«Кабинет доктора Калигари»* (1920) сознательно снят в декорациях, крайне далеких от реальности, а манера игры актеров по воле создателей являлась нарочито преувеличенной. «Весь этот фильм – декорация, не что иное, как натюрморт, в котором живые элементы уничтожены взмахом кисти», – комментирует Жан Эпштейн [6; с. 130]. На уровне натюрморта ужасы жизни и танцы смерти перестают пугать, становятся не более чем культурной игрой, в результате чего трагический посыл перестает быть актуальным. В наши дни влияние киноленты прослеживается в черном юморе режиссера Тима Бертона, создающего свои последние ленты для компании Дисней и признающего, что *«Кабинет»* серьезно повлиял на него в детстве (! – С.Р.), и в мультфильме *«Смешарики. Начало»* (2011), главного «злодея» которого зовут доктор Калигари. «Он пугает, а мне не страшно», – легендарная фраза, приписываемая Л.Н. Толстому, характеризующему творчество Л.Н. Андреева, оказывается применима не только к русскому экспрессионисту, но и к его немецким единомышленникам.

Подчеркивая мрачность доктора Мабузе – психоаналитика и короля преступного мира, героя кинотрилогии Фрица Ланга (1922, 1933, 1960), следует в то же время помнить, что эти фильмы во многом являются не просто расставанием с эстетикой экспрессионизма, но и пародией на неё. Уже начальные кадры первого фильма *«Доктор Мабузе, игрок»*, в которых главный герой тасует собственные фотографии, выбирая маскировку для совершения очередного злодеяния, оказываются не чем иным, как повторением аналогичного эпизода из киносериала *«Фантомас»* (1913–1914), и вызывают улыбку именно как расставание с эпохой модернизма. Ланг мастерски прописывает детективную интригу, пытается пугать возможностями манипулирования людьми при помощи гипноза, но за счет общей продолжительности первой киноленты (четыре с половиной часа!) эпизоды беспомощности героев перед воплощением мирового зла теряются

в мощном потоке технических изобретений режиссера. В историю искусства ленты входят как демонстрирующие природу зла, фатальность судьбы, обреченность перед судьбой – но если отмечать их влияние на дальнейшее развитие индустрии кино, бесспорно, гораздо более значимым оказывается присутствие эпизодов, ставших впоследствии неотъемлемой частью триллеров (чудесное спасение героев из запертой комнаты, в которой находится бомба, готовая взорваться; автомобильная погоня, завершающаяся на железнодорожном переезде; радиосвязь, помогающая злодею передавать приказы соратникам и оставаться при этом неуловимым). Макабрические танцы завершаются, постепенно уступая место жанру массового искусства, в котором убийство, являясь «всего лишь» частным случаем, уже лишено значения безнадежности земного существования. Не случайно в поздних фильмах трилогии Ф. Ланг вводит политические мотивы (разоблачение фашизма) или демонстрирует опасность развития техники в целях контролирования жизни людей. Сатирическая составляющая уничтожает собственно философскую направленность, которая перестает быть актуальной для самого мастера экспрессионизма.

Современные «готические» тенденции в искусстве заставляют по-новому рассматривать наследие немецкой культуры XX века, трактовать произведения «надлома», декаданса скорее как стилистический эксперимент, нежели как трагизм оппозиции «жизнь – смерть». На уровне искусствоведения начинает наблюдаться тенденция (хотя и довольно спорная) вообще отказаться от формулировок "болезненная чувствительность", "тяжелая подавленность", "страх перед надвигающейся неизвестностью". Так, Ян Левченко предлагает уйти «от брезгливого недоверия к мысли, что художественные практики и трансформации стиля могут быть напрямую связаны с социальными и экономическими процессами» [7], а значит, трактовать мировоззрение экспрессионистов через призму немецкой истории – предчувствия войны и послевоенная поражения. Трансформация творчества киноэкспрессионистов в целом показывает достаточно быстрый отход от мрачного фатализма: так Ф. Мурнау снял только 2 работы, выполненные в нарочито экспрессионистическом ключе, Ф. Ланг в американский период творчества вообще эволюционировал в сторону нуара, а позднее стал создателем костюмно-танцевальных мелодрам. Жизнь в 10–20-е годы XX века, и правда, оказывается чем-то незначительным, хрупким, бессмысленным. Смерть же превращается в эклектический образ Избавительницы, сочетающий в себе и христианскую надежду на очищение, и многовековые традиции немецкой культуры, и восприятие общественно-политической картины современности. Эклектичность автоматически вызывает возможность многозначного толкования, что и приводит к тому, что наследие экспрессионистов рассматривается нами уже как источник для постмодернистских фантазий «в духе Ф. Ланга или Ф. Мурнау», а не в виде цельной художественно-философской структуры, как это происходит с символизмом или футуризмом. Впрочем, именно «клиповый» характер киноэкспрессионизма, отсутствие глубоко продуманной философии, возникновение Смерти как художественного образа, а не как объекта осмысления, и делает его произведения доступными и актуальными для современного зрителя, укорененными визуально и в массовой, и в элитарной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://staratel.com/pictures/express/main.htm>
2. Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений. – В 15 т. Т. 13. – СПб.: Наука, 1994.
3. http://www.chaskor.ru/article/frits_lang_apologiya_ustaloj_smerti_25982
4. <http://www.livelib.ru/author/725/quotes>
5. http://www.vavilon.ru/metatext/p_and_c/chechot.html
6. Янина Маркулан. «Киномелодрама. Фильм ужасов». – Ленинград: Искусство, 1978.
7. <http://www.cinematheque.ru/post/1387>

Summary

LIFE AND DEATH IN THE INTERPRETATION OF GERMAN EXPRESSIONISTS

S.N. Roman

Abstract. The article describes the specifics of the perception of the phenomenon of death in the works of German expressionists. Discusses the philosophical meaning of the image of Death, the actual expressionism (death as an entity, to save people from suffering the earthly world). The principles of creating artistic images related to this subject, and the nature of the influence of the artistic heritage of expressionism on the development of modern culture.

Key words: expressionism; art; philosophy death; Fritz lang.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: berbertolu44i@mail.ru

Roman Sergey Nikolaevich – candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of historical legal and humanitarian Sciences of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: berbertolu44i@mail.ru

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323(470+571)

ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Авдеев Ю.И.

Экспертный совет Комитета Госдумы по безопасности

Аннотация. В статье рассматривается экстремизм как деструктивный фактор в общественной жизни российского общества и анализируются пути противодействия данному явлению.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; общество; национальная безопасность.

Уже в течение длительного времени экстремизм в России – это одна из крайне опасных угроз Российской Федерации, ее устойчивому социально-экономическому развитию, прогрессивной трансформации ее политической системы, формированию гражданского общества.

Столь серьезная негативная роль экстремизма как деструктивного фактора в общественной жизни российского общества не является ни преувеличением, ни случайностью. Она порождена ожидавшимся (по крайней мере в широких кругах научного сообщества) ходом социальных процессов в стране с конца 80-х гг. истекшего столетия и отсутствием позитивной программы и соответствующих эффективных действий, у основных акторов политического процесса, необходимых, чтобы обеспечить развитие России по пути, отвечающему жизненно важным сбалансированным интересам основных социальных сил общества.

Широкий комплекс разноплановых противоречий, характеризовавших состояние российского общества в 90-е гг.¹, не только не был локализован, а действие его нейтрализовано, но, наоборот, вылился в многочисленные (в том числе неинституционализированные) конфликты на различной основе – политической, экономической, идеологической, национальной, религиозной и других². Экстремизм как приверженность участников социально-политического процесса к крайним (нелегитимным, насильственным, сопряженным с мотивами вражды и ненависти на национальной, религиозной, расовой, идеологической и других основах) взглядам и мерам, направленным на достижение преследуемых

¹ См.: Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов / Под общ. ред. В.К. Левашова. – М.: Academia, 2001. – С. 30 и сл.

² См.: Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. – М.-Щит-М, 2004.

ими целей³, развился в условиях острых и непреходящих конфликтов в различных сферах общественной жизни страны в широко распространенное негативное социальное явление. Крупными и чрезвычайно опасными для судеб России вехами развития экстремизма в стране, возникавшими на основе различных социальных противоречий, явились проявления экстремизма в условиях конституирования России как независимого государства в 1991–1993 гг.; обострения в конце 80-х гг. межнациональной напряженности на Северном Кавказе, зарождения и обострения осетино-ингушского конфликта в начале 90-х гг., активизации национал-сепаратизма и принятия им вооруженной формы в Чеченской Республике в известные периоды девяностых и нулевых годов, развертывания процессов, известных как «парад суверенитетов» в ряде республик и других субъектах Российской Федерации в первой половине 90-х гг., активизации радикального ислама и расширения его влияния в Дагестане с конца 90-х гг. и позднее – в ряде иных регионов, а также в неоднотипных условиях обострения социальной напряженности в других частях страны в настоящее время.

Как определенный, агрессивный тип индивидуального, группового и общественного сознания, а также деструктивной, противоправной деятельности физических лиц, их групп и объединений экстремизм в современной России по-прежнему социально обусловлен широким комплексом детерминант и идеологически мотивирован с позиций ряда исторически сложившихся, частью достаточно давних, а частью более или менее новых экстремистских концепций, теорий, «учений». Основные параметры экстремизма в России (с точки зрения активно действующих его видов, общего «набора» характерных для него в современных условиях экстремистских идеологий, используемых структурами экстремистов форм и методов деятельности, самой направленности последней и так далее) по-прежнему обуславливают его серьезное значение как угрозы национальной безопасности Российской Федерации⁴.

Существуют основания для того, чтобы соотнести изменившуюся в стране социально-экономическую ситуацию со времени вступления России с последней трети нулевых годов в период начавшегося и углубляющегося финансово-экономического мирового кризиса с рядом изменений, касающихся самого феномена экстремизма в Российской Федерации. В результате воздействия ряда внешних и внутренних (с точки зрения интересов России) факторов значение

³ См.: Политология. Энциклопедический словарь. М.: Изд. Моск. коммерч. Института. 1993. С. 400; Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма / под общ. ред. В.Е. Петрищева. – М. УРСС, 2003. – С. 56.

⁴ См.: Авдеев Ю.И. Экстремизм – угроза национальной безопасности Российской Федерации // Проблемы формирования толерантного сознания и профилактики терроризма, экстремизма в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2012. – С. 8.

⁵ Указ Президента РФ от 26 июля 2011 г. № 988 «О межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12088334/>.

экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации частично изменилось содержательно, частично – возросло.

Оценка значимости экстремизма как угрозы национальной безопасности России в современных условиях принципиальное отражение нашла в положениях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации 12 мая 2009 года № 537, а также в известном Указе Президента Российской Федерации о создании Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму при Президенте Российской Федерации⁵.

Факт принятия и меры по реализации упомянутых выше государственных актов Российской Федерации достаточно ясно свидетельствуют о концептуальном видении на уровне высших органов государственной власти в России экстремизма как относительно долговременной угрозы для России, имеющей значительные масштабы и различные проявления, что требует формирования системы отражения этой угрозы на общегосударственном уровне⁶.

Характер и значимость экстремизма как угрозы безопасности жизненно важным интересам России и ее граждан находит выражение в многочисленных и различных фактах и обстоятельствах, а в наиболее убедительной форме – в тех основных тенденциях ее развития, которые присущи ей на протяжении ряда последних лет.

К этим тенденциям может быть в числе первых отнесено заметное по ряду регионов России расширение социальной базы экстремизма, то есть определенное возрастание в числе участников или сторонников экстремистских объединений и акций удельного веса представителей тех или иных возрастных, этнических, религиозных и тому подобных групп. Наиболее очевидным проявлением данного процесса является возникновение такого явления, как «молодежный экстремизм». Не имея общей идейно-политической платформы и по сути дела будучи связан с более широким, нежели в 90-е гг., включением молодых людей в экстремистскую деятельность различных направлений, экстремизм в молодежной среде характеризуется и некими общими чертами. Они относятся, в частности, к области ментальности представителей молодого поколения, а также к причинному комплексу вовлечения их в экстремистские структуры⁷. Последний связан, по оценкам специалистов, с возникновением в условиях реформ 90-х гг. и тем более в период кризисных явлений многих проблем для молодежи⁸ в социально-экономической сфере, в области образования, трудоустройства и так далее, что при наличии ряда факторов внешних влияний (целевое

⁶ См.: Авдеев Ю.И., Арсеньев В.В., Найденко В.Н. Концептуальные и правовые вопросы совершенствования противодействия экстремизму в Российской Федерации // Вестник московского университета. Серия II. Право. № 4. 2010. июль-август. С. 70.

⁷ См.: Сазанова Е. Молодежный экстремизм как социальный феномен // Экстремизм и другие криминальные явления. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. – С. 43, 44.

⁸ См.: Певцова Е.А. Экстремистские проявления в поведении молодежи в период правовых реформ и кризисных явлений в государстве: проблемы профилактики // Российская юстиция. 2009. № 7.

воздействие зарубежных пропагандистских центров и других) повлекло за собой на достаточно массовидной основе неадекватные агрессивные протестные реакции по отношению к обществу, власти, существующей системе социальных отношений, характеризующейся и в настоящее время рядом серьезных пороков (многоуровневая коррупция, чрезмерное социальное неравенство, неконтролируемая миграция, и других), а в конечном счете – породило определенные новые предпосылки для активизации ряда левацких и правых экстремистских течений.

Практически по близкой схеме протекал процесс вовлечения представителей молодежи в экстремистскую деятельность с религиозно-экстремистских позиций (прежде всего, с позиций агрессивного ваххабизма, чей потенциал идейно-психологического воздействия в значительной степени опирается на острое обличение негативных явлений в обществе и на широкую социальную демагогию). Этот процесс также характеризовался комплексным воздействием на молодежь структур (прежде всего, зарубежных) агрессивного ваххабизма и внутренних (как общесоциальных, так и местных) общественных трудностей и злоупотреблений⁹.

Достаточно серьезно проявляют себя также процессы расширения социальной базы экстремизма на этнонациональной основе, что при наличии прямой связи этих процессов с внутренними социальными проблемами также в значительной степени связано с рядом зарубежных проектов по инспирированию либо обострению национал-экстремистских (в том числе, сепаратистских) движений в тех или иных регионах страны. Известны, например, подобные акции, осуществляемые с участием зарубежных экстремистских структур, иностранных неправительственных некоммерческих организаций по внедрению в среду представителей определенных этнических групп идеи создания «Великого Турана» на части территории России, по пропаганде и организации движения за создание независимой «Великой Черкессии» на части северо-кавказского региона, по возрождению националистических настроений среди части населения России на основе спекуляций вокруг «судьбы» финно-угорских народов» в России другие¹⁰.

Известное расширение социальной базы экстремизма в современной России связано также с процессом отчуждения некоторой части верующих от традиционных для них религий (вследствие действия широкого комплекса факторов – от общих социально-политических до лично-психологических) и массового распространения оккультизма и мистицизма. Отмеченные процессы выступают как важное условие формирования у части российского населения (часто при прямом пропагандистском и организационном воздействии зарубежных неправительственных организаций религиозного или псевдорелигиозного характера) новых религиозных потребностей и форм их удовле-

⁹ См.: Юсупова Г.И. Глобализация и этнополитическая безопасность юга России. – М.: Собрание, 2009. – С. 204, 266, 267.

¹⁰ См.: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Под общ.ред. А.В. Возженникова. – М.: Изд. РАГС, 2005. – С. 478, 468 и сл.

творения. Вовлечение в новые религиозные движения, носящие нередко деструктивный и тоталитарный характер и имеющие зарубежное или российское происхождение («Церковь Муна», «Церковь Хаббарда», «АумСинрикё», «Церковь Сатаны», российские неоязыческие организации и другие)¹¹, для многих новых адептов сопряжено с идейно-психологической перестройкой их личности, сменой социальных ориентиров, восприятием бескомпромиссного нетолерантного отношения к инакомыслящим, формированием правового нигилизма, отрицанием конституционных обязанностей, признанием допустимости применения нелегитимного насилия на основе новой веры и так далее¹². Имея достаточно широкий масштаб, вовлечение российских граждан в деструктивные тоталитарные секты выступает как один из элементов тенденции расширения социальной базы экстремистской деятельности, который, как можно предположить, обладает, по крайней мере, в обозримой перспективе определенными возможностями для дальнейшего развития.

Тенденция расширения социальной базы экстремизма в современной России сопровождается, естественно, и «расширением географии» (в том числе и прежде всего в преступной форме) рассматриваемой угрозы, что прежде всего происходит за счет роста «молодежного экстремизма» в ряде промышленных регионов страны. Данная тенденция развивается в значительной мере также за счет увеличения удельного веса «новых религиозных движений», в частности, в восточной части России и появления некоторых новых проявлений национализма на указанной территории. Рядом исследователей подчеркивается особая опасность данной тенденции. Так, С.Н. Фридинский обоснованно утверждает, что «проблема распространения экстремизма в Российской Федерации стала одним из ключевых факторов, угрожающих государственной целостности, ведущих к росту нестабильности в обществе, порождающих в субъектах Российской Федерации сепаратистские настроения и создающих угрозу крайних форм экстремистских проявлений – террористических актов»¹³.

Достаточно определенно выражено также усиление общественной опасности экстремизма как тенденции, имеющей к настоящему времени вполне устойчивый характер и многочисленные проявления. Длительное время после распада Советского Союза эта тенденция была связана на территории России преимущественно с распространением организованной террористической деятельности, чей основной очаг активности приходился на различные районы Северо-Кавказского региона (с начала 90-х гг. на территории Чеченской Республики, позднее – Ингушетии, Дагестана), а также агитационно-пропагандистской

¹¹ См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. – М.: Институт правовых сравнительных исследований, 2005. – С. 15,16,176 и сл.

¹² См. там же. С. 177, 178; Тамаев Р.С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы. – М.: ЮНИТИ, 2009. – С. 31.

¹³ Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2011. – С. 18.

и организационной деятельности, имевшей террористическую направленность и осуществлявшейся на этнорелигиозной, нередко сепаратистской основе¹⁴.

Происходящий в настоящее время рост общественной опасности экстремизма в России связан не только с сохранением или ростом серьезной опасности и значимости насильственных форм и методов (прежде всего, террористических и «банд-повстанческих») в практике ряда экстремистских структур, но и с попытками расширить и укрепить организационную основу этой деятельности, перенести осуществление последней в некоторые другие регионы России (прежде всего в Поволжье)¹⁵.

Повышение общественной опасности экстремизма в современных условиях обусловлено также попытками проведения некоторыми антироссийскими кругами ряда зарубежных государств, а также определенными политическими силами в самой России линии на комплексное использование «жестких» и «мягких» стратегий в борьбе за изменение конституционного строя Российской Федерации и проводимого политического курса. Очевидным признаком указанной линии можно рассматривать усилия некоторых радикальных и экстремистски ориентированных общественных структур по инспирированию либо поддержке массовых протестных проявлений в отдельных регионах России с целью использования на этой основе в российских условиях зарубежного опыта проведения «цветных революций» как, якобы, ненасильственного способа смены власти.

Изменения в практике экстремистских объединений, действующих в современной России, в сторону активизации как остро насильственных, террористических форм и методов реализации своих устремлений, так и публично-демонстративных, рассчитанных на возбуждение вражды и ненависти на политической, этнорелигиозной основах, на оказание специфического силового давления на власть и провоцирование опасных конфликтных ситуаций, нашли в последние восемь лет отражение в определенном росте (или сохранении их высокого уровня) преступлений, связанных с экстремистской деятельностью¹⁶. Так, если в 2004 г. было зарегистрировано 130 преступлений экстремистской направленности, то в 2005 г. – 152, в 2006 г. – 263, в 2007 г. – 356, в 2008 г. – 460, в 2009 г. – 548, в 2010 г. – 597, в 2011 г. – примерно на том же уровне. При общей негативной динамике весьма опасным является рост преступлений:

– выражающихся в организации объединения, посягающего на личность и права граждан – ст. 239 УК РФ);

– публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности – ст. 280 УК РФ;

¹⁴ См.: Российский Кавказ. Книга для политиков / под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – С. 139, 256; Дзидзоев В.Д., Левченко Н.М. Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. – Владикавказ: Изд. «Ир», 2008. – С. 78, 79.

¹⁵ См.: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. – С. 478 и сл.

¹⁶ См.: Фридинский С.Н., цит. соч., с. 2.

– возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства – ст. 282 УК РФ;

– организации экстремистского сообщества – ст. 282.2 УК РФ и других). В целом же масштаб экстремистских посягательств шире, так как преступления, совершаемые по «мотивам ненависти», характеризуются значительной степенью латентности¹⁷.

В своем исследовании причин экстремизма в российском обществе профессор Р.М. Абызов обоснованно отмечает: «В условиях продолжающейся политической и экономической нестабильности российского общества, нерешенности многих социальных проблем значительной части населения, неэффективности уголовного законодательства и деятельности правоохранительных органов, падения нравственной составляющей общественного сознания прогнозируется увеличение количества экстремистских проявлений с нарастанием их масштабности и общественной опасности¹⁸.

Масштаб и деструктивный характер выдвигаемых внешними и внутренними субъектами экстремизма целей в их деятельности, направленной на противоправное изменение политической системы российского общества, нарушение территориальной целостности страны, внесение и углубление социально-политической нестабильности в обществе, непосредственно связаны со значительным повышением экстремистами уровня организации указанных структур и осуществляемой ими деятельности. Эта тенденция, выражающая стремление высших эшелонов экстремистских организаций и движений и их политических спонсоров к усилению организационных основ экстремизма и повышению эффективности экстремистской деятельности, носит весьма многосторонний характер.

Одно из наиболее значительных проявлений указанной тенденции – формирование большого разнообразия создаваемых как зарубежных, так и внутрироссийских экстремистских структур (в рамках различных идейно-политических направлений (течений) экстремизма) с точки зрения их правового статуса и организационных форм. Наряду, например, с продолжающейся практикой создания и использования экстремистами нелегальных экстремистских формирований (структуры террористического подполья, часто – незаконные вооруженные формирования), используемых в острых формах насильственной экстремистской деятельности, особо широко развита практика создания различных легальных и по своей сути экстремистских организаций, чей открытый правовой статус как иностранных неправительственных некоммерческих организаций или общественных объединений предназначен для ведения более широкой организационной и пропагандистской работы среди определенных групп населения, подготовки и проведения массовых экстремистских акций¹⁹. В зави-

¹⁷ См.: Фридинский С.Н., цит. соч., с. 6.

¹⁸ Абызов Р.М. О понятии и причинах экстремизма в российском обществе // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. С. 34, 35.

¹⁹ См.: Ханбабаев К.М. Сущность и профилактика экстремизма и терроризма на Северном Кавказе // Актуальные проблемы противодействия национальному и

симости от выдвигаемых задач и реальных возможностей экстремистами нередко используются организационные формы политических партий, общественных и религиозных объединений различных направлений и видов, вооруженных формирований и тому подобных. Примеры использования вышеуказанных форм – существование в России в разные периоды таких структур, как «Общество Память», общественные организации «Русское национальное единство», «Движение против незаконной миграции», «Национал-большевистская партия», различные виды незаконных вооруженных формирований в ряде районов Северного Кавказа²⁰ и другие.

Характерным выражением рассматриваемой тенденции является стремление активных экстремистских организаций к созданию более или менее развитой собственной инфраструктуры как комплекса подразделений, филиалов (и тому подобных) по обеспечению различных сторон своей деятельности, например, боевой деятельности, информационно-пропагандистской, по обучению участников экстремистских движений и тому подобных.

В той же плоскости обеспечения деятельности экстремистских организаций лежит и создание ими систем финансового и иного (материально-технического, вооружением и других) их обеспечения из различных (зарубежных или внутрироссийских) источников, часто – на преступной основе, например, посредством сращивания с организованной преступностью, наркобизнесом²¹.

К рассматриваемому аспекту деятельности экстремистских организаций следует отнести также создание наиболее активными из них механизмов «специальной подготовки» участников организаций в соответствии с их функциональным назначением (взрывники, пропагандисты и тому подобные). Соответствующие структуры могут располагаться либо открыто, либо под видом тренировочных лагерей, оздоровительных учреждений, учебных пунктов на разных территориях, в том числе зарубежных стран. Так, характеризуя современную практику «Аль-Кайды», директор ФСБ России А.В. Бортников отмечал, в частности, что в соответствии с ее установками в различных странах создаются «новые каналы переброски адептов из числа молодежи в учебные центры и лагеря подготовки боевиков, а также в «горячие точки» для получения реального боевого опыта и его последующего применения по возвращении в страну пребывания»²².

политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала 20-21 ноября 2008 года. Т. I. – Изд. «Лотос», 2008. – С. 63.

²⁰ См.: Эммануилов Р., Яшлавский А. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. – М.: Мосты культуры, 2011. – С. 30 и сл.

²¹ См.: Терроризм в современном мире. – 2-е изд., доп. // под ред. В.Л. Шульца. – М.: Наука, 2011. – С. 198, 199.

²² Вступительное слово Директора ФСБ России А.В. Бортникова на открытии XI Совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России // Вестник Национального антитеррористического комитета. № 2(07). 2012. С. 8.

Принципиальное значение для совершенствования организации экстремистской деятельности придается в экстремистских структурах интенсивному внедрению в систему внутреннего управления ряда новых принципов, а в саму их деятельность, например, пропагандистскую, управленческую, современных информационных технологий, в том числе возможностей сети Интернет, средств мобильной связи и тому подобного. Результатом предпринятых экстремистами усилий явился отход ряда экстремистских структур от ранее господствовавшей иерархической системы их организации в сторону замены ее сетевой системой, создание новых организаций изначально на сетевой основе, повышение уровня мобильности связи в экстремистских организациях, существенное усиление эффективности и увеличение масштаба и общего «качества» пропагандистского воздействия на различные группы населения (прежде всего, молодежи) – пользователей ресурсов Интернет, участников социальных сетей. Значительно возросли, в частности, на указанной основе, возможности экстремистских структур по мобилизации (путем использования, например, технологии флэш-моб) больших групп молодежи на участие в массовых мероприятиях, по организации различных провокаций, осуществлению акций вовлечения в экстремистскую деятельности и так далее²³.

Развитие экстремизма в Российской Федерации, как и во многих других государствах мира, сопровождается не только весьма значительным усилением его влияния в общественно-политической жизни и совершенствованием управления им как специфическим инструментом борьбы различных субъектов общественных отношений за реализацию их социальных интересов (политических, этнонациональных и других) путем применения крайних мер, неправомερных способов. Одновременно и в связи с этими изменениями идет процесс усиления деструктивного потенциала экстремизма, распространяющийся и на его идеологию и деятельность, а также на методы, формы, силы и средства последней.

Идеология экстремизма, всегда обосновывающая необходимость или допустимость использования крайних мер для достижения целей, объявлявшихся ее приверженцами, передовыми, справедливыми (и тому подобными), на различных исторических этапах в целом и в своем конкретном выражении (отдельные теории, доктрины, проекты) оперировала различными, могущими найти поддержку в общественном мнении обоснованиями этой необходимости или допустимости (тиранической природой осуждаемой власти, исчерпыванием ею своего ресурса, ее нелегитимностью, антинародным характером) и так далее. Один из базовых тезисов в теоретическом оправдании экстремизма в нынешних условиях, по выводу ряда исследователей, – утрата современным обществом способности к конструктивному и безнасильственному решению актуальных

²³ Сундиев И.Ю. Информационные технологии в экстремистской деятельности молодежных объединений // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая ассоциация, 2010. – С. 70, 71.

общественно-политических проблем²⁴. В различных видах идеологии экстремизма (в левацкой, правоэкстремистской, религиозно-экстремистской и других) – этот тезис, действительно, фигурирует как лейтмотив. В зависимости от идейно-политических основ каждого вида экстремистской идеологии (антиглобалистских, антикапиталистических, антидемократических, антилиберальных, национал-шовинистических, национал-сепаратистских, расистских, идей о неизбежности столкновения (непримиримом конфликте) цивилизаций, антагонизме мировых религий и тому подобном) указанный выше общий постулат конкретизируется в существующих экстремистских идеологических течениях как в провозглашаемых целях, так и в характеристиках противника, в обосновании «права» того или иного субъекта экстремизма на применение крайних мер.

Для всех существующих в системе современного экстремизма в России идеологий характерно наличие ряда черт, призванных обеспечить их эффективность, действенное воздействие на определенные слои населения, прежде всего – посредством апелляции к эмоциям и предубеждениям, спекуляцией на приверженности к общечеловеческим ценностям, на вопросах справедливости, правах человека и легитимности власти, выдвижения во имя них максималистских целей и «простых» методов решения действительных или мнимых проблем, существующих в обществе, и других²⁵.

Основные идеи, которые в современных условиях образуют идеологическую основу наиболее активных направлений экстремизма в России, это идеи этносепаратизма, эксплуатирующие тезисы о «колониальном режиме» в России, ее «исторической вине» перед малыми народами, и, направленные на развал Российской Федерации, исламского фундаментализма (ваххабизма), предназначенные для обоснования необходимости «шариатизации» так называемых мусульманских земель в РФ и создания в их пределах независимого исламского халифата, активно использующего мотивы справедливости, равенства в сочетании с острой критикой реальных и мнимых пороков современного мира, правоэкстремистского толка, включающего различные по направленности постулаты – шовинистические, расистские, псевдodemократические, со своих позиций противоречащие базовым положениям конституции РФ и допускающие применение крайних мер для реализации провозглашаемых ими ценностей.

Основные идеологические позиции ведущих направлений экстремизма в современном мире, и в России, носят деструктивный характер и для усиления своей значимости, придания им респектабельности и популярности нередко

²⁴ См.: Телегин Г.И. Основные этапы формирования экстремизма как противоправного явления в России // Юридический мир. 2013. № 1. С. 56.

²⁵ См.: Дибиров А.Н.З. Многоликость содержания и разнообразие форм проявления современного политического экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 20-21 ноября 2008. Т. I. – Махачкала: Лотос, 2008. – С. 74, 75, 76, 79; Сочнев Д.В. Этнорелигиозные корни современного терроризма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. С. 119, 128.

представляются их адептами как развитие известных социально-политических и религиозных учений, теорий как позитивной, так и негативной направленности, при нередко имеющим место фактическом противоречии с ними²⁶.

Наращение разрушительного потенциала современного экстремизма как в целом мире, так и России, с очевидностью может быть отмечено не только в идеологии, но и в предметно-практической стороне данного социального явления – в экстремистской деятельности. Общий процесс усиления ее деструктивности проявляется во всех основных разновидностях этой деятельности (организационной, насильственной, агитационно-пропагандистской), отражая непосредственное влияние на нее основных установок идеологии экстремизма.

Многочисленные проявления деятельности экстремистских организаций и групп дают примеры определенной активизации этой деятельности, которые свидетельствуют о том, что в разных регионах существуют как общие, так и особенные проявления угроз экстремистского характера, а также об их различной направленности и содержании (по материалам аналитического центра «Сова» в конце «нулевых годов» экстремистская угроза охватывала 31 регион России). В целом они показывают, что в современных условиях спектр форм и методов данной разновидности экстремистской деятельности в России является достаточно широким.

Так, в ряде регионов заметны серьезные усилия экстремистов по вовлечению населения, прежде всего, молодежи, в различные экстремистские группы и организованные формирования, например, на территории Северо-Кавказского региона, Татарстана и некоторых других, особенно, промышленных регионов. При этом наряду с активной, нередко с применением специальных технологий, идейно-психологической обработкой интересующих экстремистов групп населения (с позиций ваххабизма, национал-экстремизма, с левацких позиций, и других) более значительное распространение приобретает использование мотивов корыстной заинтересованности для вовлечения части «новообращаемых» в экстремизм²⁷.

Принципиально важное значение в процессе усиления деструктивного потенциала экстремизма приобрела организационная деятельность экстремистских структур по созданию и поддержанию функционирования систем финансирования своей деятельности, обучения участников, приобретения и доставки оружия, других средств преступной деятельности, и тому подобного. Необходимость обеспечения своей деятельности экстремистами, породила подчас весьма сложные механизмы и процессы его осуществления – от скрытых, тайных (контрабанда оружия, изготовление взрывных устройств, обучение «смертников» и другое) до открытых (использование возможностей кредитно-финансовых учреждений, «пожертвований» «благотворительных организаций»

²⁶ См.: Тамаев Р.С. Цит. соч., с. 35.

²⁷ См.: Гуськов А.Я. Экстремизм в современной России: тенденции и проблемы // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. С. 183, 186.

и тому подобное)²⁸. Многие из них связаны с грубым нарушением российского законодательства, а их участниками нередко являются иностранные «партнеры» – спецслужбы, зарубежные экстремистские организации, субъекты незаконного оружейного бизнеса (и другие), российские коррумпированные чиновники, криминальные элементы и сообщества.

Существование и деструктивная активность экстремистских организаций в меньшей мере, чем от развития организационных форм и методов деятельности, зависят также от степени развития и широты использования экстремистами информационно-пропагандистского механизма воздействия как на массовидные, так и групповые и персонифицированные объекты. Наряду с традиционными формами такого воздействия (устная пропаганда, распространение различных экстремистских материалов в виде изданий, сообщений некоторых СМИ и тому подобным) современная практика информационного экстремизма все более активно берет на вооружение более действенные и технологические системы, используемые как с территории зарубежных стран, так и в России, и значительно менее доступные контролю правоохранительных органов.

Так, особо значимая из числа подобных систем – сеть Интернет – позволяет экстремистам применять в достаточно безопасном для них варианте (в том числе анонимно) широкий спектр методов воздействия на интересующую сферу²⁹, в том числе тенденциозное информирование определенных групп населения, провоцирование, запугивание, прямое и косвенное вовлечение (в частности, с использованием компьютерных игр)³⁰ и так далее, что делает эти системы особенно эффективными в части оказания ориентирующего («программирующего») управляющего влияния, особенно на молодежь. В рамках совершенствования экстремистами механизмов информационно-пропагандистского влияния, особенно, на так называемые целевые аудитории, обращает на себя внимание усиливающееся значение и некоторых других новых форм пропагандистского воздействия. В их числе – выход на прямое общение с аудиторией непосредственно идеологов определенных экстремистских течений, нередко использующих различные методы манипулирования сознанием. Такая практика, как известно, наиболее распространена в исламистском, а также «новом» сектантско-религиозном движении³¹.

Будучи направлена на решение внутренних (по консолидации участников экстремистских организаций и их сторонников), а также внешних (по легитимации экстремизма в обществе, привлечению симпатий населения, вовлечению новых участников в данные структуры), информационно-пропагандистская деятельность экстремистов, ее формы и методы достаточно динамичны. Их изменения в значительной мере связаны не только с использованием новейших

²⁸ См.: Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. – М.: ИСПИРАН, 1997. – С. 139.

²⁹ См.: Экстремизм и его причины / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Логос, 2010. – С. 108.

³⁰ См.: Сундиев И.Ю. Цит. соч. // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. С. 85.

³¹ См.: Экстремизм и его причины. С. 109.

достижений науки и техники, но также и тех возможностей оказания влияния, которые возросли в силу расширения межгосударственных связей, развития форм международных контактов, в частности, активизации деятельности иностранных неправительственных некоммерческих организаций.

Одной из главных составляющих тенденции усиления деструктивного потенциала экстремизма следует рассматривать развитие его насильственных форм и методов экстремистской деятельности. В ряду различных по значению проявлений этой тенденции обращают на себя внимание два наиболее опасных по их последствиям факта.

Во-первых, возникновение в ходе продолжавшегося в 90-е гг. и позднее выступления сепаратистов в Чеченской Республике комплексной формы экстремизма, вобравшей признаки мятежа, террористической и диверсионной деятельности, которая была использована для решения крупномасштабных задач вооруженного сепаратизма. Такая форма борьбы прогнозировалась еще военными теоретиками царской России, получив наименование «мятежевойна». Позднее, в условиях постсоветского периода во время «чеченских событий» подобная форма насильственной деятельности нередко именовалась как «террорвойна» (что, в принципе, узко). Сложность данной формы экстремистской деятельности в организационном и собственно силовом отношении обуславливает значительный уровень ее угрозы для национальной безопасности страны³², а также крайнюю трудность противодействия ей, высокую затратность и достаточную продолжительность последнего.

Во-вторых, серьезное значение для усиления деструктивного потенциала экстремизма имеет, как выше уже отмечалось, практика использования так называемой мягкой силы, именуемые ее авторами и сторонниками как формы (методы) ненасильственного овладения властью (или изменения государственной политики) и в современной России не проявлявшиеся до настоящего времени в сколько-нибудь полном виде, данные формы экстремизма находили вполне завершенное применение в ряде других стран СНГ. Опыт «цветных революций» в ряде из них показал, что это – лишь более или менее завуалированный (на первых этапах) вариант применения экстремистами нелегитимного насилия в политических, антиконституционных, целях. Некоторые типичные особенности имевших место экстремистских акций подобного рода (например, в Украине, Грузии, Киргизии и других), в том числе их массовость, выдвигаемые цели (отстранение существующей власти, смена режима и тому подобное, характер объектов непосредственного силового давления (органы власти, высшие должностные лица и другое), используемые методы (угрозы расправой в адрес должностных лиц, выдвижение ультиматумов, провоцирование сил правопорядка, захват помещений органов власти и задержание должностных лиц, погромы, отстранение высших должностных лиц от власти, постоянное целевое тенденциозное пропагандистское сопровождение совершаемых активными силами «революции» «безнасиельственных» антиправительственных действий и

³² См.: Попов В.И. Противодействие организованной преступности, коррупции, терроризму в России и за рубежом. – М.: Изд. СГУ, 2007.

другое) уже на ранних стадиях событий придавали последним общественно - опасный и нередко прямо противоправный характер и создавали кризисные ситуации, чреватые реальной угрозой конституционному строю либо сопряженные с его насильственным изменением³³.

Упомянутые выше свидетельства развития насильственного арсенала экстремизма в постсоветской России не являются, конечно, исчерпывающими иллюстрациями наращивания силового потенциала экстремистской деятельности. Ряд других ее аспектов, особенно, этноэкстремистский и религиозно-экстремистский, связаны, например, с использованием таких форм насилия, как групповые расправы на национальной и расовой основе (практика скинхедов), погромы (захваты) культовых зданий и акты насилия в отношении их священнослужителей. В качестве демонстративных актов протеста, имеющих экстремистский насильственный характер, можно отметить также захват отдельных помещений органов государственной власти, вандальные акты в отношении государственных символов (из практики молодежных левоекстремистских организаций) и другое.

Таким образом, развитие экстремизма в современной России показывает, что происходящие в нем процессы ведут к дальнейшему возрастанию его значения в качестве угрозы национальной безопасности как в связи с действием значительного круга обуславливающих его внутренних социальных факторов и складывающейся на их основе социальной базы поддержки данного деструктивного явления, так и сложившейся системы форм и методов противоправной деятельности по реализации целей субъектов экстремизма. Данный сложный комплекс внутренних социально-политических отношений, препятствующий поступательному развитию России, функционирует в условиях многопланового воздействия на него внешнего фактора. Последний включает и объективное воздействие на экстремизм в России широкого круга зарубежных явлений и процессов различной природы, не имеющих какой-либо целевой антироссийской направленности, и систему целенаправленных организованных воздействий со стороны различных акторов мировой политики. По своему характеру эти воздействия могут быть отнесены:

– во-первых, к числу причин и условий распространения экстремизма в России;

– во-вторых, – к непосредственным элементам (отдельным видам и формам) самой экстремистской деятельности.

Усиление роли внешнего фактора как различного рода зарубежных политических инициатив и целенаправленных акций по инициированию, поддержке и непосредственному участию в экстремистской деятельности в России – это одна из долговременных тенденций. Она отражает стремление ряда геополитических соперников и оппонентов России, в том числе собственно зарубежных экстремистских структур, в существенно изменившихся условиях на постсоветском пространстве оказывать в соответствии со своими интересами прямое или

³³ См.: Средняя Азия: андижанский сценарий. – М.: Европа, 2005; Киргизский переворот. – М.: Европа, 2005.

опосредованное воздействие на внутренние процессы развития страны. Поэтому в общем контексте зарубежного влияния на внутренние дела России, новые контуры которого определились в конце 80 – начале 90-х гг. истекшего столетия, основными идеями (лозунгами) были провозглашены права человека, свобода религии, самоопределение этносов, устранение институтов («рецидивов») «московского» («имперского») колониализма (и других), которые, при наличии различных нюансов, корреспондировали многим идеологическим постулатам внешней политики запада по отношению к СССР³⁴. В современных условиях концентрированным идейно-политическим выражением стратегии воздействия на внутренние процессы в России является «содействие» развитию демократии.

В русле данной политики, имеющей различные аспекты («демократический, «национально-освободительный», «религиозно-возрожденческий» и другие) и ориентирующейся на различные общественные силы России, находится инициирование либо поддержка рядом стран Запада и Востока, соответствующих их различной цивилизационной парадигме экстремистских движений и организаций на российской территории.

Проявлением этой тенденции, помимо проведения ряда других внешне-политических акций, является, в частности, активизация за рубежом и в пределах России некоторыми иностранными государствами и антироссийскими кругами отдельных стран иностранных неправительственных некоммерческих организаций (в том числе соответствующих тем или иным направлениям экстремизма в России), установление и развитие контактов с определенными внутри-российскими группами радикальной и экстремистской ориентации, оказание им финансовой и иной поддержки в рамках различных проектов типа «продвижения демократии» со стороны США и ряда других западных держав. По данным МВД Российской Федерации, отмечается в известном труде о причинах экстремизма, «на территории нашей страны действует до 80 международных экстремистских организаций, получающих финансовую и идеологическую подпитку из-за рубежа. Фактически их численность в несколько раз больше³⁵. Как отмечают специалисты, известно, например, «об организации за рубежом встреч официальных представителей иностранных государств и организаций с лидерами сепаратистских движений. В рамках гуманитарных программ (например, «Продвижения демократии» и так далее) из-за границы финансируются объединения различной оппозиционной направленности. Прослеживается активизация работы с лидерами общественного мнения и перспективной молодежью, которые после индивидуального отбора приглашаются на обучение и стажировки за границу. При этом отбор кандидатур осуществляется по типичным приоритетным критериям: функциональности (оппозиция к действующей власти, радикальные молодежные движения, руководящий состав и кандидатуры на выдвижение) и территориальности (национальные республики в первую очередь Северо-Кавказский регион и Поволжье). Известен ряд случаев, когда граждане России, прошедшие обучение за рубежом, в том числе религиозные,

³⁴ См.: Уткин А.Н. Мировая холодная война. М.: Эксмо, 2005. – С. 453 и сл.

³⁵ Экстремизм и его причины. С. 55.

по возвращению на Родину примыкали к деятельности экстремистских и террористических организаций³⁶.

Наряду с попытками осуществления многочисленных проектов и форм оказания определенного иницилирующего и консолидирующего влияния на интересующие зарубежных спонсоров экстремизма в России группы населения и отдельных представителей этнонациональных, религиозных, молодежных течений, прежде всего, радикальной направленности, с целью вовлечения их в экстремистскую деятельность, активизация внешнего фактора в развитии экстремизма в России находит и иные выражения. Одним из них является практика прямого участия зарубежных террористических и других экстремистских организаций в подготовке и осуществлении противоправных акций на территории Российской Федерации – организационного, агитационно-пропагандистского и насильственного характера – посредством использования своих эмиссаров, других участников этих организаций – специалистов (пропагандистов и других), направления наемников (боевиков и тому подобных). Особенно широкий и многоплановый характер эта практика имела место в условиях возникновения в отдельных регионах России крупных конфликтов на этнонациональной и религиозной почве (и других), а на этой основе – активных очагов терроризма (например, в середине 90-х гг. – начале нулевых гг. на территории Чеченской республики) и активизации этнонационального или религиозного экстремизма (например, в Дагестане с конца 90-х гг.)³⁷.

Предпосылки – внутренние и внешние – для дальнейшего существования данной тенденции имеются и в настоящее время и, как нетрудно предположить, будут существовать и в обозримом будущем, – как в виде многоплановых и глубоких социальных конфликтов в российском обществе, обостряющих социальную напряженность, ксенофобию и радикализм, а на их основе воспроизводящих терроризм и экстремизм, так и сохранения в политике ведущих субъектов на мировой политической сцене стратегий, предполагающих решение их проблем за счет нанесения ущерба безопасности России.

Существующий комплекс тенденций развития экстремизма в России, очевидно, учитывался при оценке на государственном уровне экстремизма как одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации³⁸, что обуславливает настоятельную необходимость существенного совершенствования противодействия этой угрозе в общенациональном масштабе.

Подобно тому, как в первой половине «нулевых годов» в России были созданы основы общегосударственной системы противодействия терроризму³⁹,

³⁶ Лебедев К.С., Мерзликин Е.В. Идеология экстремизма и терроризма в контексте геополитического противоборства // Вестник Национального антитеррористического комитета. № 2 (07). 2012. с. 70.

³⁷ См.: Юсупова Г.И. Цит. соч. С. 263, 270.

³⁸ См. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Раздел IV, п. 2 «Государственная и общественная безопасность», п/п. 37.

³⁹ См.: Терроризм в современном мире. С. 243 и сл.

современные масштабы и степень существования угрозы экстремизма в стране требует, по нашему мнению, активного продолжения усилий по формированию адекватной угрозе экстремизма, общегосударственной системы противодействия ему. Необходимыми предпосылками для этого является проведение системного исследования экстремизма как социально-политического явления, углубление знаний о его особенностях и структуре, а также снятие противоречий в представлениях о соотношении экстремизма и терроризма. Это, в частности, необходимо для решения вопроса дальнейшего совершенствования основных составляющих системы противодействия экстремизму – концептуальных основ деятельности государства в данной области, правовых основ и организации последней (антиэкстремистской деятельности).

Несмотря на существующие мнения о том, что ввиду характера соотношения между экстремизмом и терроризмом как между родом и видом необходимо создание единой системы противодействия этим угрозам, есть серьезные соображения в пользу выделения системы борьбы с терроризмом наряду с общей системой противодействия экстремизму. Данный подход прежде всего определяется наличием у терроризма серьезных особенностей содержания и самым характером террористических угроз в отличие от других проявлений экстремизма, существенной спецификой задач противодействия угрозам обоих видов и используемых при этом сил и средств.

С учетом подобного подхода развитие процесса формирования общегосударственной системы противодействия экстремизму, как представляется, должно после состоявшегося государственного решения о создании межведомственной комиссии по противодействию экстремизму продолжаться с учетом уже имеющегося опыта на всех уровнях государственного управления и на муниципальном уровне и быть ориентировано в первую очередь на противодействие информационному воздействию субъектов экстремизма на население России, его отдельные группы – этнические, молодежные (и другие) и иным в первую очередь насильственным выступлениям, угрожающим также основам конституционного строя, а также посягательствам на конституционные права и свободы граждан. При дальнейшем развитии необходимых механизмов противодействия экстремизму особое внимание должно быть обращено на обеспечение оптимального баланса между закрепленными в Конституции РФ правами личности и безопасностью государства и общества. Естественно, взаимодействие между обоими направлениями - противодействием экстремизму и терроризму – должно в дальнейшем не только не сокращаться, но расширяться и углубляться. Важным аспектом такого взаимодействия, по нашему мнению, должен быть мониторинг предпосылок и проявлений в упомянутых сферах.

Одной из важных проблем противодействия экстремизму в России с учетом современных потребностей совершенствования государственного управления следует, по нашему мнению, рассматривать разработку и введение в действие (по аналогии, например, с ранее принятой федеральной Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации – утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 г.) федеральной Концепции противодействия экстремизму, хотя эта идея на различных уровнях высказывалась неоднократно и ра-

нее⁴⁰. Потребность в концептуальном обеспечении деятельности государства в данной области обеспечения национальной безопасности обусловлена необходимостью внедрения научно обоснованных и общих для всех субъектов управления и иных участников общественных отношений в упомянутой области подходов к пониманию общественно-политической сути противодействия экстремизму, характера угрозы последнего, целей и допустимых форм (методов) ее отражения. Разработка данной концепции – это важный путь повышения эффективности государственной (и муниципальной) деятельности в рассматриваемой сфере обеспечения национальной безопасности, а также обеспечения общественного участия (и контроля) в ней.

Представляется, что одним из наиболее актуальных элементов общей концепции противодействия экстремизму (либо самостоятельной концепцией) в современных условиях, характеризующихся активным информационным воздействием субъектов экстремизма на население, распространением в массовом сознании немалой части граждан России ксенофобии, политического и этнонационального радикализма, религиозного фундаментализма, агрессии и нетерпимости, а также различных групповых, этнонациональных (и тому подобных) идеологий экстремистского характера, должна стать концепция информационного противодействия экстремизму.

В данной концепции, направленной на нейтрализацию неблагоприятных для безопасности России информационных воздействий внешних и внутренних субъектов экстремизма, на сознание и поведение населения (отдельных групп, общностей, объединений и других) страны, предотвращение стихийных и организованных выступлений против конституционного строя РФ, безопасности граждан, общества и государства, формирование отношений цивилизованного участия граждан в общественно-политическом процессе, должны быть определены основные угрозы информационного воздействия экстремистов, благоприятствующие им факторы, а также основы организации данного противодействия (объекты защиты от информационного воздействия, субъекты противодействия ему, формы и методы противодействия). Для оптимальной организации рассматриваемой деятельности государства и общества в концепции должны найти место характеристики форм, методов, средств общественно опасного информационного воздействия субъектов экстремизма (распространение идеологии экстремизма, устрашение населения и возбуждение паники, дезинформирование граждан и другого).

Важным условием эффективности информационного противодействия российского государства и общества экстремизму является, как нам представляется, организация его на адекватной основе. Это требует в ряду других задач выделения в области противодействия информационному экстремистскому воздействию комплекса направлений и форм деятельности государства и общества, который охватывал бы основные проявления информационного экстремизма. С учетом этого требования в качестве таких направлений есть основания

⁴⁰ См.: Устинов В.В. Создать общегосударственную систему предупреждения и пресечения экстремизма // Российская юстиция. № 1. 2003.

рассматривать прежде всего разоблачение идеологии экстремизма, ведение контрпропаганды в отношении пропагандистских кампаний экстремистов, информирование населения о контрэкстремистских мероприятиях российских властей, противодействие распространению экстремистских материалов, а также противодействие использованию сети Интернет в экстремистских целях.

В целях информационного, научного и методического обеспечения координации столь многосторонней деятельности, в круг субъектов которой согласно содержанию федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 года⁴¹ должен входить широкий круг государственных и негосударственных учреждений и организаций, представляется желательным сформировать при Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму специальный научно-информационный центр, имеющий необходимый аналитический, информационный потенциал и систему связей с соответствующими мониторинговыми системами (ведомств, местных администраций и тому подобными) и иными источниками требуемой информации.

К числу актуальных проблем противодействия экстремизму относится также совершенствование его (противодействия) правовой основы. Десятилетний период существования специального федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», несмотря на многочисленные его дополнения и изменения, не оптимизировал в достаточной степени правовое регулирование в данной области. К настоящему времени, в том числе достаточно давно, выявились нежелательные противоречия, пробелы и недостатки в антиэкстремистском законодательстве Российской Федерации, отражающиеся на эффективности правоохранительной деятельности.

Одна из сторон настоящей проблемы связана с теоретическими основами рассматриваемой деятельности, точнее с понятийным аппаратом закона. В юридической литературе неоднократно высказывалась мысль⁴² о подходе законодателя к определению экстремизма и терроризма с различных теоретических позиций – с юридических и социально-политических – и об определенных нарушениях нередко формальной логики при раскрытии содержания некоторых упомянутых выше явлений и организации борьбы с ними. Ввиду этого настоятельно необходимо, например, применить в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» при уточнении понятия «экстремизм» подход, аналогичный использованному в ФЗ «О противодействии терроризму». Очевидно, что при внесении соответствующих изменений в первый из указанных законов экстремизм также должен рассматриваться как сложное явление, включающее и определенную идеологию и практическую деятельность, и при этом отнюдь не должен отождествляться с экстремистской деятельностью.

⁴¹ См.: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002. № 114-ФЗ.

⁴² См.: Долгова А.И. Вступительная статья // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. С. 18,19; Долгова А.И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // там же. С. 21 и сл.

Необходимость построения адекватных государственных механизмов противодействия экстремизму и терроризму требует также, по нашему мнению, применения общих принципиальных подходов к определению основ формирования соответствующих систем, прежде всего самих принципов. Это тем более необходимо, что сам ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» исходит из правильной, по нашему мнению, позиции, согласно которой терроризм – это один из элементов (или форм, по утверждению ряда специалистов) экстремизма. Естественно, речь идет в данном предложении о необходимости закрепления в обоих законах прежде всего общих политико-правовых принципов противодействия соответствующим общественно-опасным явлениям, а не о некоторых специальных, организационно-тактических, которые, что очевидно, не могут совпадать в каждом законе. С учетом этого к числу общих принципов противодействия экстремизму должны быть также отнесены принцип системности и комплексности использования политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических и других мер, принцип координации деятельности субъектов противодействия рассматриваемой угрозе, принцип сочетания гласных и негласных методов и средств противодействия (вместо ныне содержащегося в законе принципа гласности), что будет способствовать оптимизации деятельности субъектов противодействия в упомянутых выше областях обеспечения национальной безопасности.

Серьезное общественно-политическое значение, помимо целого ряда других вопросов совершенствования федерального законодательства в рассматриваемой области⁴³, имеет также вопрос об адекватности определения экстремизма как явления. Уже неоднократно упоминавшийся в научных исследованиях недостаток Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», состоящий в отсутствии в нем понятия экстремизма (которое законодатель стремился компенсировать перечнем проявлений экстремизма) представляется в современных условиях особенно нежелательным. Прежде всего – в силу необходимости дальнейшего развития антиэкстремистского законодательства с позиции использования четких критериев оценки экстремизма как деструктивного явления, а также обеспечения однозначности в оценке его проявлений на различных стадиях правоохранительной деятельности, а также при их экспертизе. При этом в качестве необходимых, но не исчерпывающих условий для обеспечения адекватности понятия экстремизма как социально-правового явления, следует, по нашему мнению, законодательно закрепить и его базовые признаки, как использование нелегитимного насилия (ориентация на нелегитимное насилие) для достижения социально-политических целей (изменение основ конституционного строя), а также совершение преступных деяний по известным по действующему законодательству мотивам с исключением из их числа

⁴³ См. об этом: Авдеев Ю.И. О развитии законодательства в области противодействия экстремизму // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. С. 117; Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. С. 5, 31, 49.

достаточно неопределенного «социального» мотива (или с его возможно более четким толкованием).

Проблема противодействия экстремизму в современной России весьма актуальна и широка. Помимо некоторых общих системных вопросов, отдельные из которых затронуты в настоящей статье, необходимы дальнейшие исследования структуры экстремизма, его идейно-политических основ, существующего причинного комплекса (и других), что представляется совершенно необходимой предпосылкой формирования действенной и соответствующей требованиям правового демократического государства системы отражения рассматриваемой угрозы.

Summary

EXTREMISM IN MODERN RUSSIA: MAIN TRENDS AND PROBLEMS OF COMBATING

U.I. Avdeev

member of the Expert Council of the state Duma Committee of security

Abstract. The article considers extremism as a destructive factor in the social life of the Russian society and analyses the ways to counter this phenomenon.

Key words: extremism; terrorism; society; national security.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авдеев Юрий Ильич – заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, член Экспертного совета Комитета Госдумы по безопасности;

Avdeev U.I. – honored lawyer of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, Professor, member of the Expert Council of the state Duma Committee of security;

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ

Петрищев В.Е.

Общественно-консультативный совет РАН
по проблемам борьбы с международным терроризмом

Аннотация. В статье анализируется проблема распространения идеологии исламизма в молодёжной среде в современной России, даётся оценка угрозы национальной безопасности со стороны экстремистских течений, действующих под прикрытием традиционного ислама.

Ключевые слова: исламизм; молодёжь; безопасность; экстремизм; терроризм.

Следует сразу оговориться, что речь пойдет не об увлечении все большего количества молодых людей исламом. Эта мировая религия, веками сосуществовавшая в России наряду с христианством, иудаизмом и буддизмом, отражает культуру и мировоззрение миллионов наших сограждан и в традиционном ее понимании играет важную роль в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, так как учит добру, терпимости, милосердию. Угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет исламизм – экстремистская ветвь в исламе, который является политическим экстремизмом, прикрываемым исламским вероучением.

Следует подчеркнуть, что сегодня исламизм превратился в серьезный вызов стабильности, социальному миру, порядку управления практически во всех странах, и Россия не является здесь исключением.

Можно привести в качестве примера события, о которых сообщал в начале 2013 года корреспондент ИТАР-ТАСС В. Калинин. Он проинформировал о том, что в отдельных районах Лондона начали действовать так называемые «шариатские патрули», в которых участвуют наиболее ревностные сторонники соблюдения исламских традиций. Об этом со ссылкой на заявление Скотленд-Ярда сообщила и газета «Санди таймс».

Одетые в черные толстовки с закрывающими глаза капюшонами, радикальные представители исламской молодежи выходят «патрулировать» преимущественно удаленные от центра районы Лондона с наступлением темноты. Действуя группой, они, по собственному выражению, «защищают мусульманскую территорию от неподобающего поведения» прочих лондонцев. В категорию недопустимых действий входят распитие алкоголя, слишком вызывающая одежда или же просто наружная реклама¹.

¹ В Лондоне появились «шариатские патрули» // www.itar-tass.com/c11/626290.html.

В мае текущего года телеканалы всего мира демонстрировали шокирующие кадры, когда в Лондоне среди бела дня два молодых исламиста с применением ножей и мачете искромсали коренного лондонца-военнослужащего, после чего стали выкрикивать угрозы окружающим и заставляли снимать их на сотовые телефоны.

А вот Москва. В апреле 2013 года средства массовой информации сообщили о том, что сотрудниками правоохранительных органов в результате оперативно-розыскных мероприятий, проведенных в молельном доме, расположенном в Москве в доме № 8 на Даниловской набережной, задержано 140 человек, подозреваемых в причастности к экстремистским организациям, из которых более 30 являются гражданами иностранных государств. Мероприятия проводились в целях выявления лиц, находящихся в розыске за совершение преступлений террористического и иного экстремистского характера.

В сообщении УФСБ России по г. Москве и Московской области отмечалось, что молельный дом по указанному адресу посещали лица, «которые перешли на позиции крайнего радикализма, вступили в ряды бандформирований, действующих на Северном Кавказе, а также участвовали в подготовке и совершении экстремистских и террористических акций на территории России». Так, например, уроженец г. Грозного, студент Московского государственного университета дизайна и технологий Ибрагим Плиев после посещения молельного дома «Дар уль-Аркан» и под воздействием собирающихся там радикалов в мае 2011 года вступил в бандгруппу, действующую на Северном Кавказе. В октябре 2011 года Плиев после оказания сопротивления силовикам был уничтожен в ходе спецоперации. Это – конкретный пример того, как исламисты под прикрытием религии вовлекают людей в противоправную экстремистскую, в том числе и террористическую, деятельность.

Президент Российской Федерации В. Путин справедливо отмечал, что в основе православия, ислама, буддизма, иудаизма (при всех различиях и особенностях) лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. Эти ценностные ориентиры невозможно чем-либо заменить и их надо укреплять [5, с. 1, 4].

Между тем следует отметить, что ислам как самая молодая религия в ряду мировых религий одновременно является и самой активной, пассионарной. А ее радикальные течения – еще и самые агрессивные. И, несмотря на то, что ислам, как и другие религии, призывает своих сторонников к самосовершенствованию и проповедует вечные ценности, в нем все же содержится основа для его использования в экстремистских целях и даже для оправдания терроризма. Объясняется это демократичностью ислама, который не преподносит верующим раз и навсегда провозглашенные догмы, но позволяет исламским богословам по-разному толковать положения Корана и Сунны.

Действительно, с одной стороны, признанные исламские авторитеты со ссылками на суры и аяты Корана доказывают несовместимость исламского вероучения с любыми формами экстремизма. Так, например, председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин подчеркивал, что российская мусульманская ум-

ма неоднократно и категорически осуждала экстремизм и террористические акты. Он, в частности, приводит следующий аят из 5 суры священного Корана: «Кто убьет душу не за душу и не за преступление, тот подобен убийце всего человечества» (Коран, 5: 32). Р. Гайнутдин свидетельствует, что лица, осуществляющие противоправную экстремистскую деятельность под прикрытием священного писания, не могут считаться мусульманами. Он также отмечает характерные для таких лиц особенности:

1) отрицание основополагающих традиций ислама.

2) заявления о собственной исключительности, вплоть до присвоения себе права объявлять «немусульманами» традиционных верующих, не согласных с радикальной трактовкой шариата.

3) наделение себя правом по собственному усмотрению ущемлять в правах или убивать вне рамок необходимой самообороны «неверных», в том числе и мусульман, не примкнувших к экстремистскому течению [1, с. 73–108].

Однако существует и другая точка зрения, свидетельствующая о возможности использования экстремистами положений Корана. Так, например, профессор Л.Р. Сюкияйнен отмечает: «На словах отделить ислам от терроризма нетрудно, но на деле все обстоит гораздо сложнее. Утверждающие, что ислам не имеет никакого отношения к международному терроризму, выдают желаемое за действительное. Такая связь есть и прослеживается, прежде всего, в идейном обосновании радикализма. Исламские концепции используются как для определения отдаленных целей и ближайших мишеней терактов, оправдания используемых при их совершении средств, так и ради мобилизации отрядов экстремистов. В оправдание терроризма против немусульман исламские экстремисты обращаются к Корану, в котором, в частности, говорится: «И убивайте многобожников, где бы вы их не обнаружили <...> О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь беспощаден к ним» (9 : 5, 73). Сторонники бескомпромиссной борьбы за утверждение ислама любой ценой приводят также высказывание пророка Мухаммеда, которое якобы открывает путь насилию над неверными: «Мне было приказано сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммед – Его посланник, не станут совершать молитву и вносить закят, если же они сделают это, то их жизнь и имущество окажутся под защитой, в противном случае с ними надлежит поступать по праву ислама, а суд над ними – в руках Всевышнего Аллаха» [6, с. 109–112].

Следует отметить, что исламизм в современных условиях оказался весьма эффективным инструментом для сплачивания мусульманского населения в целях оказания отпора агрессивному геостратегическому курсу США на построение однополярного мира по чертежам, разработанным в Белом доме. И в этой ситуации данное экстремистско-пассионарное течение ислама явно выходит за религиозные рамки и превращается в орудие политической борьбы против гегемонистских устремлений Вашингтона. Однако идеологи и активные сторонники исламизма, решительно отвергая навязываемые всему миру администрацией США западные ценности, не останавливаются на этом, но декларируют и пытаются насаждать во всем мире верховенство исламских ценностей в их соб-

ственном представлении. При этом США, Израиль и поддерживающие их западные страны исламисты объявляют врагами ислама, а руководство стран с преимущественно мусульманским населением, которое не становится на сторону исламистов, – изменниками веры. Таким образом, мы наблюдаем столкновение двух претендующих на глобальную власть политических сил, каждая из которых отличается приверженностью к радикализму и не намерена идти ни на какие уступки. И обе эти политические силы являются источниками угроз для безопасности России.

В настоящее время стратегической целью экстремистов, прикрывающих свои политические устремления исламскими лозунгами, является создание глобальной исламской империи, или всемирного халифата, устроенного по законам шариата. Для этого они считают необходимым свержение коррумпированных и декадентских режимов в мусульманских странах, устранение американского военного присутствия в них, противодействие проникновению западных ценностей и западного образа жизни в мусульманское общество и экономику мусульманских стран, установление мусульманского контроля над использованием энергетических ресурсов на исламском географическом пространстве, борьбу с Израилем и его господством в Палестине [2, с. 112].

Идеи исламизма получили широкое распространение во всем мире, их сторонниками становятся представители быстро разрастающихся мусульманских анклавов во многих западноевропейских городах. Несмотря на то, что исламисты в Европе пользуются всеми благами западной цивилизации, они одновременно продолжают и даже активизируют свою деятельность по подрыву этой цивилизации, заявляя о необходимости введения в европейских странах шариатских порядков. Так, например, член Исламской партии Р. Абрюш, будучи избран в совет муниципального образования Брюсселя, заявил, что целью его и его соратников является создание в Бельгии исламского государства, которое функционировало бы по законам шариата [3].

В каждом регионе и каждой стране проявления исламизма имеют свою специфику. Идеологи и пассионарные представители исламизма учитывают в своей деятельности особенности того или иного региона и в процессе организации агитационно-пропагандистской деятельности, поэтому уже в процессе «улавливания душ» не просто дают собственную трактовку отдельных положений ислама для оправдания экстремистских способов достижения провозглашаемых ими целей, но и привлекают примеры из современной действительности, указывая, насколько несовершенен окружающий мир, требующий переустройства в соответствии с провозглашаемыми ими религиозными постулатами.

И приходится признать, что наш современный мир дает исламистским пропагандистам достаточное количество аргументов в пользу того, что он действительно не соответствует основным исламским ценностям. Так, например, в современной России получил широкое распространение целый ряд негативных явлений, которые осуждаются всеми традиционными религиями: повсеместное использование насилия, социальное неравенство, падение авторитета семьи, неуважение к старшим, пренебрежение нормами права, морали и традициями, безыдейность и бездуховность, индивидуализм, стяжательство, отсутствие ми-

лосердия и взаимопомощи, коррупция, высокомерие и продажность чиновников и другие. Все эти пороки современного российского общества демонстрируются исламистами в качестве ярких примеров несовершенства и греховности светского уклада жизни и одновременно – в качестве аргумента в пользу необходимости разрушения существующего миропорядка и построения на его развалинах по-настоящему справедливого общества, основанного на законах шариата.

После развала Советского Союза и исчезновения общегосударственной, а точнее общегражданской идеологии, в Российской Федерации возникли исключительно благоприятные условия для распространения различных идеологических концепций, в том числе и радикальных течений ислама, поэтому исламизм успел за прошедшие годы пустить широко разветвленную корневую систему в нашей стране, тем более, что до сих пор существует целый букет факторов, продолжающих работать на дальнейшее укрепление этой формы экстремизма. Все это приводит к тому, что исламисты все громче заявляют о своих претензиях на власть, все решительнее и агрессивнее ведут борьбу с теми, кто не разделяет их взглядов, все чаще переходят к физическому уничтожению мусульман, придерживающихся традиционных взглядов на ислам. То и дело мы становимся свидетелями убийств экстремистами мулл и имамов, представляющих традиционный ислам.

Исламисты с использованием традиционных и новейших средств распространения информации развернули активную пропаганду, направленную на вовлечение в экстремистскую деятельность новых членов. И наиболее уязвимой по отношению к такой подрывной деятельности является молодежная среда, так как молодые люди склонны к максимализму, не имеют жизненного опыта, достаточного уровня знаний, способности критически оценивать свои поступки и утверждения исламистов-вербовщиков, умения различать грань между религией и политикой, цели которой предлагается достигать преступными способами.

Усугубляет ситуацию и то, что в современной России слабо поставлена воспитательная работа среди молодежи, низок уровень толерантности, средства массовой информации ориентированы на тиражирование низкопробных молодежных развлекательных программ, пропагандирующих моральную распущенность, вседозволенность, насилие. Все это создает благоприятные условия для вовлечения исламистами молодых людей, отторгающих навязываемые им с телевизионных экранов и через Интернет западные «ценности», в экстремистскую деятельность, прикрываемую исламом и лозунгами о борьбе с этим безбожным миром.

Так что же следует предпринять для противодействия распространяющимся в молодежной среде угрозам исламизма?

Во-первых, следует подчеркнуть, что формирование и реализация адекватной ситуации системы мер должны носить общегосударственный и комплексный характер. Нужно создавать комплекс мер правового, идеологического, социально-экономического, политического, организационного, воспитательного, специального и иного характера.

Рассмотрим некоторые из обозначенных аспектов.

Правовой аспект. Как правило, исламисты в своей экстремистской деятельности грубо нарушают установленные в обществе порядки, а зачастую совершают деяния, предусмотренные диспозициями статей Уголовного кодекса. Каждому из подобных антиобщественных действий должна даваться адекватная правовая оценка, а субъекты, их совершившие, обязаны нести соразмерную уголовную, административную или гражданско-правовую ответственность. Необходимо также неукоснительно и последовательно проводить в жизнь меры, направленные на выявление и пресечение фактов распространения исламистами экстремистской литературы и прекращения деятельности их организаций.

Одновременно в профилактических целях надо проводить правовой всеобщий среди населения, особенно среди молодежи, которая по упоминавшимся причинам наиболее подвержена влиянию исламистских идей. Молодые россияне должны знать, что религия и экстремизм несовместимы, и что каждое нарушение закона под прикрытием религии влечет за собой неотвратимость наказания.

Идеологический аспект. В качестве одной из главных задач противодействия угрозам исламизма должна рассматриваться задача идеологического противоборства с радикальными, экстремистскими идеями, прикрываемыми исламом. Приходится признать, что пока в этой сфере нас переигрывают исламисты. В этой связи остро стоит вопрос о наращивании усилий государства и общества по привитию всем гражданам, особенно верующим из молодежной среды, иммунитета от вовлечения в противоправную деятельность и развития у них антиэкстремистского сознания.

Как добиться разоблачения идейных построений и нейтрализации воздействия пропаганды исламистов? Представляется, что для этого в первую очередь необходимо, тщательно анализируя обращения, лозунги, заявления исламистов, выявлять их тактические приемы, посредством которых они пытаются обосновать, оправдать и пропагандировать свою экстремистскую деятельность и вовлекать в нее молодежь. Нам следует научиться анатомировать, вскрывать, разъяснять общественности приемы и тактику идеологов и активных членов экстремистских исламских течений, с помощью которых антиобщественные по своему характеру замыслы маскируются извращенно трактуемыми цитатами из Корана и Сунны. Нужно донести до сознания верующих простую истину о том, что декларируемые исламистами цели, которые зачастую внешне выглядят как благородные и справедливые, невозможно достичь противоправными методами. С использованием первоисточников, со ссылками на исламских авторитетов следует разъяснять верующим, что ислам, как и все мировые религии, проповедует общечеловеческие ценности, любовь к ближнему, милосердие, сострадание и никогда не призывал к конфронтации, а уж тем более – к применению насилия в отношении ни в чем не повинных людей.

Если исламисты заявляют, что их деятельность, не соответствующая законам светского государства, – оправданная и чуть ли не единственная возможная форма борьбы за некие высшие цели и идеалы мусульман, следует с ис-

пользованием конкретных примеров демонстрировать откровенно криминальный и безнравственный характер такой деятельности.

Следует отметить, что религиозной радикализации части верующих способствует распространение облеченных в религиозную оболочку экстремистских идей и соответствующих агитационно-пропагандистских материалов в сети Интернет. Это обстоятельство требует активизации разъяснительно-пропагандистской антиисламистской работы в социальных сетях.

Ведя речь об идеологическом противодействии угрозам исламизма в Российской Федерации, нельзя не обозначить одну серьезную проблему. Для успешного противодействия распространению среди россиян экстремизма государство должно выработать и противопоставить радикальным идеям исламистов общегражданскую объединяющую идеологию, во главе которой следует сформулировать ценности, стоящие выше национальных, религиозных, возрастных, социальных и иных интересов. Такая идеология существовала в Советском Союзе. В России ее нет, и, как представляется, в среднесрочной перспективе не появится.

Организационный аспект. Распространение радикальных идей среди мусульманской части россиян и вовлечение в исламизм происходит и за счет обучения молодежи в зарубежных исламистских центрах, возглавляемых антизападно и антироссийски настроенными представителями фундаменталистских течений ислама. Так, например, уничтоженные в 2012 году лидеры вооруженного подполья в Кабардино-Балкарии прошли обучение в исламском университете Эр-Рияда. Число тех, кто получил исламское образование за рубежом после распада Советского Союза, превысило 10 тысяч человек [4]. По данным некоторых экспертов, усиление террористической деятельности в Дагестане не в последнюю очередь объясняется тем, что в последние годы около 1500 граждан этой республики прошли религиозную (а по большому счету – идейно-политическую и специальную) подготовку в странах арабского Ближнего Востока (Египет, Саудовская Аравия, Тунис, Иордания, ОАЭ, Катар), а также в Пакистане, Албании и ряде других стран. Это в свою очередь приводит к омоложению и активизации современного северокавказского террористического бандподполья.

С учетом изложенного следует, как представляется, решить давно назревшую проблему государственного контроля над процессом получения россиянами религиозного образования в зарубежных центрах, тем более, что деятельность многих таких «образовательных» учреждений очень часто выходит за рамки религии. Ведь невозможно представить себе ситуацию, при которой руководство современного, даже самого демократического государства, сквозь пальцы смотрело бы на то, как его граждане проходят обучение в специализированных зарубежных центрах, где их готовят для последующего осуществления подрывной деятельности против этого государства. А исламисты фактически и занимаются такой деятельностью.

Требует наведения порядка и миграционная сфера. В нашу страну ежегодно приезжают миллионы граждан из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Многие из них являются сторонниками радикальных течений

ислама и по приезде в Россию автоматически становятся источниками распространения в своем окружении экстремистских идей. А некоторые из них уже являются активными членами запрещенных экстремистских религиозных организаций или членами незаконных вооруженных формирований и прибывают в Российскую Федерацию, скрываясь от уголовного преследования. Они пополняют ряды российских бандформирований, борьбу с которыми ведут отечественные спецслужбы и правоохранительные органы.

Специальный аспект. В борьбе с проявлениями терроризма, в основе которого лежат экстремистские религиозные идеи, нужна активизация оперативно-поисковой работы правоохранительных органов и органов безопасности в соответствующих социальных средах и группах населения для выявления попыток вовлечения молодых людей в экстремистскую деятельность и обучения их террористическим методам достижения целей, провозглашаемых религиозными авторитетами из числа лидеров фундаменталистов.

Эта работа должна вестись в двух направлениях. С одной стороны, на основе совокупности грамотно разработанных объективных признаков, свидетельствующих о проведении целенаправленной деятельности по вовлечению граждан в экстремизм, маскируемый исламской риторикой, выявлять и решительно пресекать эту противоправную деятельность. С другой стороны – выделять те группы и категории граждан, которые по каким-то причинам уязвимы по отношению к действиям вербовщиков, и вести разъяснительную работу среди населения в целях разоблачения истинных корыстных целей экстремистов от религии, их лицемерных уловок, приемов и используемых ухищрений, спекулятивного характера трактовок ими отдельных положений Корана и Сунны и тому подобного. Надо при этом осознавать, что мусульмане, вовлекаемые в экстремизм, сами становятся первыми жертвами исламистов, превращаясь затем в их руках в послушный инструмент достижения противоправных политических целей.

Социально-экономический аспект. Следует подчеркнуть, что все меры информационно-пропагандистского характера, правовые, специальные, воспитательные и другие, направленные на противодействие распространению исламизма, будут малоэффективны, если не будут основаны на последовательно проводимой политике выявления и устранения тех социально-экономических проблем, которые выступают в роли факторов, воспроизводящих в отдельных регионах Российской Федерации социальную напряженность, недовольство населения, протестную активность, масштабные экстремистские проявления (социальное и материальное неравенство, несовершенство молодежной политики, отсутствие реальных социальных лифтов для молодежи, коррупция, клановость, принятие несправедливых решений в инстанциях по делам граждан, нерешенность проблем занятости трудоспособного населения и ряд других).

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что система мер противодействия угрозам безопасности, исходящим от исламизма, не может быть сформирована и реализована только правоохранительными органами. Эта система должна быть общегосударственной и носить комплексный характер, активно воздействуя с помощью разнообразных и адекватных складывающейся обста-

новке инструментов на различные сферы общественных отношений: политическую, социальную, идеологическую, психологическую, правовую. И действовать здесь надо с упреждением, активно и наступательно, особенно в молодежной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайнутдин Р. Ислам против терроризма // Терроризм и религия. – М.: Наука, 2005.
2. Дмитриев И. Что такое исламский терроризм? // Власть. 2011. № 6.
3. Kern S. Muslim Politicians Win Seats in Brussels, Goal is Sharia // Radical Islam, 2012. November 12: <http://www.radicalislam.org/analysis>
4. Неотложная к решению проблема // Российская газета. 2012. 4 апр. № 73.
5. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв. № 7 (5493).
6. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и терроризм: союзники или противники? Шариат должен быть включен в борьбу с терроризмом // Терроризм и религия. – М.: Наука, 2005.

Summary

THE SPREAD OF ISLAM AMONG YOUNG PEOPLE AS A THREAT TO SECURITY

V.E. Petrishchev

Public consultative Council of the RAS
on the problems of fighting international terrorism

Abstract. The article analyses the problem of the dissemination of the ideology of Islamism in the youth environment in modern Russia, to estimate national security threats from extremist currents, acting under the guise of traditional Islam.

Key words: Islamism; youth; security; extremism; terrorism.

Петрищев Виктор Евгеньевич – член Общественно-консультативного совета РАН по проблемам борьбы с международным терроризмом, д.ю.н., профессор; E-mail: petrishev@yandex.ru

Petrishchev Viktor Evgenyevich – member of the Public consultative Council of the RAS on the problems of fighting international terrorism, д.ю.н., Professor; E-mail: petrishev@yandex.ru

О ВЛИЯНИИ РАДИКАЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЙ ИСЛАМА НА МУСУЛЬМАНСКУЮ МОЛОДЕЖЬ РОССИИ

Колташников В.М.

эксперт по вопросам национальной безопасности
Россия, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения радикальных течений ислама в среде мусульманской молодёжи России, угрозе национальной безопасности со стороны ваххабизма.

Ключевые слова: исламский фундаментализм; молодёжь; безопасность; экстремизм; терроризм; ваххабизм; джихад.

В последние десятилетия российское мусульманское сообщество¹ пережило больше резонансных событий, чем за всю свою историю. Геополитические и социально-экономические изменения, произошедшие на постсоветском пространстве, способствовали мощному всплеску активности приверженцев ислама. В результате мусульмане получили возможность свободно отправлять религиозные культы и развивать контакты с международным исламским сообществом.

Вместе с тем процесс исламского ренессанса в России² был в значительной мере омрачён распространением в среде российской Чечне, Всего же, в настоящее время, по оценкам различных экспертов, на территории Российской Федерации проживает от 15 до 25 млн. самоидентифицировавшихся мусульман.

В настоящее время ситуацию в российском мусульманском сообществе можно оценить как достаточно сложную, учитывая продолжающуюся радикализацию молодёжной среды. При этом, основными факторами, оказывающими влияние на развитие обстановки в мусульманском сообществе России, являются:

– экспансия различных радикальных течений исламской идеологии (прежде всего, ваххабизма), экспортируемых, в том числе российской молодёжью, обучающейся за рубежом и угрожающей суверенитету и территориальной целостности страны;

¹ Под мусульманским сообществом (исламским сообществом, уммой) в данной работе понимается население нашей страны, исповедующее ислам, либо относящее себя к приверженцам ислама. А отдельные организованные региональные (территориальные) общины (общества) являются образующими мусульманского сообщества Российской Федерации (авт.).

² Основные регионы проживания мусульман России – Поволжье, Северный Кавказ, а также южные районы Урала и Западной Сибири. Этнические мусульмане составляют значительную часть населения в семи субъектах Российской Федерации: Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Башкортостане и Татарстане.

- отсутствие устоявшейся системы вузовской и послевузовской подготовки в российских исламских образовательных учреждениях;
- отсутствие единой комплексной программы противодействия экстремистской идеологии, особенно в молодёжной среде;
- нехватка квалифицированных учёных, авторитетных религиозных деятелей традиционного ислама, служителей культа регионального уровня, пользующихся уважением у подрастающего поколения;
- радикализация части российской мусульманской молодежи и ее участие в деятельности бандгрупп.

Основой исламского радикализма является бездоказательное противопоставление «мусульманское – немусульманское», а также произвольное деление мира и людей, в нем живущих, на «дом ислама – мусульман», «дом договора – людей писания (христиан, иудеев)» и «дом войны – многобожников (язычников)». При этом политические доктрины исламских радикалов, строящиеся на противоречии «мусульмане – неверные», неизбежно исходят из понимания джихада как «постоянной войны, насилия против неверных», что в любой традиционной общественно-политической системе расценивается как экстремизм. Исламский радикализм имеет в качестве своей мировоззренческой основы «исламский фундаментализм»¹ – представление о всеохватности религии, идеализацию ее канонов, убеждение в совершенстве и неизменности принципов личной и общественной жизни, сложившихся в ранней мусульманской общине, когда родоплеменное деление общества прямо соотносилось с религиозным, а также убеждение о необходимости трактовки с позиций шариата не только морально-нравственных, но и всех социальных норм общества.

По оценке исследователей ислама, фундаментализм (салафизм) – явление циклическое и каждые сто лет происходит одинаковый процесс: следование истинной вере, постепенный отход от нее, кризис общины, появление восстановителя веры, возрождение общины². Причем периодические сомнения в истинности веры объясняются пророчеством самого Мухаммеда, в хадисах которого написано, что после его смерти исламская община расколется на семьдесят три секты, из которой лишь одна будет праведной³.

Попытка переноса в современность принципов социального деления общества справедливых для периода раннего Средневековья, выделение на этой основе социальной или этно-конфессиональной группы (общности), интересы которой позволено защищать любыми, в том числе насильственными методами

¹ Сам термин «фундаментализм» впервые нашел употребление в христианской религии. Им обозначались некоторые протестантские течения в Христианстве, резко выступающие против идей «модернизма» в религии. В последующем данный термин стал использоваться для обозначения религиозных течений, исповедующих несогласие с официальным курсом и ратующих за возвращение к основам – фундаменту веры. Как правило, в любом фундаменталистском движении можно выделить два направления: умеренное и радикальное.

²См.: *Игнатенко А.А.* Ислам и политика: Сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004. С. 15.

³См.: *там же.* – С. 14.

и средствами обуславливает неизбежный острый конфликт «исламского религиозного радикализма» с принципами организации немусульманских общественно-политических систем. При этом источникам «цивилизационных противоречий», на которые постоянно ссылаются «исламские радикалы» является не принципиальная несовместимость культур, а принципиальные расхождения во взглядах на место религии в обществе. Так, в современной европейской модели государства религия отделена от светского общества и существует вне сферы политики, а исламские радикальные политические движения, напротив, исходят из убеждения о необходимости полного подчинения политики и государства как такового религиозному началу.

Политическим и идеологическим доктринам исламского радикализма присущ ряд основных признаков, отличающих его от традиционного коранического ислама:

- непримиримость к гражданскому светскому обществу, стремление к его замене «исламским», устроенным на законах шариата;
- недопустимость раздельного существования религии и государства;
- отрицание единства мировой цивилизации с противопоставлением исламского мира всему остальному мировому сообществу;
- отрицание ключевых положений международного права: территориальной целостности государств, незыблемости государственных границ и некоторых других;
- опора на силовые методы политической борьбы для реализации своих целей при использовании, где возможно, легальных путей прихода к власти;
- готовность активно сотрудничать с откровенно националистическими (сепаратистскими) и другими экстремистскими силами.

Исламские экстремисты привлекают своих сторонников из числа политически неразвитых слоев населения кажущейся простотой определения источников бед современного общества (Иудаизм, Христианство, Запад) и путей решения стоящих проблем (возврат к нормам шариата времен Мухаммада), активно играя при этом на обостренном чувстве национальной гордости и достоинства.

Активная деятельность зарубежных экстремистских организаций, использующих различные идеологии исламского фундаментализма на территории Российской Федерации, началась в конце 80-х годов прошлого века¹. Основной причиной успешного процесса распространения в России импортируемых из-

¹ Как замечают некоторые авторы, первые признаки возникновения исламского фундаментализма на территории нашего государства были зафиксированы еще в конце 70-х годов. В этот период в ряде мусульманских регионов СССР появились группы молодежи, тайно изучавшей основы исламского вероучения. Однако эти группы не проявляли политической активности, являясь скорее вариантом «исламизированного» диссидентства. Радикальную политическую функцию фундаментализм приобрел уже после распада Советского Союза. См. напр.: *Бобровников В.* Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): мифы и реалии. В кн.: *Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри* / под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт. – М.: Московский Центр Карнеги, "Арт-Бизнес-Центр", 2001. – С.82.

вне идей радикального ислама (в первую очередь ваххабитского толка¹) являлись сложившиеся в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. материальные условия жизни мусульманского населения, которые сформировали морально-психологическую атмосферу в обществе, благоприятствующую росту влияния в нашей стране идей, созвучных основным положениям исламского фундаментализма.

Образовавшийся после известных геополитических изменений на постсоветском пространстве идеологический «вакуум», был быстро заполнен повсеместным ростом религиозного самосознания, в том числе его привнесенными извне радикальными формами в условиях открытости гражданского общества в России.

В этот период Россия фактически впервые столкнулась с проблемой распространения идей исламского радикализма: часть российских мусульман в силу определенных социально-экономических и политических условий (падение жизненного уровня, утрата стабильности и тому подобное), начала активно впитывать привнесенный извне (главным образом, из арабских стран) так называемый «чистый» ислам. Сохранявшаяся на протяжении всех 90-х годов напряженная социально-политическая ситуация, значительная экономическая миграция, безработица, резкая имущественная дифференциация граждан, лишали часть населения иллюзий в достижении социальной стабильности в ходе реформ². Кроме того, не лучшим образом проявили себя и органы власти, занимавшиеся «исламской проблемой».

С конца 80-х годов по стране прокатился целый ряд экстремистских акций, нередко сопровождавшихся вооруженным захватом административных зданий, духовных управлений, мечетей и насильственным смещением руководителей мусульманских общин. Местные власти шли на поводу у событий, зачастую заигрывали с отдельными так называемыми «новыми исламскими лиде-

¹ В те годы в регионах проживания мусульман в России начали разворачивать свою деятельность неправительственные благотворительные организации, базирующиеся в Королевстве Саудовской Аравии, Кувейте, Объединённых Арабских Эмиратах, Пакистане, Йемене и Иордании и других странах Ближнего Востока. Они оказывали финансовую поддержку в строительстве мечетей и медресе, издании и распространении исламской литературы, предоставляли гуманитарную помощь, вели миссионерскую деятельность и приглашали российскую молодежь на учёбу за границу.

² Активной деятельности в России эмиссаров зарубежных террористических организаций, использующих идеологию исламского фундаментализма, способствовало следующее обстоятельство: во времена СССР религия населения не приветствовалась и смогла сохраниться лишь в виде определенных религиозных традиций и обрядов. С приходом к власти М. Горбачева и падением «железного занавеса» началось взаимодействие мусульман России со своими собратьями за границей. Десятилетия изоляции от всего остального мусульманского мира привели к тому, что ислам за пределами Советского Союза населением сильно идеализировался. Тем более у многих мусульман РФ существовало ошибочное представление, что любой араб является чуть ли ни посланником Пророка. Такая искренняя наивность привела впоследствии к негативным результатам.

рами». Иногда они даже эксплуатировали данный фактор для упрочения собственной власти и достижения иных корыстных целей¹.

В конечном счете «перестройка» религиозной жизни последователей ислама к началу 90-х годов выражалась в следующем:

– во-первых, в России отсутствовала какая-либо политика по отношению к религии (кроме принятого в октябре 1991 года под давлением Русской православной церкви закона, который ее в принципе устраивал, но не учитывал того, что в Российской Федерации помимо христианства есть еще ислам и другие религии);

– во-вторых, государство, ликвидировав Советы по делам религий при Совете Министров СССР и РСФСР, по существу потеряло контроль над деятельностью религиозных организаций и самоустранилось от правового регулирования режима отделения церкви от государства. Фактически в силу слабости федеральных и региональных органов власти обществу была предоставлена полная бесконтрольность в вопросах вероисповедания.

Естественно, что это были просчеты государства в политике по отношению к религии и в решении вопросов национально-государственного устройства Российской Федерации. Сложившаяся ситуация немедленно была использована зарубежными радикальными исламскими центрами². Среди зарубежных эмиссаров, устремившихся в то время в Россию были представители многочисленных течений радикальной исламской мысли, получившие универсальное название – ваххабиты. Среди них наиболее активны в России представители следующих международных террористических и экстремистских организаций:

- «База» («Аль-Каида»);
- Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»);
- «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»);
- «Движение Талибан»;
- «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»);

¹Фактически, в 1990-е годы со стороны государственных органов России никакого противодействия религиозной экспансии не осуществлялось. Не существовало даже элементарного контроля над деятельностью различных зарубежных организаций и структур, формально декларирующих благотворительные цели. Наоборот, некоторые представители российских властей рассматривали активную миссионерскую деятельность иностранных «гостей» как сближение с мусульманским миром.

² Почти в любой исламской стране, либо в стране со значительным мусульманским населением, объективно существует комплекс национальных и религиозных проблем, критика которых при известных условиях позволяет сторонникам «очищения» ислама завоевывать определенные симпатии населения. Анализ зарубежного опыта привнесения идей исламского фундаментализма на национальную почву извне показывает, что наибольшего успеха этот процесс достигает в тех случаях, когда призыв к очищению ислама «накладывается» на кризис местных исламских институтов, не способных выполнять интегрирующую социальную функцию. В России это произошло практически во всех мусульманских регионах, но с особой остротой проявилось на Северном Кавказе.

- «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»);
- «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихьяат-Тураз аль-Ислами»);
- «Дом двух святынь» («Аль-Харамейн»);
- «Исламский джихад — джамаат моджахедов»;
- «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»);
- «ТаблигиДжамаат»;
- «Ат-ТакфирВаль-Хиджра» и многие другие¹.

Ваххабиты признают в качестве источников мусульманского права только Коран и Сунну, категорически отвергая нормы обычного права (адаты). По мнению приверженцев ваххабизма, к положениям Корана и Сунны не должны добавляться никакие человеческие интерпретации и комментарии. Ваххабизм отрицает саму возможность какого-либо признания домусульманских пророков, а тем более поклонения им. Он отвергает также культ мусульманских святых и мучеников, поклонение местам их погребения, паломничество к святым. Все это, по мнению ваххабитов, проявления многобожия и идолопоклонства.

Центральная идея ваххабизма – объединение всех мусульман в единую нацию без различия их происхождения, языков, национально-психологических особенностей и создание на этой основе единой мусульманской империи – «Всемирного Халифата» со столицей в г. Мекке. Для достижения цели допустимы все средства и методы политической борьбы, в том числе основанные на насилии. Именно эти радикально-экстремистские идеи взяты на вооружение многими международными исламскими экстремистскими организациями.

Для ваххабизма присущи:

- очень строгие требования к чтению предписанных молитв и соблюдению постов;
- неукоснительное соблюдение исламских моральных норм, бытовой аскетизм: запрет на употребление спиртного, табака, музыку, танцы, игры;
- строгое ограничение прав женщин;
- резкое осуждение любых мероприятий культурного и духовно-нравственного характера, не связанных с отправлением религиозных обрядов;
- крайняя непримиримость к представителям светской власти, последователям немусульманских религиозных конфессий, а также к мусульманам, открыто осуждающим ваххабитские воззрения и порядки;
- снисходительное отношение к кровно-родственным бракам.

Приверженцы ваххабизма посещают только свои собственные мечети. Считается, что даже внешне они должны отличаться от всех остальных мусульман: они обязательно бреют головы, носят длинные нерасчесанные бороды, узкие и короткие брюки, не надевают нижнего белья.

¹Отдельно следует отметить пантюркистов – сторонников международного религиозно-экстремистского объединения «Нурджулар». Деятельность пантюркистских религиозно-экстремистских организаций и их влияние на мусульманскую молодежь России требуют отдельного исследования и не являются предметом исследования данной статьи.

В социально-политическом отношении ваххабизм прикрывается лозунгами мусульманского равенства, братства, ответственности правителей перед исламской уммой. Этим, а также призывами к справедливости, личной скромности, воздержанию и нравственной чистоте ваххабизм активно воздействует на сознание молодежи, малоимущих, притесняемых людей, выступая в качестве формы выражения их социального протеста против существующих порядков.

Если центральной идеей ваххабизма является создание Всемирного Халифата, то стержнем данной идеологии и геополитической практики является представление о джихаде – ведении священной войны против неверных.

Ваххабиты трактуют джихад как исключительно вооруженную борьбу, которая:

– во-первых, есть вооруженная борьба против всех, кто препятствует распространению ваххабитского учения и его монопольному господству;

– во-вторых, борьба со всеми «неверными», «многобожниками» и «лицемерами»;

– в-третьих, ведется для защиты мусульман и их родной земли. При этом весьма существенным является то, что защищать вооруженным путем ислам, мусульман и их родную землю ваххабиты призывают и в случае врага не только реального, но и потенциального, то есть такого, намерения которого могут быть расценены ими как враждебные.

Несмотря на большое количество взглядов на суть и содержание такого явления, как ваххабизм, нельзя отрицать, что для очень многих граждан России и зарубежных стран понятие ваххабизма носит негативный оттенок. По мнению Р. Силантьева «...для российского обывателя это слово ассоциируется именно с терроризмом». Поэтому «...видится вполне оправданным употреблять термин «ваххабизм» для общего обозначения любой экстремистской идеологии мусульманского происхождения на территории России»¹.

Важно понимать, что зарубежные экстремистские организации, использующие идеологию ваххабизма и действующие на территории Российской Федерации, представляют серьезную угрозу для безопасности личности, общества и государства. Ими предпринимаются настойчивые попытки превратить ислам в знамя «национально-освободительной борьбы народов» против «имперской России». Как уже отмечалось основной целью международного ваххабитского интернационала является устранение неисламских правительств и воссоздание во всемирном масштабе «Великого Халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением (включая, российские Кавказ, Поволжье). Для достижения этой цели эмиссары зарубежных ваххабитских организаций реализуют план по отторжению от России ее регионов, путем создания устойчивых очагов управляемых вооружённых конфликтов и стимулирования сепаратистских тенденций. Ваххабитами осуществляется целенаправленное разжигание сепаратистских настроений в российских регионах с преобладани-

¹Р.Силантьев. Новейшая история исламского сообщества России. – М.: ИИПК «ИХТИОС», 2006. – С. 10.

ем мусульманского населения, подталкивание их к выходу из состава Российской Федерации и образование на этих «независимых» территориях новых исламских государств, ориентированных в своей внешней политике на зарубежные радикальные исламистские центры.

Путем тщательной подготовки и проведения взаимосвязанных между собой террористических акций, зарубежные ваххабиты стремятся добиться следующих промежуточных целей:

- вывести Чечню из состава Российской Федерации, придать этому процессу показательный характер для инициирования аналогичных устремлений в остальных республиках Северного Кавказа, парализации политической воли руководства Российской Федерации, компрометации российских силовых структур;

- распространение антироссийских сепаратистских процессов на территории этих республик (особенно в Дагестане и Ингушетии);

- перенос идей и практики сепаратизма и экстремизма в Астраханскую, Волгоградскую и Ростовскую области, Ставропольский и Краснодарский края, где сконцентрировано наибольшее количество выходцев с Северного Кавказа;

- усиление криминализации обстановки в северо-кавказских республиках, провоцирование внутренних национальных, этнических, конфессиональных конфликтов;

- проведение целенаправленной идеологической кампании по нагнетанию антироссийской истерии в этом регионе.

В связи с тем, что зарубежные экстремистские организации не могли действовать на территории России открыто, ими использовались многочисленные международные неправительственные организации. Формально декларируя благие цели, эти организации негласно использовали свой потенциал для распространения идей радикального ислама в первую очередь среди молодых российских мусульман. В 90-е годы ими в геометрической прогрессии открывались религиозные учебные заведения, путем предоставления финансово-материальных средств, в сферу их влияния вовлекались светские вузы, строились мечети. Молодых людей сотнями вывозили в подконтрольные экстремистам центры и лагеря. Был налажен выпуск литературы, газет, аудио- и видеоматериалов исламского фундаменталистского толка¹.

¹ Эмиссары зарубежных ваххабитских террористических организаций выпускают и бесплатно распространяют среди российских мусульман исламскую литературу, предпринимают попытки создания сети телерадиоцентров, учебных заведений, оказывают гуманитарную помощь беженцам и материально нуждающимся. Ими проводится активная работа по подбору молодежи для отправки на учебу в исламские центры ваххабитской направленности, находящиеся в Саудовской Аравии, Малайзии, Пакистане, Египте и других странах. Предполагается, что выпускники медресе станут фанатичными пропагандистами идей ваххабизма среди верующих мусульман и в дальнейшем смогут занять ключевые посты не только в религиозных, но и во властных структурах. Одной из главных задач зарубежных эмиссаров в настоящее время считается также проникновение в местные исламские учебные заведения с целью постепенного подчинения верующей молодежи своему влиянию.

Местным ваххабитам, исламским фундаменталистским организациям, обществам оказывалась финансовая и идеологическая поддержка, стимулировалось их организационное и идеологическое сплочение.

Неправительственными организациями, являвшимися структурами прикрытия зарубежных радикальных исламских центров, осуществлялась деятельность по формированию в российских регионах с компактным проживанием мусульман новых религиозных структур, действующих в противовес существующим традиционным объединениям (финансирование параллельных организаций верующих, компрометация духовных лидеров, проповедующих ислам с традиционных для России позиций, продвижение на их места своих ставленников, формирование религиозного лобби в органах власти и управления и других).

Таким образом, формировалась достаточно сильная и разветвленная сеть «параллельного» ислама, призванная ослабить влияние традиционного духовенства России на мусульманское население и дестабилизировать ситуацию в некоторых российских регионах, что, безусловно, противоречило государственным и геополитическим интересам нашей страны. Ваххабизм стал «разъедать» «традиционный» ислам¹: начался процесс перехода в ваххабизм «традиционных мусульман», проникновения ваххабитского вероучения, политической доктрины, лозунгов, обрядов в среду мусульман, особенно молодежи.

Основным объектом пропагандистского воздействия ваххабитов является именно российская мусульманская молодежь, в большинстве своём не сформировавшая чёткого представления о требованиях морали и норм поведения исповедуемой религии. Религиозная безграмотность молодых российских мусульман служит благодатной почвой для распространения в указанной среде идей радикального ислама.

На сегодняшний момент наибольших успехов ваххабитские агитаторы добились в среде северо-кавказской молодежи. Российский Северный Кавказ, к сожалению, оказался наиболее восприимчивым к внешнему ваххабитскому влиянию. Именно здесь ваххабиты смогли достаточно прочно укрепить свои позиции. И причиной тому не только иностранные деньги и иностранные же проповедники-миссионеры. Ваххабизм привлекателен для многих молодых северокавказцев своей строгостью и простотой, своим призывом к тому, чтобы восстановить справедливость, которая царила в мусульманской умме (общине) времен Пророка Мухаммеда. Не последнюю роль играет и тот факт, что эти идеи являются официальной доктриной, которой следуют в Саудовской Аравии, а она всем своим духовным авторитетом и финансовой мощью господствует в зоне распространения суннитского ислама.

Применительно к особенностям северо-кавказского региона России «революционность» данного радикально-экстремистского течения ислама заключается еще и в следующем. Идеи ваххабизма о подлинном единобожии, необ-

¹ Под «традиционным» для России исламом автор понимает те направления и течения в суннитском исламе, которые максимально толерантно и миролюбиво настроены по отношению к православному большинству населения нашей страны.

ходимости поклонения лишь одному Аллаху, отрицание им взглядов ортодоксального Ислама на мусульманскую этику и родоплеменные обычаи создают у молодежи иллюзорное ощущение мнимой личной свободы от патриархальных этно-социальных традиций, обычаев почитания старших, обязанностей, накладываемых тейповой и этнической принадлежностью.

По сведениям А.А. Ярлыкапова, проводившего в течение нескольких лет полевые исследования на Северном Кавказе, «подавляющее большинство последователей ваххабизма в регионе составила молодежь, которая:

– во-первых, еще не сумела интегрироваться в общинную жизнь, и поэтому имела возможность открыто возмущаться теми порядками, которые, по их мнению, противоречили исламу;

– во-вторых, трудоспособная и социально-активная молодежь в первую очередь стала жертвой безработицы в горских республиках¹;

– идеи ваххабизма распространились и среди горских переселенцев на равнину, которые оторвались от своих материнских общин»².

А. Саватеев, характеризуя социальную базу ваххабизма на Северном Кавказе, также выделяет три категории сторонников радикального ислама: «Идеи фундаменталистов встречают понимание и отклик, в частности, среди оставшейся без работы и надежд на будущее молодежи, у беднейшего крестьянства отдаленных регионов <...> В народе находит отклик осуждение роскоши и стяжательства, привлекает идея равенства, этика братства и единства всех мусульман, социальной гармонии, то есть идеи, которые были популярны и в советские времена и потому вдвойне одобряются; вторая категория приверженцев «ваххабизма» – зажиточные обитатели <...> крупных джамаатов недалеко от промышленных и транспортных центров <...>; третью группу «ваххабитов» составляют интеллектуалы. В нее входят отдельные знатоки исламского права и теологии, молодые выпускники исламских университетов Арабского Востока и небольшая часть светской интеллигенции, обретшая в новом для себя религиозном течении смысл существования»³.

Носители традиционного для мусульманских стран суннитского ислама ханафитского мазхаба (по имени основателя религиозно-правовой школы суннитского ислама Абу Ханифы (699–767), которые обосновывают необходи-

¹ По социальному составу сторонники ваххабизма в основном являются выходцами из семей верующих мусульман с низким материальным достатком. Значительную часть из рассматриваемого контингента составляют безработные или временно трудоустроенные лица. Участие в деятельности религиозных ваххабитских групп экстремистской направленности они рассматривают как форму личностной самореализации и социально-политического протеста против сложившейся системы общественно-политических, социально-экономических и религиозных отношений, в которой с их точки зрения возможности для мирной политической борьбы считаются исчерпанными.

² Ярлыкапов А.А. Ваххабизм на Кавказе // Угроза ислама или угроза исламу? – М., 2001. – С. 138-139.

³ Саватеев А. Дагестан: истоки фундаментализма – в бедности // Россия и мусульманский мир. – 2001. - №10(112). – С. 65-67.

мость мирного существования в многоконфессиональном обществе, проигрывают конкуренцию перед зарубежными миссионерами и их сторонниками в России. Многие традиционалисты оказались не готовы к серьезным теологическим диспутам, ежедневной работе с паствой. Важную роль играет и возрастной фактор: традиционный ислам в глазах в первую очередь молодежи ассоциируется со стариками, которые в силу присущего этому поколению консерватизма мышления проигрывают на поле информационно-пропагандистской войны, нередко элементарно не умея даже вести эту пропаганду.

В начале 90-х годов, когда в России одна за другой открывались мечети, а подготовленных кадров – местных мулл – катастрофически не хватало, арабские и прочие приезжие эмиссары развернули в мечетях и медресе активную деятельность. В теологических спорах официальные (традиционные) исламские структуры конкуренцию с ваххабитами и представителями других радикальных течений в исламе выдерживали (и выдерживают) с трудом. Основная причина этого – развал системы организации мусульманского образования в России¹.

С распадом СССР развалилась и некогда единая система мусульманского религиозного образования страны. В Советском Союзе существовал единый для всех мусульман центр подготовки мусульманских кадров – в Узбекистане, где учились на имама в медресе «Мир-Араб» в Бухаре и Исламском институте имени Имама аль-Бухари в Ташкенте. Подобная унификация официального мусульманского образования позволяла контролировать государству этот процесс, а также прививать его учащимся просоветскую ориентацию, что на тот период времени было свидетельством гражданского патриотизма мусульманского духовенства. После окончания вышеназванных учебных заведений выпускники могли выехать на стажировку за рубеж. Для этого выбирались, как правило, такие авторитетные вузы, каким был в свое время Каирский исламский университет «Аль-Азхар». Учиться в зарубежных странах могли только те, кто прошел вначале обучение в советском Узбекистане, а за пределы СССР отправлялся на учебу только после тщательной проверки и не без контроля со стороны советских органов безопасности. Таким образом, советские граждане выезжали на учебу за рубеж уже с устоявшимися взглядами и сформировавшимися устойчивыми убеждениями, которые обеспечивали своего рода «иммунитет» от восприятия радикальных псевдоисламских идей.

Подобное зарубежное обучение на тот период времени было вызвано в большинстве своем сугубо прагматичными соображениями: в глазах зарубежного мусульманского мира советские священнослужители должны были выглядеть достойно, что обеспечивало как раз факт обучения в каком-нибудь общепризнанном в исламских странах религиозном образовательном центре.

Впоследствии такие выпускники зарубежных исламских высших учебных заведений, как правило, непоколебимо придерживались и до сих пор придерживаются линии на лояльность государству, поддержку и развитие традицион-

¹Как известно фактор образования нередко играет определяющую роль в формировании ценностей и убеждений молодежи.

ного для России ислама и всегда подчеркнутое уважительное отношение к Русской православной церкви. То есть подобная схема отбора на зарубежное обучение в советское время зарекомендовала себя эффективно.

Впрочем, существовавшая в советское время система мусульманского религиозного образования была, конечно, далеко не идеальной. Вплоть до конца 1980-х годов государственные органы проводили активную антирелигиозную кампанию: численность получавшего религиозное образование мусульманского духовенства жестко контролировалась, а количество официально действующих мечетей на территории СССР было очень ограниченным. Все это заставляло молодых верующих мусульман вступать в различные общества, находящиеся на нелегальном положении.

Отсутствие имамов и мулл, имеющих религиозное образование, предопределило ситуацию, когда проповедью положений ислама занимались лица, в массе своей неграмотные, как в религиозном, так и в общеобразовательном плане. Как правило, эти лица даже не держали в руках первоисточников ислама, а их познания в области религии ограничивались устным примитивным толкованием основополагающих вопросов мировоззрения и бытия, исходящим от шейхов и мулл-проповедников. Подавляющее большинство лиц, проповедовавших ислам в СССР, не владело арабским языком, а именно это является ключевым моментом с точки зрения сложившейся в исламе религиозной практики. Очень часто религиозные обряды и молитвы совершались шейхами и муллами на только им одним понятном «арабском» языке, так как описание этих обрядов и тексты соответствующих молитв они получали от своих предшественников в устной форме либо в форме записей их транскрипции на русском или национальных языках. Эти записи заучивались наизусть без проникновения в их смысл, а в дальнейшем передавались последователям. В условиях все возрастающего интереса и тяги определенной части населения к исламу местные религиозные деятели могли предложить верующим только свою, сильно вульгаризированную версию толкования Корана и Сунны, в значительной степени не совпадающую с положениями традиционного ислама, зависящую от субъективного взгляда того или иного шейха или муллы. Неудивительно, что в вопросах религиозной пропаганды среди молодежи местные служители культа по своей подготовке в значительной степени уступали эмиссарам зарубежных исламских организаций (как правило, экстремистской направленности). Это стало одной из причин быстрого распространения различных течений радикального ислама в России.

В начале 1990-х годов российские мусульмане столкнулись с серьезной дилеммой – организацией подготовки служителей культа. Существующие в России медресе не могли удовлетворить и 5% потребностей в кадрах, а медресе «Мир-Араб» и ташкентский исламский институт теперь оказались недоступны. В этой ситуации на помощь российским мусульманам пришли единоверцы из арабских стран, предоставившие им возможность бесплатного обучения. Однако главными спонсорами этих программ нередко выступали зарубежные экстремистские структуры.

Основной поток учащихся отправился за рубеж в начале 1990-х годов, и уже к 1995 году оттуда стали возвращаться первые дипломированные имамы, казавшиеся российским единоверцам глубоко учёными людьми. Именно они встали у истоков создания сети исламских духовных учебных заведений – медресе, колледжей, институтов и университетов, призванных возродить систему исламского образования в России.

Между тем ситуация в сфере исламского образования быстро ухудшалась – в немалой части медресе обучение велось по методикам нетрадиционных для России направлений ислама, а некоторые из них стали полноценными базами экстремистов и даже террористов. Так, например, выпускники набережночелнинского медресе «Йолдыз» и бугурусланского медресе «Аль-Фуркан» участвовали в подготовке и осуществлении громких террористических атак.

Нужно отметить, что и к настоящему времени устойчивой системы исламского религиозного образования в Российской Федерации так и не сложилось. Функционирующие учебные заведения не имеют единой программы обучения, стандартов к требованиям для выпускников, системы распределения, а также алгоритма послевузовской подготовки и дальнейшего совершенствования полученных знаний. Выезды студентов на обучение за рубеж носят частный и нерегулируемый характер. При этом с учётом процессов, протекающих в международном исламском сообществе, список рекомендованных для обучения зарубежных исламских вузов не сформирован. В этой связи одной из актуальных проблем в вопросах организации противодействия религиозному экстремизму является пребывание значительного числа представителей российской молодёжи в различных исламских учебных центрах стран Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки.

Отсутствие единого органа, координирующего указанную деятельность, привело к ослаблению контроля над процессом обучения. В результате российские граждане после учебы в зарубежных теологических центрах¹ возвращаются на Родину с различными взглядами на прошлое, настоящее и будущее российского ислама, что в конечном итоге способствует дальнейшей дифференциации исламского сообщества России. Складывающаяся ситуация умело используется членами экстремистских и террористических организаций, а также вербовщиками из числа пособников северокавказского бандподполья.

Часть молодых людей, выехавших на учёбу за рубеж, попав в чужую страну, склонна к поиску близких по духу людей в культовых учреждениях – мечетях и молельных домах, где действуют вербовщики от экстремистских организаций, занятые подбором будущих эмиссаров. Далее следует идеологическая обработка и в некоторых случаях на конечном этапе осуществляется военная подготовка с последующим направлением в «конфликтные зоны».

¹ Обучающиеся в зарубежных исламских учебных заведениях в течение 5–7 лет студенты подвергаются активной идеологической обработке и возвращаются в Российскую Федерацию фанатичными воинствующими приверженцами идей радикального ислама. Нередко из их числа выделялись лидеры, которые стали центральными фигурами в джихадистском движении на территории России.

Другая часть молодёжи, получив «знания» в ваххабитских учебных заведениях, становится основным носителем и своего рода «экспортёром» экстремистских идей, а также субъектом насаждения радикализма в среде родных и близких, тем самым, расширяя протестный контингент.

В процессе обучения за рубежом молодые россияне находятся под пристальным вниманием иностранных экстремистских организаций, которые опосредованно участвуют в их обучении в выгодном для себя русле. С наиболее перспективными студентами устанавливаются контакты, переходящие в последующую вербовку. По возвращении таких студентов, их возможности используются в интересах зарубежных экстремистских и террористических организаций, в том числе путем продвижения данной категории граждан в отечественные религиозные и властные структуры. Также предполагается, что завербованные ваххабитами выпускники зарубежных религиозных учебных заведений станут фанатичными пропагандистами идей ваххабизма среди верующих мусульман, Раис Сулейманов – руководитель Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований в своей статье «Зарубежное религиозное влияние на мусульман Татарстана в постсоветский период» приводит примеры тех россиян, которые прошли обучение в знаменитом каирском университете «Аль-Азхар». Этот вуз, основанный еще в X веке, имеет славу одного из крупнейших центров знаний в исламском мире. Характерной особенностью обучения молодых российских мусульман в «Аль-Азхаре» является их самообеспечение на месте. Ситуация критична тем, что студенты из республик бывшего СССР, приезжая по направлению от своих муфтиятов учиться в Египет, материально ничем не обеспечены. Стипендию им зачастую не платят, а с Родины деньги никто (если только родственники) не присылает, а проживать на что-то надо во время учебы. Именно этим пользуются различные ваххабитские проповедники, которые собирают студентов из СНГ, оплачивают им проживание в общежитии, кормят и сами же организуют им лекции, которые читаются не в университетских аудиториях, а в столовых, в комнатах тех же общежитий и так далее. Практика обучения в «Аль-Азхаре» такова, что студент имеет достаточно много свободного времени, которое предоставлено ему для самообразования в библиотеках. Но вместо того, чтобы сидеть за книгой, они идут на лекции к ваххабитским проповедникам, которые их материально обеспечивают (обычно они вначале кушают все вместе, молятся, а потом перед студентами выступает вот такой «лектор»). И получается, что мусульманская молодежь из России большую часть времени своего обучения в «Аль-Азхаре» проводит под влиянием ваххабитских проповедников.

В результате, по возвращении домой после многолетнего обучения в Египте и с дипломом «Аль-Азхара», выпускник устраивается на работу имамом в мечеть, но при этом имеет за плечами прослушанный курс лекций по ваххабитской версии ислама. В итоге багаж знаний такого человека, гордо носящего статус выпускника «Аль-Азхара» (это сопоставимо с Кембриджем, Оксфордом

или Гарвардом только в исламской среде), является основанным на ваххабизме¹.

По различным оценкам, сейчас в России находятся несколько тысяч молодых людей, получивших в последние 20 лет исламскую религиозно-пропагандистскую подготовку за рубежом. Это, как правило, убежденные в своей правоте люди, выступающие против традиционного для России ислама, проповедующие ваххабитские канонические принципы и к тому же получающие финансирование из внешних источников. Именно из них начинает оформляться элита, агрессивная по отношению к истории, политике, культуре российских мусульман. Для нее Россия – исторический «враг-поработитель», поэтому они призывают к «священной» войне (газавату). Сегодня они стараются не привлекать к себе излишнего внимания и заняты в основном организационной и религиозно-пропагандистской работой. Но кто знает, как они поведут себя завтра?

Говоря о зарубежных вузах, в которых осуществляется ваххабитская обработка мусульманской молодежи из России, нельзя забывать, что на Северном Кавказе вплоть до недавнего времени существовала целая сеть лагерей, где тысячами готовились будущие боевики-ваххабиты. Как известно, с началом так называемой «Первой чеченской кампании» (декабрь 1994 г.) ваххабиты впервые заявили о себе как о реальной политически самостоятельной силе, способной оказывать серьезное влияние на события в северо-кавказском регионе. Под руководством наиболее активного и авторитетного эмиссара международного исламского экстремизма на Северном Кавказе иорданца Хаттаба было организовано несколько боевых отрядов, костяк которых составляли иностранные наемники из исламских стран. Все они прошли хорошую военную подготовку, имели значительный личный боевой опыт, приобретенный в Афганистане, Боснии, Косово и других «горячих точках», отличались особым упорством и фанатизмом при ведении боевых действий. Хорошо оснащенные и обученные отряды ваххабитов являлись для местной молодежи образцом «борцов за веру и национальное освобождение». Этот момент активно использовался ваххабитами в ходе организационно-пропагандистской деятельности среди местного населения Чечни.

В результате к окончанию первой чеченской кампании эмиссарам международных ваххабитских центров удалось сформировать агитационно-пропагандистские и военизированные структуры на территории Северного Кавказа с собственными аналитическими и учебными центрами, хорошо обученными и вооруженными группами. Основу этих групп составила российская молодежь, проживающая в указанном регионе.

На тот период под руководством Хаттаба в городе Урус-Мартане был открыт и активно функционировал «Исламский институт «Кавказ»», который

¹*Раис Сулейманов.* Зарубежное религиозное влияние на мусульман Татарстана в постсоветский период. 16.10.2012. [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей. [Офиц. сайт]. URL.: <http://www.apn.ru/publications/print27349.htm> (дата обращения 31.05.2013).

фактически являлся филиалом международной террористической организации «Братья-мусульмане» на Северном Кавказе. При нем были созданы лагеря военной подготовки. Его финансирование осуществлялось некоторыми мусульманскими организациями и частными фондами из ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки. Основными задачами «Института» являлись силовое насаждение ваххабизма среди народов Чеченской и других республик региона в целях реализации идеи создания единого исламского государства «от Каспийского до Черного морей», а также полный вывод Северного Кавказа из-под контроля России. Данное государственное образование с шариатской формой правления предполагалось назвать «Имарат Кавказ», основой его будущей государственности должны были стать ваххабитские религиозно-экстремистские структуры – джамааты¹.

В последующем, при непосредственном руководстве и личном участии Хаттаба, его воспитанниками и последователями, другими эмиссарами зарубежных исламистских террористических центров подобные ваххабитские структуры были созданы на территории всего Северного Кавказа. Сегодня сеть ваххабитских джамаатов, представленных полуавтономными мобильными диверсионно-террористическими группами, охватывает не только Дагестан, Чечню, Ингушетию, но и Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию и даже Ставропольский край².

В настоящее время ваххабитами ведется интенсивная пропагандистская обработка российской молодежи, которая осуществляется в форме непосредственного общения, путем распространения печатной продукции, а также с использованием современных аудиовизуальных средств. Устная пропаганда практикуется в мечетях, причем как в официальных, входящих в традиционный религиозный комплекс, так и в нелегальных, глубоко законспирированных. В первом случае она проводится симпатизирующими ваххабитам или завербованными ими служителями традиционных культовых учреждений. Нередки случаи, когда официально назначенный имам-проповедник изгоняется приверженцами зарубежных фундаменталистов и заменяется одним из членов их организации. При этом умело используется нехватка квалифицированных проповедников-традиционалистов. Активная идеологическая обработка молодых членов организаций и сект ваххабитской направленности органично увязывается с их боевой и психологической подготовкой.

¹Российские силовые структуры, начав в этот период контртеррористическую операцию на территории Северного Кавказа, разрушили планы экстремистов.

²Наряду с северо-кавказским регионом необходимо отметить деятельность ваххабитов по распространению террористической идеологии и созданию религиозно-экстремистских структур – «джамаатов» в Поволжье, Сибирском федеральном округе, других регионах России, которые в соответствии с их планами должны обеспечить финансирование и ресурсное пополнение бандформирований на Северном Кавказе, других регионах террористической активности, а также стать опорой для переноса террористической деятельности на российскую территорию.

Ваххабитские организации ведут активную работу по распространению экстремистской идеологии и формированию общин сектантского типа, которые занимаются пропагандой исламского фундаментализма среди молодежи мусульман традиционного толка и стремятся установить контроль над их религиозными объединениями. Эта деятельность сопровождается созданием, финансированием и материально-техническим обеспечением инфраструктуры вербовки и подготовки боевиков для использования в различных «горячих точках» мира, включая российский Северный Кавказ, Афганистан, Пакистан, Сирию и Ирак.

Исламовед А. Акпадшахов в своей статье «Ваххабиты – джихад против России»¹ описывает механизм вербовки и подготовки молодых боевиков ваххабитами. По Акпадшахову, система кадрового обеспечения ваххабитских террористических организаций функционирует достаточно унифицировано вне зависимости от района их деятельности и базируется на радикальной религиозной идеологии и стандартной методике привлечения и подготовки новых членов.

В подконтрольных ваххабитам религиозно-просветительских учреждениях (мечетях, медресе, исламских культурных центрах и так далее) проводится соответствующая идеологическая обработка кандидатов, выбираются представляющие наибольший интерес лица, которые дополнительно изучаются. После этого они направляются в специальные учебно-тренировочные центры и на базы для прохождения программы-курса «Талибан»² в объеме от 15 дней до 3 месяцев, состоящей из трех этапов.

На первом этапе проводится глубокий анализ личности кандидата в «муджахиды». В течение многочасовых допросов, длящихся несколько суток подряд, различными и постоянно меняющимися друг друга людьми задаются практически один и те же вопросы, что позволяет проследивать возможные несоответствия в ответах и природе реакций, обнаруживая тем самым возможную агентуру противника и выбирать лиц с психологическими качествами, наиболее подходящими для последующего обучения³.

Второй этап начинается с прохождения начального курса боевой подготовки (военное дело в объеме, необходимом для понимания боевых операций группы «моджахедов» числом до 150 человек, изучение конспирации, агентурного дела и ведения бизнеса). После стажировки курсант направляется в один из лагерей специальной подготовки, где изучает тяжелое оружие, минно-подрывное дело, ведение психологической войны, а после специализации кур-

¹ Акпадшахов А. Ваххабиты – джихад против России. [Электронный ресурс] // Подборка аналитических статей портала «Православие.RU». [Официальный сайт]. URL.: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/vah.htm> (дата обращения 01.06.2013).

² Важность учебного курса «Талибан» такова, что в Афганистане он постепенно стал символизировать все исламское движение, не только учебно-пропагандистскую часть, но и государственные структуры, затмив даже официальные термины «исламский эмират», «шариатское правление».

³ Если из отборочного лагеря еще существует теоретическая возможность по собственной воле вернуться к обычной жизни, то на следующих этапах в силу вступает шариатское правило – «за отречение от Ислама – смерть».

сант официально признается «муджахидом» и включается в состав существующего или создающегося джамаата, после чего его жизнь становится непрерывным «джихадом».

На третьем этапе развиваются командные навыки члена организации, способности руководить отрядами боевиков до нескольких тысяч человек, ему дается политическая подготовка для чего обучаемые направляются на «курсы командного состава». На них осуществляется отработка командных навыков для руководства отрядами, координации деятельности нескольких формирований в разных районах, управления административным образованием. Выпускники «курсов комсостава» должны быть в состоянии самостоятельно вести военные действия и оперативную работу¹ в крупных масштабах на протяжении нескольких месяцев.

В настоящее время, несмотря на принимаемые международным сообществом антитеррористические меры, международные ваххабитские террористические организации ведут активную вербовочную работу среди молодежи практически во всех регионах мира², осуществляют психологическую и военно-диверсионную подготовку молодых боевиков в специализированных лагерях на территории ряда стран Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии, в северо-кавказском регионе и на Балканах. Ваххабитами создана сложная сеть тренировочных лагерей и учебных центров, занимающихся подготовкой боевиков, которые по окончании обучения направляются в одну из «горячих точек» мира для ведения «джихада против неверных».

Каким должен быть ответ российского государства на угрозы, связанные с усиливающимся влиянием идей радикального ислама на российскую молодежь?

Очевидна назревшая необходимость решения на государственном уровне проблем духовного воспитания молодежи как основы консолидации общества и укрепления государства. В формировании последовательной позиции лидеров мусульманских общин существенную помощь должны оказывать органы государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, осуществляющие взаимодействие с религиозными и национально-культурными объединениями, а также молодёжными движениями и организациями. В этих целях необходимо формирование единого подхода к организации соответствующих контрпропагандистских акций. Необходимо вести широкую

¹Эксперты отмечают один существенный недостаток учебного курса «Талибан» – выпускники курсов постоянно нуждаются в искусственном поддержании настроения приподнятости, им свойственна чрезмерная вера в арабских инструкторов. Невозможность устроить смену подразделений, отдых и чтение Корана больше, чем на несколько суток, приводит «моджахедов» в уныние, они теряют хладнокровие, легко паникуют и могут временно (до нескольких часов) совершенно разочароваться в «истинном исламе».

² Механизм вербовки новых членов в ряды ваххабитских джамаатов в России достаточно подробно раскрыт в статье Раиса Сулейманова от 24.08.2012 г. «Исламский фундаментализм в Татарстане: подполье и «улица». [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей. [Офиц. сайт]. URL.: <http://www.apn.ru/publications/article27056.htm> (дата обращения 07.06.2013).

информационно-разъяснительную деятельность, направленную на разоблачение в глазах российской молодежи экстремистской идеологии ваххабизма, привлекая к этой работе хорошо подготовленных отечественных служителей мусульманского культа.

Особая роль должна отводиться использованию средств массовой информации и сети Интернет в информационном противодействии идеям ваххабизма. Так, необходимо отметить, что сегодня информационные ресурсы сторонников традиционного ислама проигрывают радикалам. Тогда как большинство крупных молодежных мусульманских групп, созданных в социальных сетях и насчитывающих несколько миллионов человек, находятся под влиянием идеологии ваххабизма.

Важное место в нейтрализации экстремистской деятельности радикальных исламских центров должны занять целенаправленные усилия по поддержке традиционного для России ислама¹ и резкое повышение уровня российского религиозного (мусульманского) образования, поскольку очевидно, что существующая в настоящее время в нашей стране система мусульманского образования, не может эффективно противостоять импортируемому из-за рубежа радикальным идеям.

Так, одной из мер может стать прохождение выпускниками зарубежных исламских вузов, вне зависимости от страны обучения, аттестации, дающей право на последующее ведение преподавательской деятельности в России. При этом аттестационная комиссия должна состоять из наиболее авторитетных ученых и представителей духовенства.

Одновременно с привлечением специалистов, закончивших обучение в зарубежных вузах, необходимо развивать подобную образовательную систему в России, с привлечением для участия в учебном процессе иностранных специалистов с мировым именем. Это позволит поднять авторитет исламской общины России в международном исламском сообществе, сформировать высококвалифицированные отечественные кадры и сократить поток лиц, выезжающих за рубеж для получения теологического образования.

В целом же, для эффективного противодействия распространению идей радикального ислама в среде российской мусульманской молодежи необходимо разработать соответствующую комплексную всероссийскую программу с участием заинтересованных государственных, правоохранительных органов, духовных управлений мусульман России и общественных организаций.

Summary

ON THE INFLUENCE OF RADICAL ISLAMIC MOVEMENTS ON THE MUSLIM YOUTH OF RUSSIA

¹Необходима твердая непоколебимая государственная поддержка традиционного для России ислама.

V.M. Kolpachnikov

Abstract. The Article is devoted to the problem of the spread of radical Islamic movements in the environment of the Muslim youth of Russia, the national security threat from the side of Wahhabism.

Key words: Islamic fundamentalism; youth; security; extremism; terrorism; Wahhabism; Jihad.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колпашиников Виталий Михайлович – кандидат юридических наук, эксперт по вопросам национальной безопасности Россия, г. Москва; E-mail: Kolnak80@mail.ru

Kolpachnikov Vitaly Mikhailovich – candidate of legal Sciences, an expert on national security, Russia, Moscow; E-mail: Kolnak80@mail.ru

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В БОРЬБЕ С ПЫТКАМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Кадырова Г.Г.

Восточно-Казахстанский региональный университет,
Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск

Аннотация. В статье рассматривается проблема соблюдения международных норм права и борьбы с применением пыток в республике Казахстан.

Ключевые слова: права человека; пытка; государство; судопроизводство.

Республика Казахстан ратифицировала ряд документов по правам человека, в том числе те, которые содержат обязательства по предупреждению и борьбе с пытками: Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 16 декабря 1966 года, ратификация которого одобрена Парламентом Республики Казахстан 28 сентября 2005 года, и Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее Конвенция против пыток), принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года, ратифицированную Республикой Казахстан 29 июня 1998 года.

Как член Организации Объединенных Наций Республика Казахстан взяла на себя политические обязательства по выполнению и недоговорных норм, содержащих важные гарантии справедливого судопроизводства, например, Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме от 9 декабря 1988 года, Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 года, Основных принципов обращения с заключенными от 14 декабря 1990 года.

Ратификация Казахстаном Конвенции против пыток обязывает республику принять эффективные меры для предупреждения данных актов и обеспечить надлежащие условия для всемерной защиты жизни, прав и свобод человека на территории нашего государства.

Согласно Конвенции, категория «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается. Всемирной медицинской ассоциацией в Токио в 1975 году также было сформулировано данное понятие: пытка – это преднамеренное, систематическое или единовременное причинение физических или психических страданий одним или несколькими людьми, действующими самостоятельно или по чьему-либо приказу, с целью

заставить другого человека дать информацию, сделать признание или с любыми другими целями.

Если говорить о законодательных мерах, то, на наш взгляд, в Казахстане создана достаточная правовая база, позволяющая надежно защищать человека от пыток или других жестоких обращений с ним. Так, в Конституции Республики Казахстан правам и свободам человека отведен специальный раздел, состоящий из 30 статей, где отдельной 17 статьей подчеркнуто, что достоинство человека неприкосновенно, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию [1].

Прогрессивным и достаточно гуманным является уголовный процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК), который значительно расширил компетенцию судов и права участников процесса, позволяющие обеспечить защиту законных прав и интересов граждан, а также установил процессуальные гарантии от необоснованного ареста и привлечения к уголовной ответственности [2]. УПК РК предусматривает возможность участия защитника не только с момента задержания и ареста, но и с момента признания лица подозреваемым. За деятельностью правоохранительных органов введен в Республике Казахстан судебный контроль. Предусмотрено право судебного обжалования решений органов уголовного преследования, а также законности санкции на арест гражданина, осуществляемой судом.

Общее требование Конвенции ООН получило прямое отражение в статье 14 Уголовно-процессуального кодекса «Неприкосновенность личности». В числе общих правил производства следственных действий называется запрет, недопустимость применения насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц.

Особо следует подчеркнуть, что и в Конституции, являющейся актом прямого действия, и в УПК РК предусмотрен жесткий регламент, регулирующий допустимость доказательства, нарушение которого лишает добытые данные юридической силы, так что данные, полученные с применением насилия и незаконных действий, доказательствами не являются.

Кроме того, в УПК РК предусмотрена норма, позволяющая привлекать к уголовной ответственности за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, принуждение к даче показаний. В частности, за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний или иные незаконные действия со стороны следователя, дознавателя с применением насилия, издевательства или пытки предусмотрено лишение свободы на срок от трех до восьми лет. Таким образом, Республика Казахстан, как и мировое сообщество, осознает важность и необходимость принятия действенных мер по обеспечению защиты прав граждан, их чести и достоинства.

Тем не менее, на практике все усилия государства в этом направлении сводятся иногда на нет прежде всего незаконными действиями отдельных должностных лиц правоохранительных органов.

Как известно, уголовно-процессуальное принуждение наряду с убеждением выступает в качестве эффективной процессуальной формы поддержания охраны правопорядка и борьбы с преступностью. Да и защита прав пострадавших обязывает органы расследования в предусмотренных законодательством случаях применять меры процессуального принуждения.

Прежде всего необходимо определить, существует ли в республике оптимальная система гарантий прав личности? Необходимо признать, что надежной защиты от произвола лиц, обладающих полицейскими полномочиями, нет. Ежегодно из изоляторов временного содержания по результатам проверки прокурорами освобождается большое количество лиц, задержанных без достаточных оснований.

Согласно ст. 19 Конвенции против пыток государства-участники обязаны представлять Комитету против пыток через генерального секретаря ООН доклады о принятых ими мерах по осуществлению своих обязательств. Так в 2001 году Республика Казахстан представила в Комитет против пыток свой первый отчет о выполнении Конвенции против пыток.

По результатам рассмотрения первоначального доклада Республики Казахстан, Комитет принял ряд рекомендаций, которые необходимо учитывать при дальнейшей имплементации норм Международного Пакта о политических правах в национальное законодательство РК:

- принять срочные и действенные меры по учреждению полностью независимого механизма по рассмотрению жалоб для того, чтобы обеспечить быстрое, справедливое и полное расследование многих заявлений о пытках, о которых известно властям, а также, если необходимо, судебное преследование и наказания лиц, подозреваемых в совершении пыток;

- расширить полномочия Комиссии по правам человека при Президенте РК до уровня независимой и справедливой правительственной и общественной комиссии по правам человека в соответствии с Парижскими принципами с тем, чтобы она обладала действенными полномочиями, в том числе по расследованию всех жалоб на нарушения прав человека, в особенности тех, которые имеют отношение к имплементации данной Конвенции;

- обеспечить в практике полное уважение принципа недопустимости использования доказательств, полученных в результате пыток;

- принять меры, включая пересмотр Конституции, законов и указов для обеспечения независимости судебной системы и адвокатов в исполнении своих обязанностей в соответствии с международными стандартами;

- разработать меры, позволяющие адвокатам собирать доказательства и быть вовлеченными в расследования с самого начала периода задержания, а также обеспечить, чтобы заключенные могли пользоваться услугами врачей по своему требованию, а не по распоряжению работников тюрем;

- улучшить условия в местах отбывания наказания и в местах предварительного содержания, сформировать систему, позволяющую инспекцию тюрем и мест предварительного содержания независимыми наблюдателями, заслуживающими доверия, результаты инспекций следует сообщать общественности. Государству следует предпринять меры, чтобы сократить действующий 72-х

часовой срок предварительного содержания и избегать использования арестов и длительного содержания под стражей до суда;

– закончить передачу тюрем из ведения министерства внутренних дел в компетенцию министерства юстиции, что позволяет демилитаризировать пени-тенциарную систему, обеспечить независимый судебный надзор за сроками и условиями предварительного содержания, пересмотреть случаи осуждения, основанные на признаниях, которые могли бы быть получены путем применения пыток или жестокого обращения, и обеспечить адекватную компенсацию жертвам.

Многие рекомендации Комитета до сих пор не выполнены Республикой Казахстан.

В ежегодных Докладах о ситуации с правами человека в Республике Казахстан постоянно указывается на нарушения прав человека в уголовном процессе при применении мер пресечения, а также нарушения в следственных изоляторах и временных изоляторах. Приведем для сравнения данные за 2007 и 2009 год.

Так, в Докладе за 2007 год указывается следующее:

– продолжали иметь место случаи членовредительства среди заключенных в знак протеста против условий содержания. 14 апреля заключенные колонии, расположенной в поселке Заречный недалеко от Алматы, совершили акты членовредительства, нанеся себе раны в области живота в знак протеста против условий их содержания. Вслед за данным инцидентом такие же протесты произошли 17 апреля в Аркалыкской тюрьме Кустанайской области. Официальные представители уголовно-исполнительной системы возложили ответственность за беспорядки на криминальные группировки, которые ведут борьбу с тюремной администрацией за контроль над местами лишения свободы. Против нескольких заключенных были выдвинуты обвинения в соответствии с новыми нормами законодательства, предусматривающими уголовное наказание за протесты и акты членовредительства в местах лишения свободы;

– генеральная прокуратура заявила, что существуют многочисленные свидетельства того, что в исправительных учреждениях использовались пытки и другие запрещенные методы и что сотрудники уголовно-исполнительной системы скрывали факты членовредительства, имевшие место в других учреждениях. Власти начали расследование в отношении сотрудников обеих колоний, однако ни один сотрудник уголовно-исполнительной системы не был привлечен к ответственности в результате данных инцидентов [3].

В Докладе о ситуации с правами человека в Республике Казахстан за 2009 год указывалось:

– НПО Бюро по правам человека сообщало, что 20 марта, сотрудниками Степногорского изолятора временного содержания были жестоко избиты двое заключенных, якобы за нарушение режима содержания и попытку начать бунт. Один из заключенных был госпитализирован с переломами черепа и ребра. Бюро по правам человека направило запрос Уполномоченному по правам человека и в Генпрокуратуру, настаивая на тщательном расследовании инцидента, но Генпрокуратура нарушений в действиях персонала изолятора не нашла;

– государством предпринимаются шаги по преодолению системного характера условий, способствующих жестокому обращению с заключенными, включая постоянную деятельность и расширение доступа областных общественных наблюдательных комиссий, организацию обучения персонала исправительных учреждений и семинаров для полицейских МВД. По состоянию на конец года, власти привлекли к уголовной ответственности семерых работников пенитенциарной системы и возбудили 30 коррупционных дел, завершившихся 23 обвинительными приговорами;

– НПО и наблюдатели отмечали плохое обращение с заключенными и задержанными, а также недостаточную профессиональную подготовку администрации этих учреждений. В феврале 2008 г. Конституционный совет отменил поправки в законодательство, внесенные в апреле 2007 г., согласно которым протесты и членовредительство заключенных признавались составами преступления;

– в течение года власти сообщали о 43 случаях смерти задержанных и 59 самоубийствах, из которых 6 произошли в следственных изоляторах, 49 в исправительных учреждениях и четыре в изоляторах временного содержания;

– продолжали в следственных изоляторах иметь место случаи членовредительства в знак протеста против тяжелых условий содержания и жестокого обращения, включая 28 таких случаев с участием 86 заключенных, о которых сообщалось в течение года, значительное число этих случаев были случаями группового членовредительства [4].

Как видим, вопросы с пресечением пыток в Республике Казахстан в настоящее время решаются, но недостаточно эффективно. Необходимо создать такие условия, чтобы полностью исключить возможное применения пыток в силовых структурах государства.

Профессор Сарсембаев М. в 2012 г. предложил разработать и принять отдельный закон в Республике Казахстан «О противодействии пыткам», в котором сконцентрировать нормы организационного и правового порядка для предупреждения, а затем искоренения пыток [5]. Он предлагает урегулировать в данном законе, положение о том, чтобы во всех помещениях, коридорах оперативно-следственных учреждений были установлены видеокамеры с обеспечением технической возможности руководству данного оперативно-следственного органа, руководству вышестоящей организации, прокурору отслеживать процесс осуществления оперативно-следственных мероприятий или следственных действий, содержания и охраны мест изоляции в любое время дня и ночи. В обязанность оперативника и следователя необходимо вменить прикладывать к каждому протоколу видеосъемку процесса оперативного или следственного действия. Также включить нормы, обязывающие медицинского работника, обслуживающего данный изолятор, но не входящего в штат МВД, Министерства юстиции производить наружный осмотр тела человека, направляющегося на допрос или иное оперативно-следственное действие и после оперативно-следственного действия. Такой осмотр должен быть не только внешним. Если, например, задержанный заявляет, что ему отбили почки, или иные внутренние органы изощренными способами, медик обязан при помощи раз-

личных диагностик обследовать подследственного и письменно доложить курирующему прокурору о состоянии его здоровья с приложением своего заключения о возможности применения к нему пыток и необходимости проведения судебно-медицинской экспертизы. Бездействие врача в таких ситуациях должно рассматриваться как уголовно наказуемое деяние [5].

Полностью разделяя мнение М. Сарсембаева о регулировании деятельности медицинского работника в следственных изоляторах, считаем, что данные нормы будут полностью отвечать решению поставленных задач – предотвращению пыток при проведении стадии оперативно-розыскных мероприятий и стадии уголовного процесса – предварительное следствие. Предложение ученого по поводу установления видеокамер во всех помещениях, коридорах оперативно-следственных учреждений с возможностью прокурору отслеживать процесс следственных действий, содержания и охраны мест изоляции в любое время дня и ночи, интересное. Но, по нашему мнению, явно преждевременное, так как требует огромных затрат в целом по стране, кроме этого требует серьезное развитие новых технологий, скоростной интернет, в чем явно Казахстан уступает другим странам. Реализация данного предложения возможна в будущем. Так, например, в 2012–2013 году государство, в лице Верховного Суда Республики Казахстан, поставило задачу обеспечить видеокамерами все залы судебных заседаний в республике с обязательной видеозаписью процессов, которые будут записываться на диски и храниться при материалах дела. Это шаг вперед.

В 2012 году содержание и охрану следственных изоляторов, мест лишения свободы опять вернули из ведения Министерства Юстиции в ведение Министерства внутренних дел. Решение руководства страны исходит лишь из многолетнего опыта МВД в данном вопросе.

Полностью не согласны с данным решением! Расцениваем его шагом назад в прошлое, так как считаем, что при совершении следователями пыточных действий, сотрудники следственного изолятора вряд ли будут стараться замечать следы пыток на теле подследственных, оперативно реагировать на данные факты, вызывать прокурора так как все являются сотрудниками одного министерства, будет существовать личная заинтересованность для скрывания фактов пыток.

К сожалению, проделанная законодателем работа по совершенствованию законодательства против пыток не разрешила всех проблем в области защиты прав человека. Так, по статистическим данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан за 2005 г. по ст. 347-1 УК РК осуждено было всего 2 лица, тогда как в 2006 г. осуждено 7 лиц. Продолжает сохраняться высокий уровень преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, которые носят, как правило, латентный характер. Применение пыток имеет значительное распространение среди сотрудников органов внутренних дел, производящих следствие или дознание.

В Докладе о ситуации с правами человека в Казахстане за 2009 год указано, что страну посетил Манфред Новак, специальный докладчик ООН по пыткам и другим видам жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения

или наказания, который инспектировал места заключения и изоляторы. Согласно его оценке, пытки не имели широкого распространения, хотя традиционная безнаказанность позволяла полиции прибегать к крайним мерам таким, как тяжкие побои и удушения, для получения признательных показаний. Жалобы о пытках полиция расследовала редко. В Офис Уполномоченного по правам человека в течение 2009 года было 1090 обращений граждан с жалобами [4].

В 2011 году в УК РК были внесены следующие изменения: из Главы 15 исключена статья 347-1, а в Главу 3 «Преступления против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина введена дополнительная статья 141-1 «Пытки».

Также в настоящее время граждане Республики Казахстан имеют право обращаться с жалобами в Комитет ООН по правам человека с жалобой против государства, утверждая, что его права, предусмотренные Конвенцией против пыток, нарушены.

Факты принуждения к даче показаний и пыток со стороны сотрудников полиции, кроме непосредственного ущерба в виде осуждения невиновных, уклонения от ответственности лиц, совершивших преступления, несут в себе и потенциальную опасность. Данная опасность связана с причинением вреда здоровью граждан, потерей доверия к государству, не способного защитить от произвола и пыток, попыткам самосуда, обращения за помощью к преступным группировкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями, внесенными Законом РК от 7 октября 1998 г. № 284-1 и Законом РК от 21 мая 2007 г. № 254-III ЗРК // Информационная система «Параграф», 2012.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. // Информационная система «Параграф», 2012.
3. Доклад о ситуации с правами человека в Республике Казахстан за 2007 год (опубликовано Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда, 11 марта 2008 года) // Информационная система «Параграф», 2012.
4. Доклад о ситуации с правами человека в Республике Казахстан за 2009 год (опубликовано Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда, 11 марта 2010 года) // Информационная система «Параграф», 2012.
5. Сарсенбаев М., Сарсенбаев Д. Противодействие пыткам в рамках закона // www.uridicheskayagazeta– 2012 (Дата обращения: 25.06.2013)

Summary

PRACTICAL ASPECTS OF ITS IMPLEMENTATION INTERNATIONAL NORMS IN COMBATING TORTURE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

G.G. Kadyrova

East Kazakhstan regional University

Abstract. The article considers the problem of compliance with international human rights and the fight against torture in the Republic of Kazakhstan.

Key words: human rights; torture; state; litigation.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кадырова Галина Геннадьевна – старший преподаватель кафедры права Восточно-Казахстанского регионального университета, Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск; E-mail: 1galgen@mail.ru

Kadyrova Galina Gennadyevna – senior teacher of the Department of law of the East Kazakhstan regional University, Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk; E-mail: 1galgen@mail.ru

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКЦИЙ НА ОБЪЕКТАХ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

Комаров В.В.

Академия управления МВД России

Аннотация. В статье рассматривается вопрос безопасности на объектах воздушного транспорта на территории Российской Федерации и обозначаются основные пути решения проблем антитеррористической защищённости транспортного комплекса.

Ключевые слова: авиация; транспорт; терроризм; безопасность.

Воздушный транспорт, способный быстро и с комфортом доставить пассажира в любую точку земного шара, появился в XX в. Теперь это самый скоростной вид транспорта для перевозок пассажиров и груза на ближние и дальние расстояния. С помощью воздушного транспорта неимоверно расширились мировые транспортные связи между всеми членами мирового сообщества.

Особая роль воздушного транспорта и транспортной безопасности в обеспечении национальных интересов Российской Федерации в значительной мере обусловлена некоторыми характеристиками, присущими территории нашего государства, в том числе:

- ее размерами;
- недостаточно развитой системой наземного транспорта;
- наличием богатейших природных ресурсов мирового значения, расположенных на ее территории, часто в отдалении от экономических центров страны, в труднодоступной, с экстремальными климатическими условиями, слабо освоенной местности;
- неравномерным развитием ее регионов, различной плотностью населения;
- уникальным геостратегическим положением территории государства на Евразийском континенте.

Учет этих характеристик позволяет в полном объеме понять роль воздушного транспорта и его безопасности в обеспечении национальных интересов России.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании расширенной коллегии МВД 8 февраля 2013 года Москва в числе наиболее приоритетных задач, стоящих перед МВД России, назвал повышение взаимодействия с Национальным антитеррористическим комитетом по повышению уровня защищённости транспортной инфраструктуры [6].

Под обеспечением антитеррористической безопасности объектов воздушного транспорта понимается реализация определяемой государством системы

правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства.

Эксперты признают, что проблема безопасности в авиации до сих пор остается не до конца разрешенной, и потому эта транспортная ветвь является главной целью террористов [1].

Вопросы предупреждения и пресечения экстремистских и террористических акций на объектах воздушного транспорта решаются в основном предотвращением доступа посторонних лиц и транспортных средств к контролируемой зоне аэропорта, исключением возможности незаконного провоза на воздушном судне оружия, боеприпасов, взрывчатых, радиоактивных, отравляющих, легковоспламеняющихся веществ и других опасных предметов, обязательным досмотром пассажиров, в том числе вещей, находящихся при них, и багажа, а также охраной воздушных судов на стоянках в целях исключения проникновения на них посторонних лиц.

После учащения случаев захвата воздушных судов во всем мире максимальное внимание было уделено системам обеспечения безопасности именно авиационных узлов. (В 1990 году было отмечено небывалое за всю историю Аэрофлота количество попыток захвата и угона ВС. Были осуществлены 33 такие акции (24 попытки захвата ВС и 9 случаев угона ВС за границу) [4].

Одним из способов (наряду с применением современных технических средств досмотра пассажиров, ручной клади и багажа) является технология выявления в потоке пассажиров – потенциальных правонарушителей, которая называется «профайлинг».

Существующая система обеспечения мер авиационной безопасности в аэропортах Российской Федерации является пятиуровневой. Сохраняя данный подход, целесообразно:

- организовать визуальный контроль и видеонаблюдение за въезжающим на территорию привокзальной площади и паркинги автотранспортом, пассажирами, прибывающими на привокзальную площадь личным и общественным транспортом, поручив подразделениям полиции на местах въезда функции опроса (выборочного) о целях въезда на территорию, примыкающую к аэропорту;

- пункты досмотра на входах в пассажирские терминалы аэропорта необходимо укрепить специалистами-профайлерами, возложив именно на этот уровень основную функцию психологического контроля. Это даст возможность уже на этапе входа в здание, где имеется значительное скопление людей, выявить лиц, склонных к совершению преступлений или угрозам самоубийством. Именно этот уровень дает возможность расширить зону охвата исследуемых, расширив ее на всех лиц, входящих в здание. Он же дает физическую и юридическую возможность проведения опроса с целью установления причины посещения аэропорта;

- предлагается рассматривать второй уровень психологического контроля существующего ныне профайлинга пассажиров, направляющихся на посадку, проводимый в зоне специального контроля, где производится регистрация пассажиров и их 100% предполетный досмотр. Вместе с тем с учетом сложности и

объема работы на регистрацию следует выделять двух специалистов-профайлеров, а не одного регистратора, как это происходит сейчас [3].

В числе основных задач предупреждения и пресечения актов незаконного вмешательства (АНВ), определенных Федеральным законом «О транспортной безопасности» ФЗ-16 от 09.02.2007 года, названы:

- нормативное правовое регулирование в области обеспечения транспортной безопасности;
- определение угроз совершения актов незаконного вмешательства;
- оценка уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и воздушных судов;
- категорирование объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств;
- разработка и реализация требований и мер по обеспечению антитеррористической защищенности и так далее [9] (всего – 9 задач).

Выполнение задач по решению вопросов предупреждения и пресечения АНВ на объектах воздушного транспорта и требований Федерального закона «О транспортной безопасности» затрудняется также ввиду несогласованности позиций силовых структур и транспортных организаций в реализации требований закона.

Среди задач, решаемых подразделениями полиции по обеспечению общественной безопасности и охраны общественного порядка [10], одной из важнейших является участие в обеспечении авиационной безопасности в области гражданской авиации.

В последние годы количество актов незаконного вмешательства¹ в деятельность воздушного транспорта по сравнению с прошедшими годами уменьшается, но возрастает общественная опасность данных преступных деяний. (В период с 2000 по 2008 год произошло 2 случая захвата ВС и два случая взрыва ВС в воздухе террористками-смертницами.)

Для Российской Федерации эта проблема не потеряла актуальности и в настоящее время. Примером может служить террористический акт в аэропорту Домодедово, совершенный 24 января 2011 года, унесший 37 жизней (ранено 117 граждан). Данное деяние вызвало необходимость совершенствования нормативной базы безопасности объектов воздушного транспорта и совершенствования действий подразделений полиции по пресечению подобных правонарушений.

Уровень осуществления мер по предупреждению и своевременному пресечению актов незаконного вмешательства на основе действующего законодательства явно недостаточен. Основные концептуальные документы в указанной области имеют преимущественно оборонительный характер и не рассчитаны на

¹ *Акт незаконного вмешательства – противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающий безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекший за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавший угрозу наступления таких последствий (см. ФЗ №16 от 09.02.2007 г. «О транспортной безопасности».

упреждение [5]. В силу этого, по мнению профессора А.Ф. Майдыкова, государственные институты фактически обречены на постоянное отставание от новых угроз терроризма.

В последнее время был издан целый ряд документов, регулирующих вопросы безопасности в транспортной сфере, в частности Федеральный закон «О транспортной безопасности», Указ «О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте», принято множество подзаконных актов, Правительством Российской Федерации утверждена соответствующая программа, субъектам транспортной инфраструктуры было поручено разработать планы обеспечения безопасности. В соответствии с Указом Президента России введена должность заместителя Министра внутренних дел по вопросам безопасности на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Следует отметить, что система обеспечения авиационной безопасности имеет некоторую специфику по сравнению с обеспечением безопасности на иных объектах транспорта. Прежде всего она заключается в наличии на объектах авиационной инфраструктуры собственных служб авиационной безопасности (САБ), которые были образованы в 1993 году. С момента своего возникновения САБы являлись службами с особыми уставными задачами, главными из которых по сей день являются охрана жизни и здоровья пассажиров, а также защита объектов транспортной инфраструктуры. Такая деятельность предусматривает возможность применения силы, в том числе оружия в отношении лиц, совершающих или намеревающихся совершить акт незаконного вмешательства в деятельность авиации.

С появлением в аэропортах наряду со службами авиационной безопасности новых субъектов обеспечения безопасности в лице подразделений вневедомственной охраны МВД России и Минтранса России (согласно ст. ст. 83 и 84 Воздушного кодекса РФ), проявились тенденции по дублированию функций между ними. В настоящее время сложилась такая ситуация, что с увеличением количества задействованных служб уменьшается согласованность их действий. Так, поскольку все эти подразделения имеют разную ведомственную принадлежность и являются полностью независимыми от администрации аэропорта, они не связаны с ней единой системой управления. Негативными последствиями указанной ситуации является принятие управленческих решений в сфере обеспечения авиационной безопасности каждым из субъектов ее обеспечения в отдельности в условиях отсутствия полной и достоверной информации о текущем состоянии дел, а также (что вызывает особую настороженность) потенциальный конфликт интересов при появлении опасных факторов или нештатных ситуаций.

При этом можно сделать вывод об отсутствии единого понимания в вопросе о разделении сфер ответственности в области обеспечения транспортной безопасности между государственными органами и бизнесом, а также недостаточном использовании потенциала механизма государственно-частного партнерства в данной сфере [8].

Научный анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что основной причиной неэффективной работы по обеспечению транспортной

безопасности является отсутствие координации в деятельности федеральных органов исполнительной власти в области безопасности, а также отсутствие компетентного комплексного подхода к решению проблемы безопасности на транспорте [2].

Вместе с тем, следует признать, что принятые в последнее время нормативные правовые акты не вполне структурируют обязанности тех или иных субъектов обеспечения безопасности на воздушном транспорте, что и порождает споры, подобные вышеизложенному.

Так, вызывают недоумение Правила охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры, утвержденные Постановлением Правительства РФ № 42 от 1 февраля 2011 года, которые содержат весьма туманные представления об организации охраны, не раскрывающие ее систему и возлагающие организацию подобной охраны исключительно на «лиц, осуществляющих эксплуатацию аэропортов и объектов их инфраструктуры». Роль органов внутренних дел по данному документу ограничивается использованием подразделений вневедомственной охраны на границах территории международных аэропортов. Спорным, на мой взгляд, является упомянутый выше документ – утвержденные 8 февраля 2011 года приказом Минтранса России № 40 Требования по обеспечению транспортной безопасности, учитывающие уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта. Объективно можно говорить о том, что указанный Приказ не внес ясности в разграничение между субъектами транспортной инфраструктуры, МВД и ФСБ, обязанностей по обеспечению безопасности. В соответствии с приказом Минтранса России № 40 транспортники обязаны выявлять и задерживать лиц, подготавливающих преступления, в том числе террористические акты, производить личный досмотр граждан и их вещей в так называемых «зонах свободного доступа», выявлять и изымать у граждан предметы, запрещенные или ограниченные для перемещения в зоне свободного доступа и так далее. При этом перечень таких предметов законодательно не определен. Как именно выполнять подобные весьма специфические функции в приказе не оговорено, тем более субъекты транспортной инфраструктуры, в том числе и САБы, не подпадают под действие Федеральных законов № 144-ФЗ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» и № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и правовых оснований заниматься оперативно-розыскной деятельностью у них нет. Безусловно, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, борьба с преступностью на всех объектах транспорта, включая контроль за оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ должны являться функцией линейных органов внутренних дел на транспорте, в то время как вопросы предполетной подготовки, технического оснащения средствами безопасности, наблюдения за пассажиропотоком и так далее, должны быть отнесены к компетенции служб аэропортов и иных авиационных объектов.

Для того чтобы провести качественный анализ совершаемых правонарушений на воздушном транспорте, необходимо иметь четкую картину по всей территории Российской Федерации. Однако в настоящее время в отчетности

представляемой ГИАЦ МВД России нет графы – «совершаемой на воздушном транспорте», цифры представляются в целом на транспорте. Хотя с учетом вышесказанного видно, что воздушный транспорт и обеспечение его безопасности имеют свою специфику. Также, на мой взгляд, стоит рассмотреть вопрос о возврате к предыдущей системе построения органов внутренних дел на транспорте и выделить подразделения на воздушном транспорте в самостоятельные.

Основные пути решения проблем антитеррористической защищённости транспортного комплекса:

- пересмотр всей действующей системы законодательных и иных нормативных правовых актов, определяющих функционирование всей транспортной инфраструктуры с чётким определением прав, обязанностей, компетенции хозяйствующих субъектов и правоохранительных органов по антитеррористической защищённости транспортной инфраструктуры, с чётким разграничением зон охраны и ответственности хозяйствующих структур, Минтранса, МВД России (по организации охраны аэропортов и объектов инфраструктуры);

- создание единой государственной системы антитеррористической защищённости (объекты, субъекты) и транспортных средств (по типу РСЧС);

- повсеместное техническое оснащение (приборами видеоконтроля) объектов транспортной инфраструктуры (метро, аэропорт);

- консолидировать научный потенциал Минтранса России, ФСБ России, МВД России и других субъектов в целях осуществления системы комплексных, межведомственных научных исследований по проблемам антитеррористической защищённости транспортного комплекса;

- осуществить нормативно-правовую разработку алгоритмов совместных действий работников транспорта и сотрудников правоохранительных органов по выявлению и нейтрализации угроз незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса как в повседневных условиях деятельности, так и в условиях различных уровней угроз и иных режимах несения службы, а также в условиях действия разных уровней безопасности.

На законодательном уровне повторно инициировать обсуждение проекта Федерального закона об установлении ответственности и участии собственников (независимо от форм собственности) в обеспечении антитеррористической безопасности объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВИНТИ РАН, Борьба с преступностью за рубежом. 2012. №9. С. 37.
2. Духно Н.А., Васильев Ф.П. Теория права и государства. Современные аспекты и проблемы обеспечения безопасности на транспорте.
3. Исаева Л. Профайлинг как современная технология предотвращения противоправных действий на транспорте // Профессионал. 2012. № 6. С. 12.
4. Киреев М.П. Борьба с терроризмом на воздушном транспорте. Докторская диссертация. – М.: Академия управления МВД России, 1995. – С. 28.
5. Майдыков А.В. Проблемы взаимодействия европейских стран в борьбе с международным терроризмом // Чрезвычайное законодательство и борьба с тер-

- поризмом: Сб. научн. статей. – М.: Академия управления МВД России, Институт социологии РАН, 2003. С. 77.
6. Невнутреннее дело // Российская газета. 2013. 11 фев. №6004(28).
 7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию // Российская газета. 2012. 13 дек. № 287.
 8. Саядова А.С. Угрозы Транспортной безопасности Российской Федерации // Юрист-правовед. 2012. № 2. С. 57.
 9. Федеральный закон «О транспортной безопасности», ФЗ-16 от 09.02.2007 года.
 10. Федеральный закон №3–ФЗ «О полиции» 2011 год. Гл. 3. Ст. 12. П.5.

Summary

WAYS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF PREVENTION AND SUPPRESSION OF EXTREMIST AND TERRORIST ACTIONS THE AIR TRANSPORT OBJECTS

V.V. Komarov

Academy of management of the Russian interior Ministry

Abstract. The article considers the question of security on the objects of the air transport on the territory of the Russian Federation and basic solutions to the problems of anti-terrorist security of the transport complex.

Key words: aviation, transport, terrorism, security

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Валерий Валентинович – преподаватель кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Академии управления МВД России, полковник полиции; E-mail: -uvd-osob@mail.ru

Komarov Valery Valentinovich – lecturer of the Department of internal Affairs bodies in the special conditions of the Academy of management of the Russian interior Ministry, Colonel of police; E-mail: -uvd-osob@mail.ru

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Каменских Н.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сущности и трансформации возможностей реализации местного самоуправления в контексте построения информационного общества.

Ключевые слова: местное самоуправление; информационно-коммуникационные технологии; стейкхолдеры.

Обращение к местному самоуправлению (МСУ) как общественной организации, в которой происходит признание взаимозависимости, солидарности интересов различных муниципальных субъектов, их права участвовать в политических и социально-экономических делах, принятии управленческих решений предопределяет необходимость определения векторов теоретических подходов для раскрытия сущности этого института в системе координат современного этапа развития.

Во-первых, формирование МСУ предполагает институционализацию ценностей и норм. Представители школы институционализма (Т. Веблен, У. Митчелл, Дж. Гэлбрейт, Д. Норт, Р. Коуз и другие [1]) подчеркивают значение общественных установок, культуры, социума в целом в формировании индивидуума, его интересов, склонностей, способов ведения хозяйственной деятельности, ставят зависимость экономического прогресса от социальных сил. При этом институт рассматривается как организация, упорядочивающая взаимодействие между индивидуумом и властью для достижения специальной цели, закрепленной разделяемыми всеми участниками нормами и правилами, включающие процедуру реализации социального контроля со стороны общества как рациональные формы и границы деятельности названных субъектов [2]. Различные сочетания этих форм и границ способны влиять на эффективность общественного производства. Подчеркнем, что актуальным выглядит обращение к работам последователей школы Н.А. Цаголова, в которых предложено в критерии общественного производства включить чувство справедливости [3]. В нашем контексте справедливость может выступать индикатором общественного развития, отражающим оценку результата реализации стратегического решения на местном уровне.

Для проведения дальнейшего исследования обратим внимание на процесс построения информационного общества, характеризующийся увеличением роли информации и знаний, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), информационных продуктов и услуг в ВВП, использованием технологий коллективного интеллекта, обеспечивающих

эффективное партнерство, доступом к информации и удовлетворением социальных и личностных потребностей людей [4]. Эволюционным шагом для России представляется принятие государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)». Цель программы заключается в получении гражданами и организациями преимуществ от применения ИКТ за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, формирования цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе [5].

Под воздействием отмеченных тенденций теория институционализма приобретает новые очертания, трансформируясь в «электронный институционализм». В некоторых источниках дается характеристика электронных институтов – они формируются на основе электронных рабочих групп не только как оперативные рабочие представительства участников и организаторов общественно-государственных, социально-политических и информационно-экономических процессов в электронной информационно-технологической среде, но и как новые, эффективные «электронные офисы» (объективная реальность новой экономики) – экспертные, мониторинговые и организационно-деловые каналы и интернет-площадки, располагающие всеми необходимыми информационными средствами для непрерывной совместной работы деловых групп во всех регионах России по конкретным проектам в рамках общей стратегии глобальных прогрессивных изменений [6]. При этом делается акцент на то, что прикладные электронные институты должны занять повседневное место среди традиционных институтов общества.

Муниципальный уровень управления является активным пространством для осуществления модели «электронного институционализма», которая должна обеспечить переход к электронной демократии – «созданию информационного общества как «сплетения» сетей взаимодействия человеческих сообществ по всем направлениям гуманитарного развития государства, общества, экономики» [6]. Отметим, что еще в 1996 г. американский исследователь Д. Шулер писал: «Наиболее важный аспект общественных сетей заключается в их огромном потенциале повышения участия граждан в общественных делах. Потенциал этот гораздо более значителен, чем предлагаемый традиционными средствами массовой информации, такими как, например, газеты, радио или телевидение» [7].

Востребованным является второй вектор, имеющий проекцию на плоскость развития идей институционального подхода, связанных с взаимодействием групп людей, что обнаруживается в теории заинтересованных сторон – стейкхолдеров (от англ. stakeholder – группа влияния) (Р. Фриман, Р. Митчелл, Т. Роули [8], А.Т. Зуб), исследованиях Кубанской школы развития местных сообществ (Т.Т. Авдеева, Ю.В. Филиппов и другие).

В муниципальной организации в качестве стейкхолдеров принято выделять органы МСУ, представителей бизнес-сообщества и местное сообщество. Подчеркнем, что через институт МСУ местное сообщество реализует право на удовлетворение своих потребностей и самостоятельное решение местных проблем и дел. В свое время Л.А. Велихов писал, что право местного сообщества

на заведование своими делами является таким же естественным и неотчуждаемым, как права человека, и что община является основополагающей по отношению к государству, поэтому последнее должно уважать свободу общинного управления [9].

Но трактовка МСУ через призму идей теории заинтересованных сторон не ограничивается лишь совместным ведением дел в интересах некоторой группы, проживающих на локальной территории. Эта группа реализует определенные властные полномочия, то есть возможность для решения своих проблем регулировать отношения и добиваться от окружающих исполнения требований, а также может влиять на стратегические решения.

Перечисленные варианты деятельности местного сообщества в контексте идей МСУ являются ожидаемыми и востребованными со стороны представителей власти. Это способствует укреплению позиций местного сообщества как реального элемента системы МСУ.

Нельзя не согласиться с А.Н. Фоминым, который указывает, что на формирование местного сообщества и его активность влияет развертывание следующих процессов:

- действие на территории различных социальных структур;
- формирование социально-психологического климата территории или социального капитала;
- формирование локальных уровней местного сообщества – соседских сообществ;
- поддержка органами власти общественных инициатив [10].

В свою очередь одним из условий реализации этих процессов является применение партнерских методов (осуществление бриджинга) на местном уровне. Действительно, в муниципальном образовании можно обнаружить разнообразные отношения между группами внешних и внутренних стейкхолдеров. Например, участие граждан в жизнедеятельности города, в том числе через общественные структуры (это могут быть некоммерческие организации, Совет ветеранов, профсоюзы, бизнес-инкубатор, молодежный парламент, досуговые, спортивные организации, профессиональные виртуальные сообщества и другие), и их взаимодействие являются признаками, того, что на соответствующей территории образовано местное сообщество.

Между тем, необходимо отметить, что между стейкхолдерами также могут существовать определенные отношения, которые не всегда носят кооперативный характер, а могут быть и конкурентными. Однако всегда стейкхолдеров можно рассматривать «как единое противоречивое целое, равнодействующая интересов частей которого будет определять траекторию эволюции МСУ [11]».

Развертывание информационного общества ориентирует на развитие новых форм реализации интересов заинтересованных сторон. В частности, появляются саморегулируемые сообщества, в том числе жизнедействующие в виртуальном пространстве, более привычным становится открытое общественное наблюдение и оценка результатов деятельности, например, через общественные индикаторы развития, направленные на решение социальных проблем, укре-

няется взгляд на управление как на «многослойный» процесс, в котором участники предпринимают коллективные действия (краудсорсинг, краудинвестинг) для решения проблем, представляющих важность для всех, демонстрируют изменения в своем коммерческом и ином поведении.

Многочисленные примеры добровольной ответственности государственного, частного и общественного секторов за решение тех или иных проблем способствовали осознанию нового феномена, который можно обозначить как «активная гражданственность [12]».

Итак, можно заключить, что положения, соответствующие векторам теориям стейкхолдеров и «электронного институционализма», эффективно применяемые в стратегическом менеджменте, гармонично вписываются в систему признаков института МСУ. Вместе с тем автор придерживается следующей, достаточно простой позиции: одной из установок социально-экономического развития в рамках реализации МСУ должно являться осознание нами, гражданами, того, что МСУ является правом, социальной ценностью и ресурсом развития, а также понимание того, что целеустремление каждого из нас улучшить качество жизни в своем собственном доме, поселении как следствие приведет к повышению качества жизни в стране в целом. И «каждый член общества должен вести себя так, как если бы он – в меру своих возможностей – был ответственен за целое [13]».

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен Т. Теория праздного класса: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984; Коуз Р. Фирма, право и рынок [Текст]: монография. – М.: Дело ЛТД, 1993. – 192 с.; Митчелл У. Экономические циклы: Проблема и ее постановка. – М.; Л., 1930.
2. Институциональный подход к анализу рыночных и нерыночных хозяйственных систем. URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/BESSONOVA/b3/2.html> (дата обращения 05.09.13).
3. Суворов В.В. О соотношении эффективности и справедливости в экономике/Российская экономическая наука: традиции и современность (Цаголовские чтения) // Рук. авт. кол-ва А.А. Пороховский. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998. – С. 120-127.
4. Ершова Т.В., Хохлов Ю.Е., Шапошник С.Б. Информационное общество для всех сегодня и завтра: совместные действия заинтересованных сторон по реализации стратегии развития информационного общества// Информационное общество. 2008. № 5-6. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/2e46939f6fc580d6c325757700409b99> (дата обращения: 03.09.2013); Каменских Н.А Информационно-коммуникационные технологии как инструмент реализации социально-экономической политики муниципального образования/ Вестник Университета (Государственный университетуправления). Серия «Развитие отраслевого и регионального управления». – М.: ГУУ, 2010. – №14. – С. 74-81.
5. Распоряжение от 20.10.2010 г. № 1815-р. «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»// «Собрание законодательства РФ». 15.11.2010. № 46.
6. Шилов С.Е. Электронный институционализм – стратегия инновационного развития России URL: <http://>

- emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/3916bfe5e80c1e94c325757c00483c08 (дата обращения: 15.09.2013).
7. Schuler D. *New community networks: Wired for change*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1996. P. 25.
 8. Freeman R.E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Boston, 1984; Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. *Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience*. 1997. Vol.24. N4. P.853-886; Roswley T.J. *Moving beyond Dyadic Ties: a Network Theory of Stakeholder Influences*// *Academy of Management Review*. 1997.
 9. Велихов Л.А. *Основы городского хозяйства*. – М., 1928. – С. 236.
 10. Фомин А.Н. *Местное сообщество: понятие, условия формирования*// *Школа жилищного просвещения*. URL: <http://volgograd.shgp.ru/page/a/40/> (дата обращения 10.09.13).
 11. Зуб А.Т. *Стратегический менеджмент: Теория и практика*. Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 95.
 12. *Responsibility in the Global Information Society: Towards Multi-stakeholder Governance* / Jonathan Cave, Chris Marsden, Lisa Klautzer, Ruth Levitt, Constantijn van Oranje-Nassau, Lila Rabinovich, Neil Robinson. – Rand Europe, 2007; Плотинский Ю.М. *Проблемы развития общества знаний: социокогнитивный подход*. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/009534523eb8e426c325757500515eff> (дата обращения: 15.09.2013).
 13. Хакен Г. *Синергетика: самоорганизующееся общество*. URL: <http://www.bioinformatix.ru/interesnoe/sinergetika-samoorganizuyuscheesya-obschestvo.html> (дата обращения 10.09.13).

Summary

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF BUILDING THE INFORMATION SOCIETY

N.A. Kamenskih

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article considers the issues of nature and transform the opportunities of realization of local self-government in the context of the information society.

Key words: local self-government; information and communication technologies; stakeholders.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каменских Надежда Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и бизнеса Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: kamenskih-n@yandex.ru

Kamenskih Nadejda Alekseevna – associate Professor of Economics, management and business, Ph.D. of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: kamenskih-n@yandex.ru

ВЛАСТЬ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Коцюбинский И.П.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена проблеме стратегического развития России и качественному государственно-политическому управлению в реализации конкурентных преимуществ государства, интенсификации экономического развития при переходе от добывающей экономики к экономике знаний.

Ключевые слова: рыночная экономика; научно-технический потенциал; экономика знаний; биотехнологии; инфраструктура инновационного бизнеса; оборонно-промышленный комплекс; качество власти.

Новейшая история поставила Россию в невыгодные условия «догоняющего развития». России в первую очередь необходимо преодолеть периферийный характер своей экономики и реализовать все свои конкурентные преимущества:

– *наличие богатейших природных ресурсов*, огромная территория и особое географическое положение, которое позволяет планировать создание международной транспортной и коммуникационной инфраструктуры.

– *сохраняющийся кадровый и научно-технический потенциал*, высокое качество человеческих ресурсов, развитие которых – один из важнейших факторов устойчивого роста экономики постиндустриального типа.

– *общепризнанные культурные достижения.*

Для того чтобы реализовать эти преимущества, необходимо добиться нового уровня и качества государственно-политического управления.

Стратегическое развитие России зависит от качества власти вследствие следующих факторов.

Первое. Интенсификация экономического развития, переход от добывающей экономики к экономике знаний немыслимы без активного участия государства.

Успех сопутствует только тем странам, которые включены в мировую экономику. Россия с опозданием выходит на свободный мировой рынок и пока не имеет возможности определять правила мировой торговли. Но это не означает, что Россия не может отстаивать свои интересы за рубежом, продвигать собственные стандарты, товары и услуги.

Сейчас на долю России приходится менее 1,5% мирового рынка высокотехнологичной продукции (для сравнения, на долю США – 33%, ЕС и Японии – по 18–20%). При этом около 80% суммарного объема наукоемкого производства промышленности Российской Федерации сосредоточено в трех отраслях, входящих в оборонно-промышленный комплекс:

– *в авиаракетно-космической отрасли;*

– в военно-ориентированных отраслях;
– и в атомной промышленности, что стало возможным, прежде всего за счет увеличения госзаказа.

Инновационная деятельность в других отраслях минимальна и продолжает ждать внимания со стороны государства и бизнеса.

Государство постепенно возвращается в науку и как заказчик, и как посредник, на данный момент оно финансирует и продвигает только наиболее перспективные и конкурентоспособные научные направления: *энергетику, ядерные, космические, авиационные, информационные и биотехнологии.*

Остальные направления мог бы поддержать отечественный бизнес. Однако он сам испытал шок, столкнувшись с реалиями мировой конкуренции, как на внешних рынках, так и внутри страны. Чтобы выжить в современной конкурентной среде и повысить свою эффективность, российскому бизнесу необходим определенный набор гарантий в сфере экономического регулирования. Это равные возможности по защите своих прав, равный доступ к механизмам государственной поддержки, четкие правила игры и разумное бремя обязательств перед государством. *Пока наш бизнес продолжает страдать от административных барьеров, обилия нормативов и сложных процедур, навязываемых чиновником.*

Отечественному бизнесу приходится стучаться в закрытую дверь там, где его мировые конкуренты решают свои проблемы с помощью отлаженных государством механизмов и правовых норм. Поэтому так *медленно развивается инфраструктура инновационного бизнеса.* Суть проблемы можно понять в результате следующего сравнения. В финском городе Оулу, где проживает 100 тыс. человек и действует один университет, работает технопарк общей площадью 70 тыс. кв. м. А в Санкт-Петербурге, где население составляет 5 млн. и действуют 53 государственных и 43 негосударственных вуза, работают десятки академических институтов, общая площадь технопарков – всего 15 тыс. кв. м.

Большинство российских конкурентоспособных технологий не в состоянии выйти на мировой рынок без государственной поддержки. Значит, такая поддержка должна быть оказана. Это обычная практика современных государств.

Идея технопарков – наши управленческие структуры не слишком озабочены проблемой вынесения этих вопросов на обсуждение, даже в рамках научного сообщества. А общественность, похоже, вообще не располагает сведениями ни о целях, ни о сроках, ни о масштабах финансирования этих проектов.

Стратегия государства должна быть принята и понята активной частью общества. Только в этом случае она может быть реализована.

Второе. Именно от качества власти, принимаемых государственных решений зависит возможность преодолеть острое социальное неравенство, вопиющую бедность наших сограждан. Низкий уровень жизни миллионов людей объективно становится тормозом на пути к инновационной экономике и препятствием для вхождения России в круг ведущих мировых держав.

Большинство граждан России обеспокоены последствиями реформ 90-х годов, которые привели к жесткому расслоению общества. По меткому выражению Сергея Миронова, «к абсолютно бесперспективному расслоению»¹.

Вместе с тем рыночная экономика – это не просто свободные цены, частная собственность и прибыль. Это еще и общество, те самые образованные и социально благополучные люди, составляющие наш социальный капитал, который в условиях глобализации становится основным показателем успешно функционирующей экономики.

Эффективность и качество государственного управления необходимо оценивать по таким критериям, как продолжительность жизни, здоровье, качество питания, медицинского обслуживания, образования, состояние культуры. В этих социальных индикаторах одновременно присутствуют и цели, и средства экономического развития. Именно они свидетельствуют об определенном качестве власти.

Не случайно Президентом были инициированы в качестве национальных проектов программы, связанные прежде всего с социальной сферой, расширением и поддержкой потенциала отечественного здравоохранения и образования. Эти проекты позволят запустить в действие механизмы социальной защиты и в известной мере восполнить несовершенство рынка.

Третье. Несмотря на то, что в стране активно проводилась административная реформа, общественный запрос на более качественную власть, работающую на модернизацию страны, на повышение ее конкурентоспособности, в мире лишь усилился. Люди требуют более активных и последовательных действий по реформированию власти, чем это происходит сейчас.

В этом нет ностальгии по сильной руке. Здесь присутствует понимание стратегических целей развития Российского государства и роли государственных институтов в достижении этих целей. По сути дела, речь идет о компетентности и профессионализме нашей власти, о механизмах формирования доверия между властью и обществом, о создании современного государственного менеджмента, который бы отвечал требованиям открытого и справедливого общества.

Для усиления конкурентоспособности нашей страны необходима высокая степень социальной консолидации общества. Именно отсутствие сотрудничества и социальной солидарности привело к тому, что все реформы 90-х фактически свелись к уходу государства из экономической и социальной сферы. Кивая на неэффективность государства, передавая его функции в частный сектор, мы вместо плохих государственных монополий получили еще худшие (но частные), которые вообще перестали считаться с интересами общества.

Большая часть общества надеется, что деятельность Общественной палаты будет непосредственно способствовать развитию конструктивного диалога между обществом, бизнесом и властью, а значит, и повышению качества власти, в том числе и с помощью систематического контроля над ней.

¹ Журнал «Экономика России: XXI век» № 22.

Даже первые дни функционирования Общественной палаты показали ее возможности в плане ограничения деятельности властных институтов. Имеются в виду споры по поводу федерального закона о некоммерческих организациях, где победителями все-таки стали представители общественности.

Необходимо и дальше двигаться в направлении прозрачности власти и транспарентности ее решений. В первую очередь это предполагает учет общественного мнения как источника и основания для выработки и принятия политических решений на всех уровнях власти.

Пока даже постановление Правительства РФ №98 от 12 февраля 2003 года ("Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти"¹ – перечислены 53 вида сведений, которые должны быть доступны гражданам) о необходимости размещения в Интернете ведомственной информации не выполнялось в полном объеме. В подтверждение этого в Петербурге недавно суд обязал семь федеральных ведомств, которые уклонялись от исполнения постановления, открыть в Интернете сайты и поместить необходимую информацию о своей деятельности.

Для того чтобы общественное мнение работало как основание для выработки политических решений, необходимо наличие нормальных гражданских механизмов его формирования, ограничивающих возможность манипуляции. Такими механизмами выступают независимые средства массовой информации, политические партии, общественные организации.

Если говорить о политических партиях, то сегодня мы наблюдаем угрожающую тенденцию свертывания политического пространства. Ошибочное отождествление единства общества с политическим единообразием по принципу «одобряем», доминирование силового и охранительного компонента демократии ведет скорее к ослаблению демократических устоев российской государственности.

Президент РФ Владимир Путин четко определил курс на развитие партий как партнеров государства, выражающих интересы и мнения различных слоев общества, а не обслуги стоящих за государством чиновников.

Нельзя забывать, что высокое качество власти во многом обеспечивается демократическими механизмами ее формирования на основе реального конкурентного процесса.

Очередная попытка перевода российской демократии на командно-административный режим управления обречена. Если политическая система будет продолжать развиваться в сторону монополии одной партии, то сформированная на ее основе власть не сможет адекватно реагировать на те проблемы,

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2003 г. N 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и Федеральных органов исполнительной власти» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 5, ст. Опубликовано в "Российской газете" от 15 февраля 2003 г., No 30 (3144).

которые актуальны для подавляющего большинства граждан. Она будет не в состоянии выработать компромиссы.

Региональные и муниципальные выборы этого года показали усиление непубличных механизмов давления на систему партийно-политического представительства. Закрепляется практика прямого губернаторского руководства избирательной кампанией, в регионах фактически ведется торг о допустимых процентах для той или иной партии.

Формирующаяся моноцентричная партийная система, квази-политические организации типа карманных молодежных движений вряд ли будут способствовать развитию гражданского общества и гражданских инициатив.

Более того, если одна партия монополизует три четверти политического пространства, то это повышает вероятность появления радикальной несистемной оппозиции. Нам же нужна система, которая давала бы реальную возможность по истечении одного или двух избирательных циклов легитимно передавать власть от одной политической силы другой. Без путчей, уличных беспорядков и цветных революций.

Именно борьба, соперничество и сотрудничество различных политических партий, возможность их обращения через СМИ к гражданам способны не только оживить российскую политику, но и дать перспективы развития гражданскому обществу.

Не надо забывать, что центральная власть не обслуживает непосредственно все население страны. Можно обеспечить все федеральные министерства и ведомства «гениями управления», но не прийти к действительно эффективным и комфортным взаимоотношениям населения с государством. Необходимы каждодневные и настойчивые изменения в стиле и методах работы с людьми всех уровней власти и всех ее ветвей. *Сегодня востребована власть, удобная и понятная гражданам.*

Отрадно, что эпоха, когда интеллигенция занималась критикой прошлого, закончилась. Большинство людей, наконец, ушло от поисков ответа на риторический вопрос «кто виноват?». Сейчас критический вектор развернулся в сторону настоящего и будущего. И значимость экспертных функций научного сообщества может и должна возрасть. Но только качественная власть в состоянии воспользоваться анализом и оценить общественную экспертизу.

Президентом РФ В.В. Путиным была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации»¹, в которой огромное значение уделяется развитию информационного общества в РФ.

Информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти.

¹ «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» от 7 февраля 2008 г. N Пр-212. Опубликовано 16 февраля 2008 г. в "РГ" - Федеральный выпуск № 4591.

Увеличение добавленной стоимости в экономике происходит сегодня в значительной мере за счет интеллектуальной деятельности, повышения технологического уровня производства и распространения современных информационных и телекоммуникационных технологий.

Существующие хозяйственные системы интегрируются в экономику знаний. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу существенно усиливает роль интеллектуальных факторов производства.

Международный опыт показывает, что высокие технологии, в том числе информационные и телекоммуникационные, уже стали локомотивом социально-экономического развития многих стран мира, а обеспечение гарантированного свободного доступа граждан к информации - одной из важнейших задач государств.

Динамика показателей развития информационной и телекоммуникационной инфраструктуры и высоких технологий в России не позволяет рассчитывать на существенные изменения в ближайшем будущем без совместных целенаправленных усилий органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества. Необходимо уже в среднесрочной перспективе реализовать имеющийся культурный, образовательный и научно-технологический потенциал страны и обеспечить Российской Федерации достойное место среди лидеров глобального информационного общества.

В настоящей Стратегии закрепляются цель, задачи, принципы и основные направления государственной политики в области использования и развития информационных и телекоммуникационных технологий, науки, образования и культуры для продвижения страны по пути формирования и развития информационного общества.

Целью формирования и развития информационного общества в Российской Федерации является повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий.

К числу основных задач, требующих решения для достижения поставленной цели, относятся:

- формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий;
- повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения на основе развития и использования информационных и телекоммуникационных технологий;
- совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав человека и гражданина в информационной сфере;
- развитие экономики Российской Федерации на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий;
- повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами

государственной власти, качества и оперативности предоставления государственных услуг;

- развитие науки, технологий и техники, подготовка квалифицированных кадров в сфере информационных и телекоммуникационных технологий;
- сохранение культуры многонационального народа Российской Федерации, укрепление нравственных и патриотических принципов в общественном сознании, развитие системы культурного и гуманитарного просвещения;
- противодействие использованию потенциала информационных и телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России.

Развитие информационного общества в Российской Федерации базируется на следующих принципах:

- партнерство государства, бизнеса и гражданского общества;
- свобода и равенство доступа к информации и знаниям;
- поддержка отечественных производителей продукции и услуг в сфере информационных и телекоммуникационных технологий;
- содействие развитию международного сотрудничества в сфере информационных и телекоммуникационных технологий;
- обеспечение национальной безопасности в информационной сфере.

Для решения поставленных задач государство:

- разрабатывает основные мероприятия по развитию информационного общества, создает условия для их выполнения во взаимодействии с бизнесом и гражданским обществом;
- определяет контрольные значения показателей развития информационного общества в Российской Федерации;
- обеспечивает развитие законодательства и совершенствование правоприменительной практики в области использования информационных и телекоммуникационных технологий;
- создает благоприятные условия для интенсивного развития науки, образования и культуры, разработки и внедрения в производство наукоемких информационных и телекоммуникационных технологий;
- обеспечивает повышение качества и оперативности предоставления государственных услуг организациям и гражданам на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий;
- создает условия для равного доступа граждан к информации;
- использует возможности информационных и телекоммуникационных технологий для укрепления обороноспособности страны и безопасности государства.

Настоящая Стратегия является основой для подготовки и уточнения доктринальных, концептуальных, программных и иных документов, определяющих цели и направления деятельности органов государственной власти, а также принципы и механизмы их взаимодействия с организациями и гражданами в области развития информационного общества в Российской Федерации.

Наш народ имеет большой опыт социальных и политических экспериментов. Нельзя допустить, чтобы Россия превратилась в страну нереализованных проектов и невыученных уроков.

Symmary

POWER AND STRATEGY DEVELOPMENT

I.P. Kotsiubynsky

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article covers the problem of Russia's strategic development and quality of public-political management of the realization of the competitive advantages of the state, increasing economic development in the transition from extractive economy to a knowledge economy.

Key words: market economy; scientific and technical potential; knowledge economy; biotechnology; infrastructure for innovative business; military industrial complex; the quality of power.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коцюбинский Игорь Петрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; тел.: 8(065)-438-34-64.

Kotsiubynsky Igor Petrovich – candidate of historical Sciences, senior lecturer, Department of history of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; tel.: 8(065)-438-34-64.

РАЗДЕЛ 4. ЭКОНОМИКА. ПРАВО

УДК 342.8(470+571)

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ДОКУМЕНТОВ РЕФЕРЕНДУМА И ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЯ

Бутяйкин И.А.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты избирательного законодательства, связанные с уголовной ответственностью за фальсификацию избирательных документов

Ключевые слова: выборы; избирательное право; фальсификация.

Право граждан участвовать в формировании властных институтов государства в том или ином виде имело место на всем протяжении истории государственно-политического развития России.

Становление избирательного законодательства представляет собой длительный и незавершенный до сегодняшнего дня процесс, который сопровождается в том числе оформлением и нормативным закреплением юридической ответственности за допускаемые нарушения в ходе осуществления избирательного права граждан. Наиболее серьезное нарушение, которое ставит под сомнение принцип законности всей избирательной системы, связано с фальсификацией избирательных документов, документов референдума и итогов голосования. Факты злоупотребления властью и полномочиями по средству фальсификации и подлога встречаются на протяжении всей истории существования Российского государства. В связи с этим государство устанавливало уголовную ответственность за нарушение избирательных прав граждан.

Выборы в России стали проводиться начиная с X века (выборы части членов Боярской думы, принятие важных решений на вече, формирование церковных Поместных соборов, выборы царя в 1613 году, выборы органов земского и городского самоуправления в XIX веке и так далее), однако они не имели общегосударственного значения и не были направлены на формирование представительных органов государственной власти. Наиболее распространенной формой регламентации выборов в русском государстве на ранней стадии был обычай. Им регулировалась процедура выборов, определение результатов и субъективная возможность участия в выборах.

Несмотря на то, что различные формы фальсификации выборов фактически существовали, юридическая ответственность за них не предусматривалась.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. является первым кодифицированным правовым источником общегосударственного

уровня, в котором были сформированы составы преступлений против избирательных прав (ст. 1425, ст. 1426, ст. 1434).

Разработка норм о фальсификации избирательных документов практически не велась. Законодатель того времени не выделял фальсификацию избирательных документов как отдельное преступление, приравнивая его к подлогу. Тем не менее разработка норм о подлоге в максимально близком к современной модели в русском уголовном праве была завершена к концу XIX века.

Уложением о наказаниях (в ред. 1906 г.) была предусмотрена уголовная ответственность за достаточно широкий круг деяний, посягающий на волеизъявление лиц при голосовании. Появилось много новелл, в том числе впервые были выделены такие составы преступления как противозаконная подача голоса, покупка и продажа голоса, умышленное извращение результатов выборов, подлог официальных документов, что в настоящее время можно отнести к фальсификации избирательных документов и итогов голосования.

Новый этап развития законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за преступления, посягающие на избирательные права, начался после революционных событий 1917 г.

Первый советский Уголовный кодекс 1922 года не содержал норм, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение избирательных прав, кроме ст. 104, которая отвечала скорее интересам новой правящей элиты, нежели ее граждан. Для решения вопросов, касающихся привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию избирательных документов, применялись статьи о должностных преступлениях. Так, ст. 189 УК РСФСР устанавливала ответственность за имущественное преступление – подделку в корыстных целях как официальных, так и простых бумаг, документов и расписок, могла также применяться норма о должностном подлоге (ст. 116 УК РСФСР), которая выделяла данный состав от иных разновидностей подлога по субъекту совершения данного преступления.

С принятием в 1937 г. Положения о выборах в Верховный Совет СССР, а позже Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР и Положения о выборах в местные Советы РСФСР преступления против советской избирательной системы были предусмотрены не только непосредственно в уголовном кодексе, но и в вышеназванных избирательных законах. Так, Положение о выборах в Верховный Совет СССР содержало норму уголовно-правового характера - ст. 112, которая предусматривала ответственность за совершение должностным лицом совета или членом избирательной комиссии подделки избирательных документов и заведомо неправильный подсчет голосов.

Таким образом, впервые в советском законодательстве появилась уголовно-правовая норма, защищающая избирательные права всех граждан, от фальсификации избирательных документов и итогов голосования.

Новой вехой в истории уголовно-правовой охраны избирательных прав граждан стало принятие УК РСФСР 1960г. В УК РСФСР 1960г. появилась новая глава IV «Преступления против политических и трудовых прав граждан». Уголовная ответственность за подлог избирательных документов, заведомо не-

правильный подсчет голосов, нарушение тайны голосования предусматривалась в ст. 133 УК РСФСР.

Вопросы защиты прав избирателей по-настоящему остро встали в связи с реформированием избирательной системы в постсоветский период. Динамичное развитие избирательной системы, появление новых нормативных правовых актов, регламентирующих порядок проведения выборов, потребовали приведение в соответствие с существующими реалиями законодательства, стоящего на страже политических прав граждан.

Именно по этой причине практически ежегодно вносились изменения в статьи УК РСФСР 1960 г., устанавливающие уголовную ответственность за нарушения избирательных прав граждан. Статья 133 УК РСФСР также была дополнена, она стала предусматривать ответственность за неправильное установление результатов выборов.

В связи с принятием в 1990г. Закона РСФСР № 241-1 «О референдуме РСФСР» от 16.10.1990г. возникла необходимость включения в УК РСФСР новой статьи 133.1 «Нарушение законодательства о референдуме».

Новый УК РФ 1996 г. в ст. 142 установил уголовную ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума, заведомо неправильный подсчет голосов либо заведомо неправильное установление результатов выборов, референдума, нарушение тайны голосования, совершенные членом избирательной комиссии, инициативной группы или комиссии по проведению референдума. Однако практика применения данной нормы свидетельствовала о ее существенных недостатках.

Несовершенство норм уголовного и избирательного законодательства способствовали внесению в УК РФ 4 июля 2003 года (№94-ФЗ) [1: с. 270] изменений, в результате которых ст. 142 УК РФ была разделена на две самостоятельные нормы – ст. 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов, документов референдума», и ст. 142.1 УК РФ «Фальсификация итогов голосования».

Однако и эта законодательная новелла имеет свои недостатки. Таким образом, существует объективная необходимость дальнейшего совершенствования норм об уголовной ответственности за фальсификацию избирательных документов, документов референдума и фальсификацию итогов голосования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон РФ №94 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»» от 04.07.2003.// СЗ РФ. 2003. №27 (Ч. 2) – 540 с.
2. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года: Собр. 1. Т. 17: 1765-1766. – СПб., 1830. – 1280 с.
3. Веденеев Ю.А. Очерки по истории выборов и избирательного права. Учебное пособие / под ред. И.А. Богодаровой, Ю.А. Веденева. – М., Калуга: Символ, 1997. – 394 с.

4. Ефремов Н.Н. Становление избирательного права в России // Государство и право. – 1998. - № 3. – 111 с.
5. Минникес И.В. Становление выборных начал в истории русского государства (выборы в Русском государстве в X–XV вв.). Историко-правовое исследование : монография. – Иркутск, 2003. – 450 с.

Summary

THE EVOLUTION OF RUSSIAN LEGISLATION PROVIDING FOR CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR FALSIFICATION OF ELECTION DOCUMENTS, DOCUMENTS OF THE REFERENDUM AND OF THE VOTING RESULTS

I.A. Butyakin

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article considers some aspects of the electoral legislation connected with criminal responsibility for falsification of election documents.

Key words: elections, suffrage, falsification.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бутяйкин Илья Александрович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: butyajkin@bk.ru

Butyakin Ilya Aleksandrovich – candidate of legal Sciences, senior lecturer of the chair of criminal law disciplines of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: butyajkin@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПРОБЛЕМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мухортова М.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Несовершеннолетние – особая категория субъектов уголовных правоотношений. Вопросы уголовной ответственности напрямую связаны с виной, в рамках которой осознание – интеллектуальный элемент субъективной стороны преступления. Процесс осознания несовершеннолетними своего поведения специфичен и испытывает влияние социальных, ценностных ориентиров личности, непосредственно связан с вопросами социализации и воспитания. Именно эту взаимосвязь и необходимо учитывать при целенаправленном воздействии на правосознание несовершеннолетних в качестве профилактики деликтов, а также при установлении вины несовершеннолетних, что обеспечит дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетние; социализация; вина; субъективная сторона; осознаваемое; бессознательное.

Продолжающийся в нашей стране переходный период затрагивает фундаментальные общественные основы, изменяя коренным образом отношения во всех сферах жизнедеятельности общества. Наблюдается эволюция взглядов, представлений, ценностей, но необходимо, чтобы происходящие изменения носили характер позитивного поступательного движения в нормативно-ценностных рамках. Данная трансформация соответственно отражается на сфере уголовно-правовых отношений, субъектами которых являются и несовершеннолетние. Созвучна времени и приобретает особую остроту следующая задача: преодоление противоречия между свободой социализации подрастающего поколения, самовыражением подростков и сохранением, защитой важнейших правовых ценностей, которые обуславливают существование и развитие нашего общества. Несовершеннолетние – особая категория субъектов уголовных правоотношений. В ходе исторического развития наблюдается эволюция представлений об особом правовом статусе и понятии несовершеннолетних¹, и на сегодняшний день УК РФ несовершеннолетними признаёт лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет (п.1 ст. 87)².

¹ См.: Ростокинский А.В. Ювенальная юстиция: проблемы становления и пути их решения. – Саратов: Наука, 2007. – С. 12–15.

² Подробнее о понятии несовершеннолетних см.: Пудовочкин Ю.Е. Уголовная ответственность несовершеннолетних. Курс лекций. – Ставрополь. 2002. – С. 5–8.

Проблема преступности несовершеннолетних и их уголовной ответственности носит комплексный, интегративный характер. На наш взгляд, представляется заслуживающим внимания определение влияния процессов осознания несовершеннолетними общественной опасности своих деяний на форму вины и соответственно уголовную ответственность¹. Уголовная ответственность как элемент уголовно-правового механизма, с помощью которого реализуются задачи уголовного права и его социальное предназначение, должна опираться на содержание процесса осознания субъектом своих деяний и их общественной значимости. Вопросы уголовной ответственности напрямую связаны с виной. Осознание – интеллектуальный элемент вины субъективной стороны преступления, которая раскрывает психическую деятельность и личностное отношение субъекта преступления к совершенному деянию. Процесс осознания несовершеннолетними своего поведения специфичен и испытывает влияние социальных, ценностных ориентиров личности², непосредственно связан с вопросами социализации и воспитания³. Социализацией можно назвать «совокупность социальных и физиологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества»⁴. Необходимо отметить, что социализация – это процесс, продолжающийся всю жизнь⁵, в ходе которого человек приобретает способность следовать предписаниям институтов общества и воспроизводить их. Нельзя не согласиться с Ю.Е. Пудовочкиным, что «в процессе социализации привносится в личностную сферу способность нести уголовную ответственность, которая отражает качественно новый этап развития личности»⁶.

Но следует обратить внимание на тот факт, что сложность и динамика социальных процессов в современном информационном обществе влияет на успешность социализации, в результате чего человек, даже достигнув юридического совершеннолетия, не всегда обладает четко сформированными социальными позициями, и процесс социализации растягивается.

Осознание – реальный психический процесс. Будучи отражением субъективного, представляет собой явление, основанное на взаимодействии всех психических процессов, в том числе эмоциональных и волевых. Вместе с тем носит и объективный предметный характер: проявляется относительно конкретных объектов уголовно-правовой защиты. Отношение к охраняемым государством

¹ Об истории уголовной ответственности несовершеннолетних см.: Наумов А.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних // Энциклопедия уголовного права. – СПб., 2005. – С. 660–670.

² Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М., 2006. – С. 254–260.

³ Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – СПб., 1999. – С. 32–34.

⁴ Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – С. 19.

⁵ Реан А.А., Коломинский Я.Л., Социальная педагогическая психология. – СПб.: Питер, 1999. – С. 32–34.

⁶ Пудовочкин Ю.Е. Уголовная ответственность несовершеннолетних. Курс лекций. – Ставрополь. 2002. – С. 62–63.

ценностям и благам вызывает эмоции и чувства, влияющие на волю и выбор соответствующего поведения. Как отмечают Д.А. Пашенцев и В.В. Гарамита, «механизмы правомерного и противоправного поступков по форме состоят из одних и тех же психологических элементов, наполненных разным социальным и идеологическим содержанием»¹.

Необходимо обратиться к характеристике сознания. Сознание – высшая форма психики. Проблемы сознания с точки зрения психологии рассматривал Л.С. Выготский, отталкиваясь от двух основных на него воззрений: как на систему функций и как на систему явлений². Л.С. Выготский непосредственно связывал сознание с проблемой психологии поведения, отмечая, что «...сознание есть социальный контакт с самим собой...»³. Именно в совершении осознаваемого деяния проявляется вина. Благодаря сознанию происходит адекватное отражение окружающей действительности, всех происходящих явлений и процессов. Следует разводить понятия «сознание» и «осознание». Сознание трактуется как общее проявление психики. Осознание – более узкая категория, предполагающая понимание определённых отдельных процессов и явлений. Поэтому необходимо осознание причинно-следственной зависимости выбранного варианта поведения. «Неосознание, обусловленное торможением, означает не только отсутствие сознания, а является выражением активного процесса, вызванного столкновением антагонистически действующих сил в жизни человека»⁴ – данное положение имеет значение для понимания психологической и социально-политической сущности неосторожности. Не осознание как сфера бессознательного также выражается привычками, настроением, интуицией, мыслями, ощущениями⁵. Сознание – это не замкнутый внутренний мир, а проявление отношения к объективному миру, рефлексия бытия, знание об окружающем мире: сознание не является силой извне, сознание также и результат деятельности⁶. Осознание может быть различной степени определённости и достоверности, что зависит также от комплекса особенностей личности, её психического состояния, специфики обстановки. Наряду с этим, осознание предполагает наличие и прогностической способности, то есть предугадывать результаты своей деятельности, способностью активизировать своё внимание, психические реакции в процессе изучения окружающего мира, приобретения знаний, умений, навыков.

Преступное деяние несовершеннолетнего проходит не только через сознание, но определяемо и волей. Преступление, как любая деятельность, есть волевое поведение, детерминируемое сознанием человека и окружающей дей-

¹ Пашенцев Д. А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. – М., 2010. – С. 70.

² Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М., 1982. – С. 156–167, 132–148.

³ Там же. С. 78–98.

⁴ Рубинштейн. Бытие и сознание. – М., 1957. – С. 279.

⁵ Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. – Харьков, 1986. С. 13–19.

⁶ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946. – С. 15.

ствительностью. Волю можно трактовать как направленность осознанных усилий. Воля в правовом понимании – часть правосознания, которое формируется также в процессе социализации личности, способность руководить своими действиями и нести ответственность. Преступление, таким образом, – продукт воли человека¹. Психически адекватный человек критично относится к выбору своего поведения, обладает также свободой выбора целей своей деятельности. Самостоятельный осознанный выбор противоправного варианта поведения есть проявление негативного отношения субъекта к интересам, ценностям государства, общества, его членов, и в связи с этим является предпосылкой уголовной ответственности, «то есть сознательного предпочтения определенной линии поведения при наличии <...> одной, а то множества альтернатив <...> Чаще всего выбор – это не предпочтение одной возможности, но подавление, отстранение другой»².

Относительно сознания и воли необходимо оперировать такими понятиями как мышление и интеллект. В отличие от сознания и воли, эти категории имеют опосредованное значение для правоприменительной деятельности, но не менее важны для понимания осознанности деяний. Мышление – высшая психическая функция, присущая человеку, интегрирующая память, восприятие, когнитивные (познавательные) процессы³. Мышление называют отдельным психическим процессом отражения объективной действительности⁴. Обладает социально-ориентированным, операциональным характером⁵, детерминирует ассоциативный поток представлений⁶ в процессе деятельности. Мышление – качественная характеристика интеллекта, «интегратор интеллекта»⁷.

Интеллект можно интерпретировать как «совокупность познавательных процессов». Это также умственная психическая способность поиска, восприятия, переработки, анализу, систематизации и эффективному использованию информации. Интеллект способствует ориентировке в окружающей действительности. Является связующим звеном познавательных способностей: восприятия, воображения, памяти, мышления⁸. Таким образом, мышление и интеллект – не только психологические, но и возрастные характеристики, и при реализации института уголовной ответственности несовершеннолетних необходимо это учитывать. Но существующая в российском законодательстве формула вины не имеет возрастной дифференциации. Хотя, на наш взгляд, она необхо-

¹ Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. – Казань, 1965. – С. 10.

² Муздыбаев К. Психология ответственности. – Л., 1983. – С. 21–22.

³ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – СПб., 2003. – С. 120.

⁴ Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб., 2001. – С. 298–311.

⁵ Мышление, его развитие и становление у человека см., например: Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.2. Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. – М., 1982. – С. 395–415.

⁶ Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.2. Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. – М., 1982. – С. 395.

⁷ См. подробнее: Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 2. Мышление и интеллект. – Л., 1976. – С. 276–330.

⁸ Там же. С. 276–330.

дима¹. На степень осознания общественной опасности, то есть интеллектуальный элемент вины, напрямую влияют несформированность ценностных ориентаций, специфика оценки явлений окружающей действительности и так далее.

Имеют место быть и психофизиологические особенности несовершеннолетних. Так, происходят изменения в деятельности всех систем организма (изменения в сердечно-сосудистой системе, сердцебиение, неустойчивость эмоциональных реакций, возможность невротических реакций, смена настроений и так далее².

Вопрос осознания несовершеннолетними общественной опасности своих деяний непосредственно связан с вопросом осознания ими уголовно-правового запрета. Этой проблематике было непосредственно посвящено диссертационное исследование С.А. Моркунцова «Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних». Так, автор отмечает, что «осознание несовершеннолетним уголовно-правового запрета в момент совершения им преступления приобретает юридическое значение и трансформируется в осознание общественной опасности своих действий (бездействий)³.

Резюмируя, на преступное поведение несовершеннолетнего и степень осознания им элементов состава преступления, таким образом, влияет вся совокупность социальных факторов глобализирующегося и быстро изменяющегося общества. Детерминантами здесь выступают в первую очередь воспитание, образование подрастающего поколения как проводники социализации. Фактором интеграции несовершеннолетних является и досуг, где также проявляются последствия трансформации России в переходный период⁴. И здесь важны усилия всего общества, чтобы воспрепятствовать криминализации досуга, а упрощенную массовую культуру наполнить новым идейным, ценностным содержанием и смыслом.

Подводя итог изложенному, отметим, что в силу возрастной характеристики, особенностей социализации и рефлексии окружающего общества, изменения социального взаимодействия и системы отношений с взрослыми у несовершеннолетних складывается специфический механизм осознания общественной опасности и противоправности своего деяния. Необходимо учитывать эти обстоятельства при целенаправленном воздействии на правосознание несовершеннолетних в качестве профилактики деликтов, а также при установлении вины несовершеннолетних, что обеспечит дифференциацию и индивидуализацию

¹ Такого же мнения придерживается и Боровиков В.Б. См.: Боровиков В.В. Вина и уголовная ответственность несовершеннолетних // Уголовное право. 2006. № 5. С. 15–18.

² Пудовочкин Ю.Е. Уголовная ответственность несовершеннолетних. Курс лекций. – Ставрополь, 2002. – С. 8–13.

³ Моркунцов С.А. «Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних»: автореф. на соискание ученой степени к.ю.н. – М., 2007.

⁴ Подробнее см.: Котельникова Н.В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России: автореф. на соискание ученой степени к.соц.наук. – Ставрополь, 2003.

уголовной ответственности. Вопрос оптимизации уголовной ответственности несовершеннолетних в свою очередь созвучен времени: подрастающее поколение – это будущее любого общества переходного периода.

Summary

SOCIAL DETERMINISM PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY OF MINORS

M.V. Mukhortova

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. Minors are a special category of criminal legal entities. Criminal responsibility questions are directly related to the culpa, in which realization is the intellectual element of the offense. The process of understanding their behavior by minors is specific and is influenced by an individual's social values directly related to issues of socialization and education. That is the relationship to consider in a targeted impact on the sense of justice in the prevention of juvenile misdemeanors, as well as in establishing the guilt of minors, providing differentiation and individualization of criminal responsibility.

Key words: minors; socialization; culpa; the subjective side; unconscious perception.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухортова Маргарита Витальевна – ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: margo.mukhortova@yandex.ru

Mukhortova Margarita Vitalievna – assistant of the chair of civil law disciplines of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: margo.mukhortova@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ США

Петрушенко А.Д.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматривается комплекс мер, предпринимаемых правительством США для развития системы образования в сельских районах.

Ключевые слова: США; образование; региональная политика.

Одним из направлений государственной политики США на современном этапе является совершенствование социально-экономических условий жизни в сельских районах страны. Объективные закономерности эволюции производства, обретающего всё более выраженный общественный характер, требуют адекватных усилий со стороны государства по созданию организационных, правовых, финансовых условий для осуществления преобразований в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения в общенациональном масштабе. Важным аспектом решения этой задачи является устранение исторически сложившихся диспропорций между городом и деревней, уровнем жизни сельского и городского населения, в том числе по доступности и качеству образования. Хроническая нерешённость этих проблем тормозит социально-экономическое развитие страны и служит источником нежелательной политической напряжённости. Несмотря на значительное сокращение в послевоенные годы численности населения внегородских зон, последние являются важными сегментами экономики, участвующими в общенациональной кооперации труда, генерирующими импульсы для развития всей экономики. Сельские районы охватывают более 70% территории Соединенных Штатов и непосредственно затрагивают интересы более 50 миллионов человек из 308,7 млн., проживающих в стране [1; 32].

Одним из ключевых вопросов решения этой проблемы является обеспечение развития образования в сельских районах, поскольку они являются поставщиком на рынок труда рабочей силы, от качества которой зависит интеллектуальный и научно-технический потенциал страны, занятость и благосостояние граждан. Более половины всех школьных округов, почти треть школ и четвёртая часть обучающихся находятся в сельских районах. Как указывается в исследовании «Сельского Совета Белого дома» США, на фоне имеющихся достижений сельские жители всё ещё отстают от горожан по уровню образования и доле лиц, завершающих обучение в колледжах. Удельный вес городской молодёжи, поступающей в колледжи на 10–15 процентов выше, чем сельской [2; 10]. Это делает выходцев из сельской местности менее конкурентоспособными на рынке труда, затрудняет приобретение ими более высокого социального статуса и благосостояния.

В современных условиях обострения конкурентной борьбы на мировых рынках, задачи освоения достижений научно-технического прогресса делают особенно актуальной задачу улучшения системы образования на всех его уровнях. Как отметил президент США Б. Обама, в течение последующих десяти лет почти половина всех новых рабочих мест потребуют образования, которое выходит за пределы школьного обучения, однако четверть американских учащихся даже не оканчивает школу, качество их знаний по математике и естественным наукам значительно уступает многим другим народам [3; 5].

Одной из причин существующих проблем в американском образовании является то, что местные власти постоянно испытывают трудности в финансировании комплексного развития своих территорий. Это негативно отражается на возможностях улучшения материально-технической базы учебных заведений, привлечения для работы в них высококвалифицированных специалистов. Американские исследователи признают, что учителя, живущие «в глубинке», имеют меньшую зарплату и более сложные условия труда, чем их городские коллеги. Значительная удалённость населённых пунктов от региональных центров, меньшая плотность населения создают проблемы в формировании специализированных классов в школах, организации начальной профессиональной подготовки учащихся. Это серьёзно ограничивает возможности дальнейшего обучения выпускников в колледжах и университетах, трудоустройства, реализации профессиональной карьеры. Сельская молодёжь имеет и более высокие затраты на финансирование своего обучения в колледжах и университетах, расположенных в городах, где необходимо за счёт семейного бюджета дополнительно оплачивать проживание, питание, бытовые услуги. Финансовые возможности семей, проживающих в сельской местности как правило и без того ограничены, так как оплата труда здесь ниже, а безработица выше по сравнению с городами.

Учитывая эти обстоятельства, Конгресс и правительство США прилагают усилия по оказанию разносторонней помощи сельским общинам с целью смягчения вышеназванных проблем. Деятельность государственных органов власти осуществляется на основе принятых в послевоенные годы местных и федеральных законодательных актов. Особую роль в расширении её масштабов и эффективности, как утверждают американские исследователи, призван сыграть федеральный «Закон о восстановлении» 2009 года. Среди общих социально-экономических задач он предусматривает разработку и финансирование на федеральном уровне программ улучшения общеобразовательной и профессиональной подготовки сельской молодёжи.

Согласно «Закону о восстановлении», федеральные расходы на развитие образования в сельских районах составят около 7 млрд. долл., что, по мнению правительственных аналитиков, обеспечит краткосрочные и долгосрочные выгоды. Необходимо отметить, что ряд положений закона укрепил основы финансирования инновационных подходов к развитию системы образования, повышению его эффективности. В частности, он предусматривает выделение 9450 млн. долл. на финансирование общенациональной программы «Гонки к вершине», Фонда стимулирования учителей, выделение грантов для совершенства-

ния образовательных технологий, создание в регионах современных информационных систем для нужд школьного образования, улучшение начальной профессиональной подготовки учащейся молодёжи [4; 20].

Реализация государственных программ в области образования предусматривает участие многих министерств и ведомств, федеральных и местных органов власти. Но основная доля ответственности возлагается на Министерство образования США, которое взаимодействует со всеми государственными структурами, вовлечёнными в осуществление образовательных проектов в пределах специализированных ведомственных программ. Министерство образования США в соответствии с «Законом о восстановлении» оказывает финансовую помощь школам в районах с высоким уровнем бедности. На эти цели было предусмотрено выделение 3 млрд. долл. Расходы предназначены для совершенствования образовательного процесса в школах с устойчиво низкими показателями подготовки учащихся, выделения им соответствующих грантов. Закон о Восстановлении, финансирование Совершенствования Школы, Гранты по программе «Гонка к Вершине», распределяемые на конкурсной основе, стимулировали конкуренцию между штатами, школьными округами и образовательными учреждениями по разработке инновационных образовательных программ. Они призваны активизировать инновационные подходы к преподаванию математики, дисциплин естественно-научного цикла, повысить образовательные стандарты подготовки учащихся по математике, и научных программ, чтобы повысить стандарты. Школы в свою очередь заинтересованы в получении грантов, чтобы повысить свой имидж в образовательной среде, привлечь и сохранить высокопрофессиональный контингент учителей, школьных специалистов.

Министерство образования прилагает усилия для осуществления выдвинутой президентом Б. Обамой цели добиться, чтобы к 2020 г. США имели самый высокий удельный вес выпускников вузов в мире. Для этого предпринимаются шаги по облегчению доступа к высшему образованию малоимущих студентов в городских и сельских районах. Так, Администрация США в 2010 г. расширила на 10 млрд. долл. программу «Гранты Пелла» для молодёжи из малоимущих семей, что увеличило число поступивших в вузы на 1,9 млн. человек. По оценке автора, в 2010 г. Министерство образования США израсходовало на осуществление своей деятельности 116,2 млрд. долл., из которых на прямую финансовую помощь школьникам и студентам пришлось 53,9 млрд. долл., или 46,4% его расходов [5; 147]. При этом необходимо отметить, что аналогичные расходы берут на себя власти штатов и администрации на местах, которые покрывают 90% всех государственных затрат на образование.

Министерство образования США способствует улучшению материально-технического обеспечения образовательных учреждений, особенно наиболее нуждающихся в финансовой помощи. В 2010 г. на эти цели было выделено около 34,3 млрд. долл., или 29,5% всех расходов министерства [5; 147]. Часть этой помощи предоставляется школам в форме грантов, что позволяет руководству более гибко осуществлять расходование выделенных средств. В 2010 году 18% таких грантов было направлено в сельские районы [2; 5]. Переживаемый экономический спад заставил власти США ограничить масштабы такой

деятельности по линии министерства образования. В течение 2012-2014 годов предусмотрено ежегодно выделять на оказание финансовой помощи сельским школьным округам по двум специальным программам в размере 179, 2 млн. долл., что явно не соответствует имеющимся потребностям [6; 28].

Вторым по масштабу оказания экономической помощи школьным образовательным учреждениям является Министерство сельского хозяйства США. Оно осуществляет в основном программы продовольственной помощи учебным и дошкольным учреждениям, а также образовательные проекты. За 2005–2010 годы расходы министерства на эти цели увеличились с 12,3 до 16,2 млрд. долл., что, по оценке автора, составило около 10% всех федеральных расходов на образовательные учреждения [5; 147]. Часть этих ассигнований идёт на нужды сельских районов. Так, в рамках «Закона о восстановлении» 2009 года министерство инвестирует 270 млн. долл. в строительство и модернизацию 312 культурных и образовательных объектов в сельских населенных пунктах по всей стране. Эти объекты улучшат доступ к образовательным услугам более чем 4 млн. сельских жителей [4; 20].

В соответствии с вышеназванным законом Министерство труда США израсходует в сельских районах дополнительно 650 млн. долл. на профессиональную подготовку рабочей силы и связанные с этим услуги. Кроме того, Бюро по делам индейцев получило 19 млн. долл. для организации профессионального обучения рабочей силы в районах проживания индейцев. Закон также предусматривает выделение около 280 млн. долл. на строительство в индейских резервациях новых школ. Проведённые американскими специалистами исследования показали, что домашние хозяйства в Калифорнии извлекли значительные выгоды от инвестиций в строительство школ, которые на 150 процентов превысили расходы на их создание.

В рамках обновлённой региональной политики правительства США предусматривается, что сельские общины будут пользоваться бесплатными услугами общенациональной программы интерактивных курсов профессионального обучения и повышения квалификации. К разработке и адаптации программ к местным условиям привлечены высококвалифицированные педагоги и методисты. Решению этой задачи будет способствовать финансирование разработки и внедрения в сельской местности широкополосного, высокоскоростного Интернета. Стоимость данной программы составляет 53,6 млрд. долл., или 81,8% Государственного инновационного фонда, который ориентирован на решение проблем образования.

Осуществление государственных программ в сфере образования США предусматривает обеспечение равных возможностей для развития личности, прежде всего на основе оказания дифференцированной финансовой помощи со стороны правительства. Выделенные ассигнования подлежат распределению между штатами пропорционально общей численности населения, а также численности детей школьного возраста. Такой подход к финансированию образовательных учреждений в регионах способствует выравниванию условий для интеллектуального, профессионального развития сельской и городской молодёжи, более гибкой адаптации выпускников сельских школ к жизни в город-

ской среде. Проводимая в стране реформа образования предусматривает усиление ориентации учебного процесса на индивидуальные способности учащихся, оказания им избирательной интеллектуальной поддержки и сопровождения на всех этапах обучения. Новые государственные программы помогли сохранить и создать сотни тысяч рабочих мест для учителей и других работников сферы образования. Они предотвратили закрытие малокомплектных школ в сельских округах, увеличение нагрузки на занятых педагогов. Государственная политика США в области образования, её новая направленность в территориальном разрезе способствует повышению качества обучения молодого поколения и сохранению лидерства страны в мировом экономическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012. Population. – <http://www.census.gov/compendia/statab/2012edition.html>.
2. Jobs and Economic Security for Rural America. White House Rural Council. August 2011. - http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/jobs_economic_security_rural_america.pdf (дата обращения: 20.09.2013).
3. Economic Report of the President transmitted to the congress february 2011 together with the annual report of the council of economic advisers united states government printing office Washington : 2011. - <http://www.nber.org/erp/ERP-2011.pdf>. (дата обращения: 20.09.2013).
4. The american recovery and reinvestment act: working for rural communities. USDA. February 2011 . - http://www.usda.gov/documents/USDA_ARRA_RD_Report_v10_LoRes.pdf).
5. U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012. Education. – <http://www.census.gov/compendia/statab/2012edition.html/>
6. Fiscal Year 2014. Budget Summary and Background Information - <http://www2.ed.gov/about/overview/budget/budget14/summary/14summary.pdf> p.28 (дата обращения: 21.09.2013).

Summary

STATE POLICY FOR THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN RURAL AMERICA

A.D. Petrushenko

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article considers the complex of measures taken by the U.S. government for the development of education system in rural areas.

Key words: United States; education; regional policy.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрушенко Александр Дмитриевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: pad47@mail.ru

Petrushenko Alexander Dmitrievich – candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of historical legal and humanitarian Sciences of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: pad47@mail.ru

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Суворов В.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния рынка образовательных услуг дошкольного образования в Московской области.

Ключевые слова: дошкольное образование; образовательные услуги; Московская область.

Главной доминантой рынка услуг дошкольного образования Московской области является существенное превышение спроса над предложением. Это объясняется как постоянным ростом спроса, так и резким сокращением предложения особенно в 90-е годы, когда было закрыто большое количество муниципальных и ведомственных детских садов.

В Московской области наблюдается устойчивый рост населения (так, с 2005 года по 2012 прирост составил 10,5%). Смертность в Московской области превышает рождаемость, однако в последние годы естественная убыль населения снижается (с –8,5‰ в 2005 году до –2,4‰ в 2012 году). Прирост населения в области идёт главным образом за счёт увеличения числа жителей городов — такая тенденция отмечается с 1970-х годов, в городах или посёлках городского типа живёт и подавляющее большинство населения — свыше 80% ¹[1].

В 2012 году в Московской области родилось более 66 тысяч детей. За последние три года показатели неуклонно растут: от 62869 родившихся детей в 2010 году до 66754 – в 2012, то есть на 6 % больше. Если сравнивать показатели прошлого года с 2006 (46027) – это более чем на 31%.

Средний возраст женщин, ставших мамами, равен 28 годам – в активный детородный возраст вступили женщины, рожденные в середине 1980-х годов (в период резкого всплеска рождаемости в СССР).

Среди новорожденных больше мальчиков – 34 610, девочек чуть меньше – 32144. Двойняшки появились у 672 мам, тройни – у девяти. В первый раз стали мамами 35933 женщин, второго ребенка родили 22797 мам, 5702 – стали многодетными матерями (трое детей), а в числе родивших более трех младенцев оказались 1632 женщины ²[2].

В настоящее время в Московской области проживает свыше 500 тысяч детей дошкольного возраста от 0 до 7– лет, из них 270 тысяч от 3 до 7-и лет.

¹ <http://ru.wikipedia.org/>. Население Московской области

² <http://www.morofss.ru/content/news/detail/486/>

В системе дошкольного образования Московской области функционируют 1 923 дошкольных образовательных учреждений Московской области с контингентом воспитанников 295 000 детей. Охват дошкольным образованием детей дошкольного возраста с 1 года до 7 лет составляет 51,2 процента, а от 3 до 7 лет – 63%, что явно недостаточно для столь динамично развивающегося региона. Численность детей в возрасте от 3 до 7 лет, посещающих дошкольные образовательные учреждения, составляет 255 000 человек или 74,8 процентов от общего количества детей данного возраста.

Доля муниципальных детских садов составляет 94,8 процентов от общего их количества, 2,6 процентов – государственные (областного подчинения и федеральные) дошкольные образовательные учреждения Московской области, 3,2 процента – негосударственные учреждения Московской области.

В 2012 году в Московской области сеть дошкольных образовательных учреждений увеличилась на 20 256 мест, из них за счет:

- строительства (включая реконструкцию со строительством пристроек - 4755 мест;
- возврата в систему дошкольного образования помещений и зданий, используемых не по назначению – 8650 мест;
- использования имеющихся резервов – 5016 мест;
- пересчета площадей – 1 430 мест.

Очередность по состоянию на 31.12.2012 на получение мест в детские сады Московской области составила 192 041 детей в возрасте от 1 до 7 лет, из них остро нуждающихся в получении дошкольного образования – 44 355 детей в возрасте от 3 до 7 лет. Таким образом, охват детей дошкольным образованием от 0 до 7 лет составил 53 процента, а от 3 до 7 лет – 63 процента, что явно недостаточно для такого динамично развивающегося региона, как Московская область.

В последнее время Московское областное правительство предприняло целый ряд шагов, направленных на решение этой важной проблемы. В рамках этих планов намечаются действия по развитию рынка дошкольных образовательных услуг.

Основные параметры рынка дошкольных образовательных услуг в Московской области, а также его перспективы, как они видятся региональным правительством, показаны в Московской областной дорожной карте, утвержденной Постановлением правительства Московской области от 30.04.2013 №284/18 «Об утверждении плановых мероприятий («Дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки Московской области».

Основные количественные характеристики системы дошкольного образования Московской области¹

Показатели	Единица измерения	2012г	2013г	2014г	2015г	2016г	2017г	2018г
Численность детей в возрасте 1-7 лет	тыс. чел.	471	492	518	540	556	567	575
Охват детей программами дошкольного образования	процент	80,7	81,7	85,9	90,9	91,1	94,4	95,2
Численность воспитанников дошкольных образовательных организаций	тыс. чел.	275	295	329	362	370	390	400
Потребность в увеличении числа мест в дошкольных образовательных организациях	тыс. чел.	52,18	11,44	14,99	16,72	20,24	9,68	7,92
Инструменты сокращения очереди в дошкольные образовательные организации (ежегодно) – всего:	тыс. чел.	20,26	33,91	33,15	8,01	20,24	9,68	7,92
В том числе:								
за счет увеличения числа мест в группах кратковременного пребывания (без снятия с очереди)	тыс. чел.	0,50	0,36	0,52	0,12	0,14	0,12	0,90
за счет расширения альтернативных форм дошкольного образования	тыс. чел.	0,56	0,88	1,06	0,02	0,05	0,10	0
за счет вновь создаваемых мест в дошкольных образовательных организациях – всего:	тыс. чел.	16,70	33,03	32,09	7,99	20,19	9,56	7,92
в том числе:								
за счет развития негосударственного дошкольного образования	тыс. чел.	1,27	1,34	2,16	0,22	0,21	0,17	0,17
за счет строительства новых зданий дошкольных образовательных организаций	тыс. чел.	4,75	22,32	26,14	7,26	19,78	9,16	7,55
Создание дополнительных мест в функционирующих дошкольных образовательных организациях (реконструкция)	тыс. чел.	5,02	-	-	-	-	-	-
Возврат и реконструкция ранее переданных зданий дошкольных образовательных организаций	тыс. чел.	8,65	9,37	3,79	0,51	0,20	0,25	0,20

¹ Постановление правительства Московской области от 30.04.2013 №284/18 «Об утверждении плановых мероприятий («Дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки Московской области».

Численность работников дошкольных образовательных организаций – всего:	тыс. чел.	94,70	95,06	96,06	97,05	98,05	99,04	100,04
Из них педагогических работников	тыс. чел.	29,76	30,01	30,36	30,66	31,27	31,89	32,53
Численность воспитанников организаций дошкольного образования в расчете на 1 педагогического работника	чел.	9,2	9,8	10,8	11,8	11,8	12,2	12,3

Утвержденный план предполагает, что в ближайшие 6 лет количество детей, нуждающихся в дошкольном образовании в Московской области увеличится с 495 тысяч в 2013 г. до 575 в 2018 г. Одновременно численность воспитанников дошкольных образовательных организаций увеличится с 295 до 400 тысяч детей. Программа предполагает реализацию ряда мер по сокращению очереди в дошкольные образовательные организации с 34 тысяч в 2013 г. до 8 тысяч в 2018 г. В том числе, ввод в эксплуатацию не менее 164 объектов строительства дошкольных образовательных учреждений и не менее 15048 мест в дошкольных образовательных учреждениях.

Важную роль в реализации планов областного правительства «Дорожная карта» отводит негосударственному дошкольному образованию. На 1 июля в Подмосковье функционирует 41 негосударственное детское дошкольное образовательное учреждение с количеством воспитанников – 3 257 детей. Намечается «создание условий для привлечения негосударственных организаций в сферу дошкольного образования». Планируется ввод в эксплуатацию не менее 12385 мест в частных детских садах, 6454 места за счет выплаты компенсаций родителям, закупки услуг дошкольного образования.

Удельный вес численности воспитанников негосударственных дошкольных образовательных организаций в общей численности воспитанников дошкольных образовательных организаций довести до 6,3% в 2018 г. по сравнению с 1,3% в 2013 г. Следовательно, число воспитанников негосударственных дошкольных образовательных организаций будет составлять не менее 25 тысяч человек. Это значит, что размер этого рынка составит порядка 7,5 млрд. рублей при минимальной плате в 25 тыс. руб. в месяц.

Потенциально рынок негосударственных дошкольных образовательных услуг еще больше. Дети, нуждающиеся в дошкольных образовательных услугах, очень разные по возрасту, здоровью, одаренности, степени обеспеченности родителей и так далее. Поэтому спрос на эти услуги индивидуален и исключительно дифференцирован. Прежде всего, эта дифференциация существует по содержанию предоставляемых услуг. В Московской области существуют различные виды детских садов, в том числе детский сад общеразвивающего вида с приоритетным осуществлением развития детей одного или нескольких направлений, детский сад компенсирующего вида, детский сад инклюзивного вида, детский сад комбинированного вида, детский сад предшкольной подготовки, детский сад для детей раннего возраста, детский сад присмотра и оздоровления,

центр развития ребенка – детский сад, центр коррекции – детский сад. Кроме того, дифференциация услуг существует по времени и месту их потребления.

Частный сектор малых индивидуальных предприятий наиболее подходит для развития рынка высокодифференцированного товара. Эта многовариантность рождает многообразие организационно-правовых форм частного дошкольного образования. В Московской области частный сектор дошкольного образования развивается в разных формах.

Во-первых, это лицензированные детские сады в форме НКО и коммерческих организаций. Данные организации осуществляют образовательную деятельность, работают полный день или в режиме групп дневного пребывания (полдня). Они осуществляют полный цикл услуг по уходу и присмотру за детьми в возрасте от 2 до 7 лет и оказывают весь спектр услуг, необходимых для дошкольного образования. Эти организации в соответствии с законом «Об образовании» в обязательном порядке получают лицензию на образовательную деятельность, а также строго соблюдают нормативы санитарно-эпидемиологического и пожарно-технического контроля, предусмотренные для образовательных учреждений.

Большинство ИП оказывают образовательные услуги в сфере дошкольного образования и развития детей дошкольного возраста в режиме кратковременного пребывания (детские игровые клубы, центры игрового развития ребёнка, группы подготовки детей к школе), не предусматривающего присмотра и ухода за детьми. Такой режим для оказания образовательных услуг для ИП наиболее предпочтителен, так как не требует наличия особых условий для организации режима дня, в том числе питания и сна детей, проведения прогулок. На сегодняшний день функционируют несколько видов групп кратковременного пребывания, в том числе группы адаптации для детей раннего возраста, группы развития, группы «Будущий первоклассник», группы для детей-инвалидов. Работа групп кратковременного пребывания направлена на охват услугами дошкольного образования детей, не посещающих детский сад. В качестве причин, препятствующих посещению ребенком детского сада, могут выступать, в том числе, его ослабленное здоровье, повышенная утомляемость или другие медико-психологические противопоказания для длительного пребывания в коллективе, травматический опыт посещения государственного учреждения, негативный опыт самих родителей, связанных с детским садом, недовольство условиями организации быта и так далее. Создание гибкой системы образовательных услуг позволяет охватить дошкольным образованием детей, в противном случае лишенных необходимой подготовки к школьному обучению. Группы кратковременного пребывания функционируют по гибкому режиму: от 3 до 5 раз в неделю, от 3 до 5 часов в день в зависимости от потребностей родителей (законных представителей). Меньшая часть ИП оказывает услуги по присмотру и уходу за детьми или наиболее востребованные родителями комплексные услуги, сочетающие дошкольное образование с присмотром и уходом за детьми. При этом реализация ИП программ дошкольного образования не требует получения лицензии на осуществление образовательной деятельности, в

связи с чем сложно гарантировать и контролировать качество предоставляемых ими услуг.

Другой формой негосударственного дошкольного образования являются семейные детские сады, которые представляют собой новую форму организации дошкольного образования, направленную на обеспечение всестороннего развития детей, не посещающих дошкольные образовательные учреждения, поддержку многодетных семей, предоставления многодетным родителям возможности трудоустройства, практической реализации индивидуального подхода в воспитании ребенка, а также на расширение форм дошкольного образования для детей с проблемами здоровья и развития. Развитие данной формы выгодно бюджетам, поскольку они экономят на строительстве детских садов, их эксплуатации, заработной плате персонала и так далее. Домашнее воспитание дешевле детсадовского¹.

Вместе с тем услуги негосударственных ДОО не имеют большого спроса у населения по нескольким причинам.

Во-первых, население традиционно не доверяет частному бизнесу вообще, а в сфере воспитания и образования собственных детей особенно. И требуется время и соответствующие действия со стороны государства по изменению правовой базы функционирования негосударственных детских дошкольных организаций, их лицензированию и контролю за качеством предоставляемых услуг, чтобы эту проблему решить.

Но главная причина невысокого спроса на услуги негосударственных дошкольных образовательных услуг в их высокой стоимости. Стоимость посещения частного детского сада зависит от набора услуг, престижности, целевой аудитории детского сада, а также от региона, в котором расположено дошкольное учреждение. Если в регионах частный детский садик может стоить около 5 тыс. руб./мес., то в крупных городах цены отличаются в разы. В г. Москве минимальная цена посещения ребенком частного детского сада в месяц составляет 18 тыс. руб. Чаще всего это самый обыкновенный детский сад, включающий стандартный набор дополнительных занятий и не имеющий на своей территории бассейна. В среднем стандартный частный детский в РФ без поддержки государства (субсидии) стоит около 10–12 тыс. Во многих городах Подмосковья стоимость посещения частных детских садов с надлежащими условиями для содержания и образования варьируется от 25 000 рублей до 45 000 рублей в месяц. Например, летом 2013 года стоимость услуг частного детского садика «Смайлик» в городе Балашиха составила 35 тыс. руб., в «Ласточке» г. Люберцы – 25 т.р., а в «7 котов» г. «Красногорска» – 36 т.р.

Реально не более 20% семей области с доходом на одного человека не менее 30 тысяч рублей может оплатить полную стоимость услуг частных детских садов. При этом нужно иметь в виду, что большая часть этой группы населения не нуждаются в платных услугах, поскольку имеет доступ к услугам бесплатным. Только единицы имеют возможность тратить такие деньги на дошко-

¹ <http://do.gendocs.ru/docs/index-365869.html>

льное образование в условиях конституционного права на бесплатное общедоступное дошкольное образование. Напомним, что размер родительской компенсации за детский сад составляет 20% от оплаты за детсад за первого ребенка, 50% – за второго ребенка и 70% – за третьего и последующих детей. Причем при определении очередности рожденных детей и размера компенсации учитываются все дети в семье, в том числе и усыновленные.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, по итогам 2011 года на долю 10% наиболее обеспеченных россиян приходилось 30,8% общей суммы денежных доходов, а в 2010 году – 30,9%. На долю 10% наименее обеспеченного населения страны в 2011 года пришлось лишь 1,9% общей суммы денежных доходов жителей РФ (в 2010 году – также 1,9%). Доходы (среднедушевые) менее 3500 рублей в месяц в 2011 году получали 2,9% всего населения России (в 2010 г. – 3,9%). Доходы от 3500 до 5000 рублей – 4,6% (5,6%), от 5000 до 7000 рублей – 8,2% (9,4%), от 7000 до 10000 рублей – 13,5% (14,7%), от 10000 до 15000 рублей – 19,8% (20,2%), от 15000 до 25000 рублей – 24,6% (23,5%), от 25000 до 35000 рублей – 12,0% (10,8%), свыше 35000 рублей в месяц – 14,4% всего.

В связи с этим активное развитие негосударственных ДОО возможно только при оказании поддержки из местных и региональных бюджетов. Однако в каком объеме и в какой форме это делать неясно ни федеральной, ни региональной власти.

С 1 июля 2012 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 февраля 2012 г. № 10-ФЗ, согласно которому реализация образовательных программ дошкольного образования в негосударственных учреждениях в рамках федеральных государственных требований финансируется за счет бюджетных средств по тем же нормативам, что и в государственных и муниципальных дошкольных учреждениях. Вместе с тем, чтобы значительно снизить родительскую плату за дошкольное образование и присмотр и уход за ребенком в негосударственном учреждении, целесообразно также установить либо дополнительные меры компенсации части родительской платы, либо дополнительное бюджетное субсидирование негосударственных учреждений (Самарская область), либо установление льготной арендной платы, налоговых льгот. Уменьшение родительской платы связано

– во-первых, с реализацией Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 148-ФЗ, которым с августа 2009 года установлена компенсация части родительской платы за содержание ребенка в негосударственном ДОО;

– во-вторых, разрешено использовать средства материнского капитала на дошкольное образование, в том числе в НОУ. Кроме того, есть опыт субъектов Российской Федерации (Белгородская область, Хабаровский край – проект АСИ), субсидирующих затраты родителей на дошкольное образование ребенка (детей) в негосударственном детском саду.

«Дорожной картой» Правительства Московской области планируется увеличения субсидий бюджетам муниципальных образований Московской области на финансовое обеспечение получения детьми дошкольного образования в негосударственных дошкольных образовательных учреждениях в размере,

необходимом для реализации основной общеобразовательной программы дошкольного образования в части финансирования расходов на оплату труда педагогических работников, расходов на учебно-наглядные пособия, технические средства обучения, игры, игрушки, расходные материалы. Для этого уже в 2013 г. планируется подписание соглашений между Министерством образования Московской области и муниципальными образованиями Московской области о предоставлении субсидий бюджетам муниципальных образований Московской области на финансовое обеспечение получения детьми дошкольного образования в негосударственных дошкольных образовательных учреждениях в размере, необходимом для реализации основной общеобразовательной программы дошкольного образования в части финансирования расходов на оплату труда педагогических работников, расходов на учебно-наглядные пособия, технические средства обучения, игры, игрушки, расходные материалы.

Владельцы частных образовательных учреждений Московской области будут получать субсидии в размере до 600 тыс. рублей за открытие дополнительных групп для детей дошкольного возраста. Субсидии пойдут на покрытие понесенных затрат, в частности, на оплату аренды и коммунальных услуг, ремонт помещения, покупку оборудования и мебели. Всего на программу выделят порядка 300 млн. рублей. По мнению областного правительства, это поможет снизить нехватку мест в детских садах.

Председатель правительства Московской области Андрей Шаров сообщает, что из регионального бюджета планируется выделить 100 млн. рублей на компенсацию родителям стоимости услуг частных детских садов в Подмосковье. Таким образом, планируется увеличить количество мест в дошкольных учреждениях Московской области на 1,25 тыс. мест. А министр образования Московской области Лидия Антонова говорит, что в ближайшем будущем родители сами будут выбирать, в какой детский сад отдавать своего ребенка, а стоимость, независимо от того, частный это садик или государственный, будет средняя по муниципальному образованию¹.

Из бюджета Московской области на одного воспитанника частного детского сада будет выделяться 17 770 рублей в месяц. На 1 июля в Подмосковье функционирует 41 негосударственное детское дошкольное образовательное учреждение с количеством воспитанников – 3 257 детей. На 1 сентября 2012 года общий объём расходов на предоставление субвенций бюджетам муниципалитетов составляет 88 851 тыс. рублей².

На федеральном уровне пытаются по-иному решать проблему поддержки частного предпринимательства в сфере дошкольного образования. «Министерство экономического развития решило устранить проблему нехватки мест в детских садах путем стимулирования частного сектора. По предложению агентства стратегических инициатив (АСИ) ведомство будет по конкурсу выделять до 10 млн. рублей на создание новых учреждений для дошкольников, что-

¹ http://hventimused.ucoz.ru/news/chastnye_detsady_v_mo_budut_poluchat_subsidii_za_n/2013-03-30-56

² <http://www.mosreg.ru/news/76636.html>

бы покрыть затраты на аренду, ремонт помещений, оплату коммунальных услуг, покупку техники и инвентаря. В министерстве пока не называют бюджет программы, но уверяют, что удовлетворят заявки всех желающих, которые смогут доказать эффективность своих планов. Речь идет о целом сегменте семейных садов, небольших садов и досуговых центров, которые могут располагаться на первых этажах в домах, то есть планируется создание нового вида субсидий, которые будут включены в программу поддержки малого и среднего предпринимательства. При этом обязательным критерием для получения государственного финансирования будет предоставление более 10% бесплатных мест детям, входящим в льготные категории. Минэкономразвития подобными субсидиями старается расширить число поставщиков подобной услуги. Важно, чтобы субсидии выдавались не просто так, а были прописаны требования к поставщику, который станет иметь дело с детьми. Однако есть мнение, что новые субсидии вообще не решат проблему для малоимущих и больших семей, поскольку предприниматель может построить детский сад и на 10 мест и на 20. Им невыгодно будет строить большие детские сады. И даже квота более 10% на льготные места не спасет ситуацию»¹.

В последнее время все более активным становится предложение о прямом субсидировании родителям их расходов на дошкольное образование детей.

Так, в «Московской области разрабатывается проект закона, согласно которому родители детей, посещающих дошкольные учреждения, будут оплачивать 100% стоимости услуг детских садов и получать компенсацию из областного бюджета. Законопроект обсудили на заседании Круглого стола в областном парламенте.

Сейчас плата за посещение детских садов составляет пятую часть от реальных расходов. Родители платят меньше, но при этом не имеют возможности выбора детского сада или программы обучения. После того, как установят единый норматив и станет известен размер компенсации, родители сами смогут решать, куда отдать своего ребенка.

Таким образом, будет обеспечено равенство прав граждан на получение образования, повысится конкуренция и качество предоставляемых услуг». Все это идет в рамках нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который вступает в силу с 1 сентября этого года².

Существует также похожее предложение о выдаче родителям новорожденного ребенка своеобразного сертификата, который, во-первых, компенсировал бы часть или всю плату за дошкольные образовательные услуги и, во-вторых, давал бы родителям право выбора и создавал реальную конкурентную среду на рынке ДОУ. Такой сертификат в чем-то схож с сертификатом, что получают военнослужащие на приобретение жилья.

У этих предложений есть только один недостаток – неясен размер компенсации родителям. Сейчас родительская плата за посещение муниципальных детских садов в крупных городах Подмосковья составляет 2000–2500 рублей в

¹ <http://izvestia.ru/news/544489#ixzz2ZEB7E35O>

² http://www.mosobltn.ru/?an=news_page&uid=35301

месяц (без учета получаемой компенсации), многодетные платят в 2 раза меньше¹ [9]. Учитывая, что реальные затраты на содержание ребенка в муниципальном детском саду составляют 25 тыс. руб., областной бюджет должен будет увеличить эту сумму минимум в 10 раз.

Другое предложение сделал заместитель председателя правительства Московской области по стройкомплексу и ЖКХ Роман Филимонов: власти Подмосковья готовы закупать в частных дошкольных учреждениях услугу по предоставлению мест для детей из очередей в детсады. «Мы готовы закупать эту услугу, нам это обходится дешевле. У нас нет капитальных затрат», – сказал Филимонов. Он пояснил, что власти Подмосковья могут закупать эту услугу в больших объемах и это будет обходиться дешевле строительства².

На муниципальном уровне отношение к развитию негосударственного дошкольного образования, как правило, прохладное. Очевидно, что муниципальным образованиям для решения этих проблем не хватает не только денег, но и компетенций³. В соответствии с решением областного правительства в муниципальных образованиях приняты свои «Дорожные карты» по развитию дошкольного образования и ликвидации очереди в детские сады. В этих документах развитию негосударственного сектора ДООУ или не уделяется вовсе внимания (Павловский Посад, Ступино, Чеховский район) или ограничиваются констатацией его недостаточности и необходимости частно-государственного партнерства в этой сфере (Мытищи, Пушкино).

Summary

THE MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES OF THE PRIVATE SECTOR PRESCHOOL EDUCATION IN THE MOSCOW REGION

V.V. Suvorov

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The Article is devoted to the analysis of modern condition of the market of educational services of preschool education in the Moscow region.

Key words: preschool education; educational services; Moscow region.

¹ <http://kadr1972.blogspot.ru/2013/06/5-10.html>

² http://www.go-parents.ru/news/russia/20_12_12_podmoskove_gotovo_zakupat_mesta_v_chastni.html

³ подробнее см: Каменских Н. А. Методические подходы к оценке ключевых компетенций муниципальной территории/ I Международная научно-практическая конференция «Экономическая система XXI века: проблемы и перспективы развития», 20 декабря 2012 г. [Текст]: [материалы] / Приволжский научно-исследовательский центр. – Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2013. С.88-90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворов Виктор Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук Московского государственного областного гуманитарного института, г. Орехово-Зуево; E-mail: suvorov050850@yandex.ru

Suvorov Viktor Vladimirovich – Candidate of Economy, Associate professor of historical-legal and humanitarian sciences chair of Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: suvorov050850@yandex.ru

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО**

*Научный журнал
№1 (2013)*

Подписано в печать 12.12.2013 Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. . Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел
Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.